

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

2 '85

ГЛАВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

Люди подвига

Мир на ладони

Страницы прозы и поэзии

Юность отцов

Следопытский телеграф

Адреса романтики

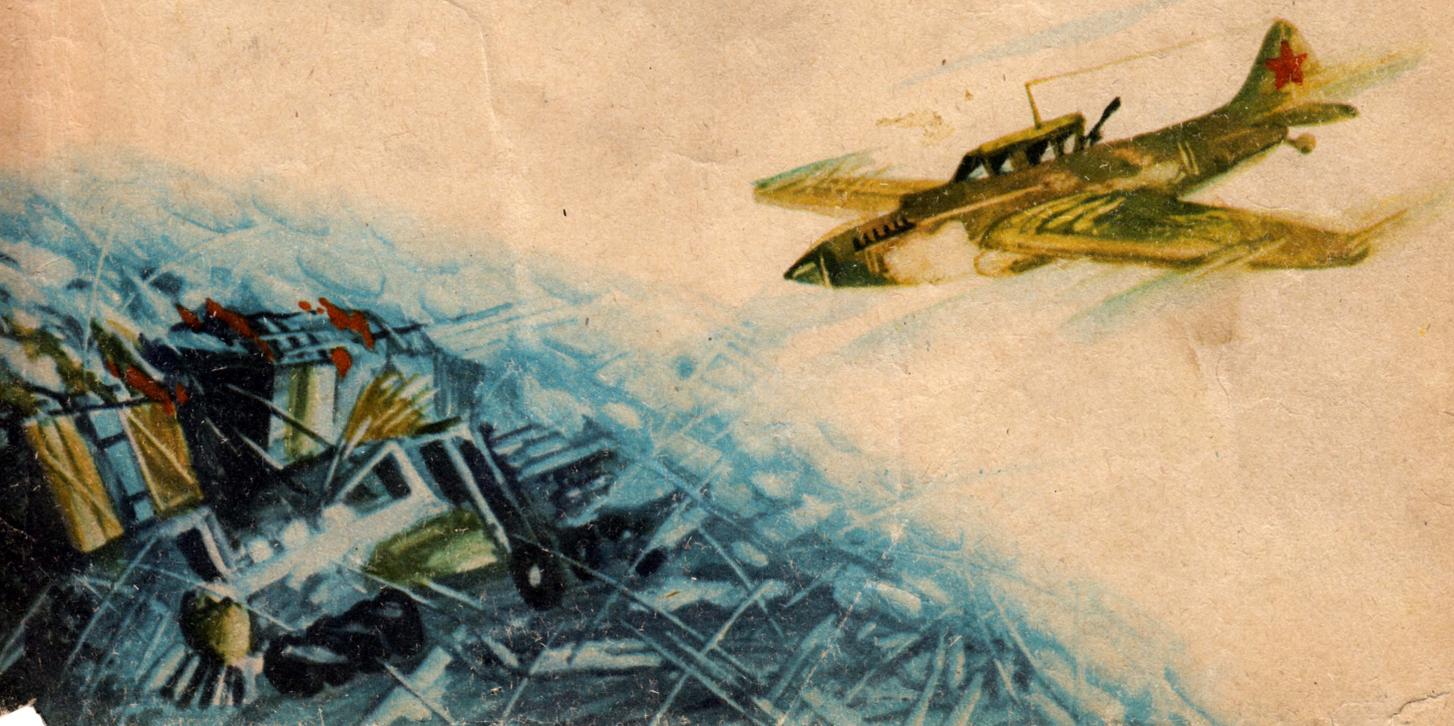
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

В СВЕРДЛОВСКЕ ОКОЛО СУВОРОВСКОГО УЧИЛИЩА
СТОИТ БЮСТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЛЕ-
ТЧИКА-ШТУРМОВИКА МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ОДИНЦОВА.
ОН ВОЕВАЛ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ
С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДО
ЕЕ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ ОСТАЛСЯ ВЕРЕН
АВИАЦИИ, ПОЛУЧИЛ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
ДО ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ, ТО ЕСТЬ ДО 1981 ГОДА, УЖЕ БУ-
ДУЧИ В ГЕНЕРАЛЬСКОМ ЗВАНИИ, ОН ВОДИЛ САМЫЕ
СОВРЕМЕННЫЕ САМОЛЕТЫ.

СЕЙЧАС ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
ПРОДОЛЖАЕТ СЛУЖБУ И ПИШЕТ О ПАМЯТНЫХ ЕМУ
ГРОЗНЫХ ГОДАХ ВОЙНЫ, О НЫНЕШНИХ БУДНЯХ АРМИИ.
ПИШЕТ НЕ МЕМУАРЫ. «ПРЕОДОЛЕНИЕ» — ЭТО ЗАПИСКИ
ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА, ОБОБЩЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ. ИВАН СОХАТЫЙ, ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ЗАПИ-
СОК, — СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ. ОН БЛИЗОК И ДОРОГ
МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ.

С ЭТОГО НОМЕРА МЫ НАЧИНАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ «ПРЕ-
ОДОЛЕНИЯ».

*Юнкер Михаил и др.
"Уральского самолета"
нашотомачи
Защитника
Розина.
З.А.И. М.А.И.*

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного
редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий
отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий
отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

Редакция:

Ю. Борисихин,
заведующий отделом
публицистики
В. Бугров,
редактор отдела
научной фантастики
Л. Будрина,
технический редактор
М. Бурангулова,
корректор
Л. Гончарова,
секретарь-машинистка
А. Кононова,
заведующая редакцией
и отделом писем
Ю. Липатников,
заведующий отделом
науки и техники
Е. Пинаев,
художественный редактор
Н. Широкова,
редактор отдела
следопытской жизни

На 1-й стр. обложки — рис.
Ю. Филоненко

НА ВЫСТАВКЕ ЦВЕТОВ

Костры полыхают из роз
И астры белеют снегами...
Весь город
Цветы сюда сvez
И вышел на встречу
С цветами.

Захлестнут цветной добротой,
Стою на гранитном Урале.
От встречи с такой красотой
И люди красивыми стали.

Как праздник,
Цветы расцвели.
А праздника мы не забудем.
Цветы — это нежность Земли,
Которая дарится людям.

Лев СОРОКИН

Я растревожен звёздной

БАЛЛАДА О ДВУХ РУБЛЯХ

Средь забот,
Волнений
И тревог
Нам всего важнее —
Наши дети...
Я спешил по делу.
Но звонок...
Как же на звонок мне не ответить?

Пробивал все скрипы на пути
В телефоне голосок мальчонки:
— В Фонд бы мира
Надо нам внести
Все,
Что накопили мы с сестренкой.

Фонду мира отдавал Урал
Щедро сбереженья трудовые.
Я немало взносов повидал,
Но с таким я встретился впервые.
Я хотел,

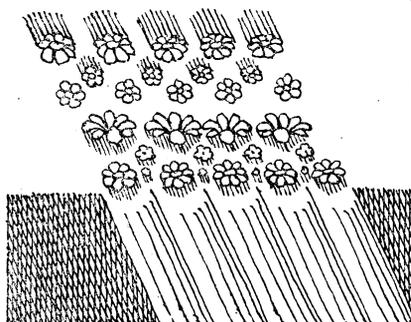
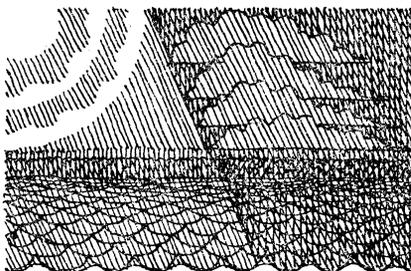
чтоб слышала Земля

Голос детства
Тоненький и звонкий:
— Взнос-то наш?..

Да целых два рубля
накопить сумели мы
с сестренкой.

И от всех, от всех, —
От взрослых нас,
Тех, кто добывает в реках рыбу,
Варит сталь
И тянет нити трасс,
От души я выдохнул:
— Спасибо!

Мир устал от ядерных угроз,
От ракетных многотонных башен.
Два рубля —
Бесценный детский взнос —
Озаряют будущее наше.

* * *

Какое мне выпало счастье:
Наполненный солнышком день,
Берез молчаливых участки,
Незримых кузнечиков звень,
И небо без облачных пятен,
И в яблочных пятнах сады.
А как холодок мне приятен
Лесной родниковой воды!
Сейчас бы разуться,

раздеться

И к речке
рвануть босиком!..

А гуси,
как будто из детства,
Из речки выходят гуськом.

В РАННЕЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Уже подряд который перегон
Стучит, как сердце,
Мерно электричка.
И прерванный досматривает сон
Вся джинсовая томная москвичка,

А спутник у нее уже в годах,
Но глаз не сводит
С крашеной девицы.
Как и в любви,
Наверное, в делах
Нельзя вот на такого положиться.

А рядышком рабочий паренек,
Похож и на борца и на боксера.
Такой в беде, конечно бы, помог,
А не отвел бы равнодушно взора.

А этот — в шляпе —
Явно нелюдим.
Судьба его ни с кем
Не срифмовала.
Завидует, наверно, молодым,
Что возьмется с дочуркой годовалой.

Мне отражает темное окно,
Как зеркало,
Людей сидящих лица.
В других мне ошибиться не грешно,
В самом себе бы
Мне не ошибиться!

И под рассветом хмурым и седым
Годов своих оглядываю стаю:
А вдруг кажусь я людям не таким,
Каким давным-давно
Себя считалю?

Становится за окнами светлей,
Свет на стекле засвечивает лица.
Я всматриваюсь пристально в людей:
Должна душа на лицах проявиться...

* * *

Гляжу на маму,
Боли не тая:
Согнули маму
Старость и усталость.
А мне казалось,
Что бессмертен я,
И мама мне
Бессмертною казалась.

Она, бывало, раньше без труда
Переносила и жару и стылость.
И на глазах была она всегда,
Когда же так заметно изменилась?

Когда старенье близких видим мы,
То замечаем,
Как стареем сами.
Как горько в ожидании зимы
Шептаться маме
С долгими дождями.

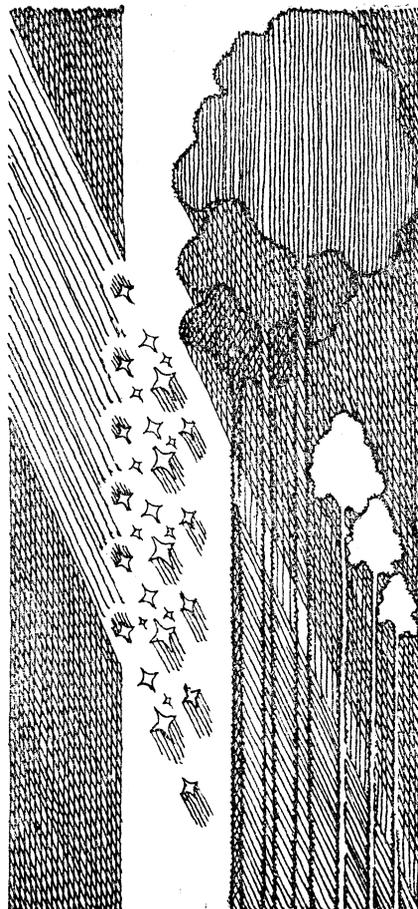
ТИШИНОЮ

* * *

Поежусь от холода я на пороге
И вспомню о близком уже сентябре.
Но легче шагать
По нелегкой дороге
На утренней зыбкой
Бодрой заре.

Еще не проснулись
Цветные поляны,
И крепко привязаны к рекам туманы,
И солнышко их
Пробивает с трудом,
Лучом упираясь
В лесной окаем.

О, это великое таинство света!
Учусь каждым мигом его дорожить.
Кто поздно встает,
Тот не видит рассветов,
Нельзя же одними
Закатами жить?

ПОД ЗВЕЗДНОЙ ТИШИНОЮ

Опять сосна
Скрипит на берегу,
И звезды в стайку
Сбились над сосною.
А я заснуть сегодня не могу,
Я растревожен
Звездной тишиною.

Глаза закрою —
Вижу алый Буг,
Где над заставой полыхает пламя,
И лейтенант,
Оставшийся без рук,
Кольцо гранаты
Резко рвет зубами.

И пули залетают
Прямо в сны,
И в штыковую поднимают роты,
И убегают дети от войны,
Еще не зная,
Что они — сироты...
Земля глядит на каждого из нас:
Еще мы сделать —
Верит! —
Что-то сможем!..

Я не могу заснуть
Четвертый час,
Я звездной тишиною
Растревожен.

Михаил ОДИНЦОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

В НЕБЕ

Светало...

Небо преображалось. Темно-серые перистые облака в зареве восхода розовели, наливались яркостью, вытягивались над горизонтом легкими и неровными алыми лентами.

Наблюдая нарождающееся «сегодня», генерал Иван Анисимович Сохатый невольно подумал о том, сколько тысяч восходов и заходов солнца пришлось видеть ему и его товарищам за долгие годы службы в Военно-Воздушных Силах. Сколько ночей, находясь в полетах, не спали они — крылатые стражи земли своей и народного спокойствия. И вместе с ними несли боевое дежурство их жены, никогда не знающие полного спокойствия, если они, летчики, в воздухе. Жизнь этих женщин всегда опалена тревогой...

Неискушенному человеку трудно, наверное, понять, как непросто жене и детям военного каждые три-пять лет переезжать на новое место службы мужа и отца; оставлять не сразу полученную, обихожную квартиру, интересную для жены работу и ехать в неизвестность; расставаться с полюбившимися людьми и все начинать заново; мерзнуть на Чукотке, изнывать от жары в Средней Азии; приспособившись наконец к пескам и горам, вскоре оказаться в Прибалтике или на Кольском полуострове. Полукочевники — муж и жена, полукочевники — дети. Но переезды не страшат их: чем больше они ездят, тем больше узнают себя и свою землю. А через это познание приходит к ним вера в правоту и необходимость трудного солдатского дела, любовь к дальним, затерянным в просторах Родины гарнизонам.

Казалось бы, все военные городки похожи друг на друга, но одновременно и разные. Сколько бы Сохатый не прослужил в каком-либо из них, он становился для него близким и родным, потому что с ним всегда была семья. Люба успевала на каждом новом месте создать домашний

уют, у взрослых и детей появлялись новые товарищи, новые заботы и радости...

Генерал пристальней, чем обычно, стал всматриваться в полыхающий солнечными румянами край неба, представляя, как земля, вращаясь, подставляет лучам все новые и новые окна обжитых им в прошлом гарнизонов. Вот яркий диск, раскалив вблизи себя зелено-голубое небо до светло-желтого, показался над землей.

Встретив раннее утро, Иван Сохатый стал запускать двигатели и вскоре поднял свой огромный ракетноносек в воздух, рассчитывая только следующей ночью приземлить его на другом аэродроме.

Рисунки Ю. Филоненко

Машина, до предела заправленная топливом, забиралась в небо осторожно. Генерал не подгонял ее: впереди у экипажа почти сутки, насыщенные работой, расписанные планом полета на минуты и секунды. Сутки работы, которые позже повторят подчиненные ему экипажи.

Такие продолжительные полеты особенно нравились Ивану Анисимовичу. Помимо отработки комплекса учебных задач, они давали ему возможность охватить взглядом большие пространства родной земли, полнее осмыслить происходящие на них изменения.

Летному составу, уходящему в особо дальние, а подчас и опасные полеты, он всегда говорил: «Окинуть взглядом сразу треть планеты — счастье, которое выпадает не каждому...» Говорил и сам был в этом убежден.

Подключив к управлению машиной автопилот, он внимательно наблюдал за утренним небом, искренне удивляясь его бесконечному разнообразию. Дважды увидеть одинаковое небо Сохатому так и не довелось, хотя более сорока лет отдал он летной службе.

Иногда небо воистину потрясало своей необычностью, таинственной силой, и тогда ему думалось, что никакими красками невозможно передать его разноликость: великолепие утра и глубоких задумчивых сумерек, знойного или морозного дня, нудность пасмурной мокроты и тревожность хмурой ночи... Если полету сопутствовала удача, Иван Анисимович наслаждался небесным гостеприимством, но и не обижался на его неожиданную ярость.

Кто-кто, а он лучше многих знал, как непостоянно небо. Даже в течение одного полета оно могло не раз измениться.

Генерал часто сравнивал небо с океаном, старался определить, что роднит воздух и воду. И главное видел в том, что они были сыновьями одной матери — Планеты. Дети, оберегающие мать и дающие жизнь всему существу на земле.

Наступило утро...

Сохатый выключил самолетные аэронавигационные огни и подсветку приборной доски летчика. Убедившись, что оцифровка всего оборудования читается свободно, скомандовал по самолетному переговорному устройству:

— Экипажу выключить ночное освещение и перейти на дневной режим работы.

Выслушав доклад об исполнении указаний, он посмотрел на часы и продолжил:

— Объявляется завтрак. Установить очередность: у штурманов — навигатору, в задней ка-

бине — командиру огневых установок; остальным в такой последовательности: бортинженер, помощник командира, командир. Времени на всех — двадцать пять минут...

Завтрак, обед, ужин, отдых — строго по расписанию. Все это — обычная в безграничном небе жизнь экипажа стратегического корабля.

Завтракает бортинженер — его и свои обязанности выполняет командир, обедает первый пилот — за двоих работает командир. С командира никогда не снимается ответственность.

Самолет шел на восток, поэтому для Сохатого солнце поднималось над горизонтом с удвоенной скоростью. Его лучи уже упали на землю, и стали видны горы. Их медно-бронзовые гряды плыли в тумане. У самых вершин туманы превращались в розовую дымку, делавшую очертания гор мягкими и теплыми.

Горы оборвались узкой равниной земли, примыкавшей к морю. Над ним предстояло сегодня выполнить учебную стрельбу ракетой. На желтоватой воде раскинулись пятнами зеленоватые мелководья, а дальше море наливалось голубизной и с трудом уже отличалось от неба.

По командам навигатора Сохатый вывел корабль на боевой курс.

— Командир! Ракета, система пуска, управления и контроля — исправны. Цель видим. Штурманы и полигон к работе готовы!

— Хорошо! Запуск двигателя ракеты разрешаю...

Вскоре генерал различил в привычном гуле работы основных двигателей новый свистящий звук, который все больше набирал силу. И чем сильнее разогнался маршевый двигатель ракеты, тем слышней становилась нетерпеливая дрожь ее носителя, ощутимее направленность предпусковых секунд....

— Командир, все приборы по нулям! — Это голос главного штурмана. — Ракета цель «видит». Прошу разрешения на стрельбу!

— Пуск разрешаю!

Генерал не первый раз произносил два этих слова, но никогда не мог сказать их спокойно. Вот и сейчас голос его дрогнул от волнения. Он оторвал взгляд от приборов и через лобовое стекло фонаря стал смотреть вперед, надеясь увидеть уход ракеты с корабля. В это время машина чуть вздрогнула, будто кто-то легонько толкнул ее, и в кабине стало тише.

— Командир, отцеп в норме!

— Слышал.

А вот и она! Иван Анисимович все же успел заметить короткую сигару, которая, блеснув на солнце, исчезла в голубоватом мареве неба, оста-

вив на несколько секунд, как память о себе, дымный след.

Сохатый гордился своим кораблем и этой ракетой: в них были вложены ум и труд десятков институтов и заводов, тысяч и тысяч ученых и инженеров, техников, механиков и рабочих, людей штатских и в погонах — всех, работающих для укрепления обороны своей Родины.

— Скорости!.. Корабль считанные минуты пробыл над морем, и вот уже перед глазами экипажа черные каменные осыпи другого берега, а за ними желто-зеленая равнина, прикрытая редкими облаками, над которыми господствовало ослепительно яркое солнце.

Летел Сохатый над морем не впервые, но почему-то всегда видел в нем три моря: бескрайнее, когда представлял себя на пляже, небольшое — с борта пассажирского теплохода, маленькое — из кабины ракетносца. Тысячи часов, проведенные на скоростях, недоступных людям в обыденной жизни, породили в нем разнородность восприятия одного и того же моря, уменьшили до сравнимых с дальностью полета размеров и сам земной шар.

Корабль, набирая высоту, все дальше уходил от моря, будто стремился догнать просветленную полосу неба у далекого горизонта.

Плывут внизу облака. Над ними стелется голубоватая дымка с примесью нежно-розового солнечного света, которая наполняет видимую даль жизненной теплотой, хотя за бортом кабины термометр показывает минут пятьдесят.

В кабине ничто не напоминает о лютой стуже, ничто не нарушает привычную обстановку. Стекло и дюраль, светло-зеленая обивка салона, аптекарская чистота и множественность аппаратуры порождают иллюзию земной кабинетности, способствуют работе, деловым разговорам, и даже не думается, что все это покоится на крыльях, несущих экипаж к новым заботам.

В зените — чистейшая лазурь неба, под самолетом — бескрайнее поле слегка всхолмленных облаков. Порой они совсем прозрачны, словно летящие паутинки бабьего лета. Сохатому кажется, что если бы эти голубовато-белые прядки мазнули его по лицу, то он ощутил бы одновременно их влажную свежесть и обжигающий холод.

В разрыве облачности мелькнула на миг петля реки и опять скрылась земля под белорозовым покрывалом. Воздух пуст. Нет ни встречных, ни обгоняющих. Монотонен гул четырех двигателей. Смолкли разговоры между членами экипажа. Каждый занят своим делом: все вместе, но и наедине с собой.

Положив на колено блокнот, генерал делает заметки о работе над полигоном. Он доволен,

но вслух этого не говорит. По привычке анализирует, ищет хотя бы маленькие неточности, которые в какой-то мере снижали быстроту и слаженность выполнения учебного-боевой задачи. Он давно убедился: без такого анализа учиться самому и учить людей нельзя.

Полет не мешал делать записи, а запись — контролировать полет, так как он научился выполнять в воздухе сразу два, а то и три разных дела, потому что в полете одна забота могла породить сразу несколько других и из третьей степенной по важности перерасти в самую главную.

— Штурман, как с разворотом на новый курс?

— Через две минуты, командир.

— Понятно. Бортинженер, расхождение с расчетами по расходу топлива есть?

— Докладываю, командир. Пока экономия около пяти тонн.

— Хорошо. Радисту подтвердить место и время заправки в воздухе.

— Вас понял. Установлю связь — доложу.

Несколько вопросов и ответов как бы заново объединили людей, работающих в разных кабинах и приборных отсеках самолета.

Взгляду Сохатого снова открылась земля. Но теперь она была иной — лесисто-зеленой, с множеством озерков и речушек. Тайга лежала бескрайним ярким мозаичным ковром ранней осени, над которым уже не дрожал, как над пустыней, тепловой мираж, мешающий видеть конкретность ландшафта и скрывающий в своем мареве даль.

На чистых красках сентябрьского леса глаза отдохнули. Глубоко вздохнув, — хорошо бы сейчас побродить по этому лесу! — Сохатый перевел взгляд на приборы: надо было готовиться к заправке в воздухе...

Слушая доклады штурмана о дальности и направлении на заправщик, он наконец нашел в голубом небе крохотную птичку, которая вскоре выросла до размеров орла. Пора было самому выходить на связь.

— «Аист», я — «Альбатрос». Тебя вижу. Режим полета по заданию. Разворот на прямую заправки.

— «Аист» понял. Выполняю.

Траектории разворотов быстро сблизили оба корабля, прошедших до точки встречи огромное расстояние. И вот теперь они рядом. Заправщик шел чуть левее и выше. Сохатому хорошо было видно, как покачиваются консоли его скошенного назад огромного крыла.

— «Аист», «Альбатрос» к заправке готов.

— Доклад принял.

На переднем самолете внизу фюзеляжа от-

крылся люк, из него показалась черная голова-стая змея шланга и наискось повисла над машиной, будто улеглась на невидимой глазу горке воздуха, решая, когда сползти вниз.

— «Аист» готов к передаче топлива.

— Я — «Альбатрос», иду на сцепку.

Сохатый чуть добавил двигателям мощности и, не торопясь, стал заводить свой корабль точно в кильватер к впереди идущему, отчего заправщик стал наплывать на него. Через минуту танкер «завис» над его машиной. Двигатели заправщика выбрасывали из реактивных сопел горячий воздух, который, не успевая смешиваться с холодным, мутноватыми упругими жгутами неся поверху. Видимые горячие струи облегчали работу Сохатому, обозначая зону возмущенного потока: туда ни в коем случае нельзя заводить свой корабль.

Шланг, как гигантский удав, спускался все ближе, слегка пошевеливая своим длинным телом. От напора воздуха раскрытая пасть заправочного конуса тоже двигалась, как бы выжидая, когда удобнее схватить жертву.

Целясь заправочной штангой в конус, Сохатый все ближе подводил к нему корабль. И когда в кабине стали слышны глухие удары воздуха, срывающиеся с конуса, начал выравнивать скорость своего самолета по скорости танкера.

Наконец штанга подошла совсем близко к конусу, и второй пилот нажал на кнопку сцепки. Щелчок клапана выстрела, и Сохатый увидел, как из штанги вылетел блестящий снаряд, увлекающий за собой шланг теперь уже его самолета. Выстрел получился без промаха, и головка снаряда исчезла в глубине пасти «удава».

Генерал быстро посмотрел на лампы сигнализации.

— «Аист», контакт состоялся. Контрольные лампы горят. Готов принять топливо.

— «Альбатрос», даю топливо.

От хлынувшего в баки топлива корабль начал тяжелеть, проваливаться. Удерживая его в строю заправки, Сохатый понемногу добавлял мощности двигателям и ювелирно-точными, почти незаметными движениями так управлял самолетом, что он продолжал идти за танкером как на привязи.

Две огромные машины в сотни тонн веса неслись в небе как одно целое. Они очень отдаленно напоминали сейчас донора и больного при прямом переливании крови.

Бешеная скорость и потрясающая близость двух громад в любую секунду могли осложнить полет. Но экипажи верили в свои силы. Да и работа была привычна.

— Командир, докладывает помощник: осталось принять последние две тонны. К прекращению контакта готов.

— Хорошо! «Аист», конец заправки. Разрешаю расцеп!

— «Аист» принял. Увеличиваю скорость.

Заправщик начал плавно удаляться от корабля Сохатого. Шланги вытянулись во всю длину. Еще миг — и они разъединились. Заправка кончилась.

— «Аист», расцеп нормальный. Спасибо за топливо.

— Счастливого полета, «Альбатрос»!

Проводив взглядом удаляющийся от него танкер, Сохатый развернул «гармошку» полетной карты. Устье реки на ней было перехвачено кружком контрольного ориентира, от которого линия пути уходила в Ледовитый океан: на голубом поле полетной карты лишь кое-где виднелись маленькие соринки-острова. Иван Анисимович посмотрел на линию предстоящего пути, пересчитал расстояние: впереди у экипажа были еще тысячи километров покрытой льдами воды, ночь с новой заправкой в воздухе (только для тренировки). И все это — для накопления опыта, приобретения необходимой психической устойчивости, которые так необходимы не только в учебном полете.

Прозрачность облачности позволяла Сохатому видеть и голубую, с мазками киновари крышу земной жизни, — само небо. И несмотря на то, что голубого было мало и присутствовало оно лишь как грунт на холсте художника, сейчас ему не хотелось другого неба, потому что это, согретое из-за облачных кулис солнцем, было красиво строгой определенностью.

В теплой тишине рабочей кабины Сохатому кажется лишним надеть на него под парашютные лямки красный надувной жилет, лодка, притороченная к нему накрепко фалом, чтобы при прыжке не потерялась... Жилет и лодка — необходимые атрибуты жизнеобеспечения, хотя никто из членов экипажа не собирался купаться в воде, хранящей в себе не более четырех градусов тепла.

Вдали, оживив своим видом водную пустыню, показались суда. Сейнеры поднимали на борт тралы. Иван Анисимович рассматривал их молча и думал с горечью о том, что рыбаки из века в век стремятся как можно больше вычерпать рыбы.

За сейнерами новое судно — лесовоз, потом — сухогруз. Затем сразу несколько идущих в кильватере судов. Но оживленный корабельный «проспект» исчезает под крылом, и внизу остается монотонное однообразие — тяжелая, зеленовато-серая вода.

Просторы Арктики пустынно. Даже из кабины Сохатый ощущает ее оглушающее безмолвие. Но чаще всего арктическая тишина представлялась Ивану Анисимовичу обманчивой, существующей только в понятии людей, знающих Арктику поверхностно, не умеющих или не желающих приблизиться к ней настолько, чтобы раствориться в ее просторах, превратиться из инородной в родную для нее частицу. Он достиг такого единения с Севером, когда через штиль и дыхание ветра, через плеск воды и шелест снежинок, через запах и скрип снега для него все громче начинали звучать, словно хоралы, торжественно-грозовые, широко охватывающие мир басы. Они очищали душу от житейских мелочей, позволяли подняться выше забот сегодняшнего дня.

Сохатый вспомнил, что тут недалеко пролегли когда-то маршруты Чкалова и Громова, которые впервые на самолете покорили Северный полюс и создали воздушный мост из Европы в Америку. Героический мост, по которому теперь преспокойно летают пассажиры, пьют чай и читают газеты.

Вспомнился ему и полет экипажа Леваневского, имевшего задание выполнить рекордный перелет через Северный полюс в США на новом самолете. Вначале все шло хорошо: полюс был взят, а через четыре часа их не стало. Несчастье пришло совершенно неожиданно, при полной уверенности в успехе. Ведь только за месяц перед этим Валерий Чкалов и Михаил Громов прошли этой трассой на одномоторных самолетах, а Сигизмунд Александрович летел на машине с четырьмя двигателями.

Девять месяцев длились розыски, но надежды найти хоть что-нибудь не оправдались. Пространство между 89-й и 83-й параллелями до сих пор хранит свою тайну. «Неудача в поиске, может быть, явилась следствием того,— подумал Иван Анисимович — что тогда не знали о существовании циркум-полярного вихря льдов в пространстве между Канадой, Аляской и географическим полюсом. Не знали, что панцирь Северного Ледовитого океана совершает свой бесконечный круговорот в направлении, обратном вращению земли, и поэтому искали не так, как бы надо было, и не там, где могли оказаться люди».

Сохатый знал поговорку: «Семь раз отмерь, а один раз отрежь». Частенько ею пользовался, говоря с кем-нибудь о серьезных делах, когда вырабатывалось какое-либо важное решение. Но, видимо, такого предостережения для Севера бывает мало, и ему захотелось вдруг известную всем поговорку сказать по-своему, не только сказать, но и взять ее за правило: «Семь раз отмерь, а потом подумай — резать ли?»

Наступила ночь, взошла луна. От ее света небо вновь переменилось: обмелело, стало синехолодным, в чем-то похожим на огромный спящий город: в бесчисленных кварталах — редкие звездочки живых окон, а на улицах — шуршащие обрывки цивилизации — одинокие астероиды...

Корабль снова летел над сушей. Сохатый пил чай. Давая отдых глазам, отвлекшись от приборов, он расслабленно поглядывал на холодное от лунного света небо.

Ночью горы с высоты — чернота на темноте. Только снег мерцает на вершинах. Да и то если луна. Луна сделала, казалось бы, невозможное — соединила черное и синее в единое, разделив их разные состояния и сделав родственными.

Иван закрыл глаза, пытаясь несколько минут отдохнуть, но тут же мысленным взором увидел другое небо: розовато-пепельное, как цветущая сирень.

В одном из полетов в начале ночи было темно, и тем неожиданней для Ивана засветились тогда в небе пряди полярного сияния. Казалось, цветные льняные нити колыхались в странном танце. Теплые сполохи лучей раскачивались в едином ритме во весь размах северного неба.

Фиолетово-зеленые ребристые столбы света, наискось перечеркнувшие небо, виделись Ивану ступеньками длинной зыбкой лестницы познания человеком воздушного океана, которые все дальше уводили его от земли. Огненный танец пробудил в его сердце желание по-новому прикоснуться к тревожной и неповторимой красоте мира, к его трудно постигаемому совершенству.

Иван Анисимович не считал свою судьбу исключительной. Но в этой разверзшейся перед ним необозримости ему страстно захотелось увидеть себя со стороны, взглянуть на свою жизнь, как на жизнь другого человека.

ПЕРЕКРЕСТКИ

Вспоминая детство, Иван Сохатый не переставал удивляться той неистребимой любознательности, которая подчас приводила его и приятелей, с точки зрения взрослого человека, на грань безрассудных поступков.

Беда пришла неожиданно и встретила их там, где ее никто не ждал,— у новой мельницы на маленькой речушке Талице, каких тысячи на Руси.

Не первое лето мужики и мальчишки прыгали, купаясь, с новой плотины в воду, и никого, в том числе и мельника, это не беспокоило. Остатки старой запруды были известны всем. Но однажды все же нашлась среди видневшихся

под водой свай одна неизвестная. Колька Рыжов нырнул и напоролся.

Иван видел это как будто сейчас.

Вначале они считали, сколько пробудет Колька под водой, и смотрели, где он вынырнет. Парень не показывался, а вода чуть пониже того места, куда приятель прыгнул, вскоре стала красной. Ребята не сразу поняли, что красное — это кровь. А догадавшись, испугались. Двое кинулись с воплями к деревне.

Оставшиеся на плотине мальчишки ревели, не знали, что делать. Ивана бил озноб. Превозмогая страх, размазывая слезы по лицу, он все же полез в кровавую воду. Подплыл к красному разводью и, зажмурившись, нырнул, но руками ничего не нашел. Ему было страшно от ожидания, что Колька вот-вот схватит его за ногу и потащит за собой на дно. Вынырнув, отдышался и все же заставил себя нырнуть еще раз, но уже с открытыми глазами. И сразу увидел в красной мути Кольку, висевшего животом на остром сколе свай.

Как он вытащил тело друга на берег, он не помнил. А потом его в кустах рвало, трясло от пронизывающего холода, хотя день был теплый, летний.

...Деревня двадцатых годов не могла дать детям больших надежд на будущее, но она при-

учила их с малолетства к труду до седьмого пота. Стар и млад знали тяжесть добытой копейки, разницу во вкусе хлеба из муки и лебеды. Редкие праздники, еще реже — обновка. Летние дни, наполненные чаще всего недетскими заботами, и главное в них — работа, работа от зари до зари, работа вровень со взрослыми, без скидок на возраст...

Как ни трудно жила деревня, но она уже не была изолирована от большого мира. Мужики, вернувшиеся с империалистической и гражданской войн, рассказывали про танки и автомобили, про воздушные шары и дирижабли, но особенно много — про аэропланы, с которых летчики всех и все видят, стреляют и бомбят, наводя невероятную панику на войска и обозы.

Эти немудрящие рассказы переплетались в мыслях Ивана со сказками, в которых злые колдуны, ведьмы и черти всегда летали на метле или в кадке, а чародеи, добрые царевны, царевичи и хорошие люди — на ковре-самолете. Иван силился понять, как же теперь люди будут отличать в небе добро от зла, но так ничего и не придумал. Однако начал догадываться, что сказки становятся явью...

С каждым годом человек поднимался в небо все выше, летал все дальше и все стремительнее. И один из них «долетел» до Ивана Сохатого: летним днем на деревенском выпасе приземлился аэроплан.

Иван был в толпе, набежавшей отовсюду, и впервые увидел летчика — человека, одетого в черную кожаную куртку, такие же брюки и шлем.

Самолет с широкими двухъярусными крыльями и автомобиль около него источали необыкновенно острый непривычный запах и казались настолько нереальными, что он пробрался к ним вплотную и потрогал их, чтобы убедиться в их настоятельности. Вскоре один из прилетевших мужчин уехал на автомобиле. Минут через двадцать, обдав Ивана шумом, ветреной пылью пропеллера и запахами гари, аэроплан улетел.

Люди на лугу долго не расходились. Каждый хотел поделиться особо запомнившимся, будто только он и мог это углядеть. Диковинная машина и впрямь казалась сказочной. Но смысл ее настолько был далек от деревенской жизни и повседневных забот, что ни у Ивана, ни у кого из мальчишек это событие не вызвало желания стать летчиками. Слишком призрачным был для них мир авиации, и они не могли представить себя в нем...

По воскресеньям мальчишки запускали змея. Сам не летаешь, так пусть летит сделанное твоими руками! Каждый хотел быть ловчее другого, старался сделать змея самого большого,

раскрасить углем пострашней и поднять в небо повыше. Однажды в свежий ветер Иван запустил с колокольни большого змея. Наверное, под влиянием прабабушкиных сказок о ковче-самолете, о новом ковчеге он на хвосте змея поднял в воздух вылепленные из глины фигурки людей и животных. Но старый пономарь гонял мальчишек с колокольни, подкараулил и Ивана, порвал ему суровую нитку, удерживающую змея. И тот, потеряв несущую способность, упал на деревья кладбища, порвался.

И уже через много лет, когда жизнь Ивана Сохатого оказалась накрепко связанной с небом, он понял, что ему тогда довелось пережить первую «авиационную катастрофу».

Авиация для Сохатого началась точно так, как начинались для многих сотен тысяч юношей и девушек целина, КАМАЗ, БАМ и другие великие стройки, — с бурных комсомольских собраний. Только эти жизненные события разделены десятками лет.

Всюду реяли лозунги: «Дадим стране сто тысяч летчиков», «Комсомолец, на самолет!» По путевке комитета комсомола строительного техникума осенним погожим днем группа энтузиастов, пройдя через все «сита» различных медицинских и приемных комиссий, поехала в аэроклуб.

И началось: утром техникум, вечером аэроклуб, ночью самоподготовка, сон — в трамвае и где придется. В голове все перепуталось: в аэроклубе — аэродинамика, навигация, военное дело, самолет, мотор, в техникуме — математика, химия и азы строительного дела. Тысячи новых названий и понятий, не желающих укладываться в памяти. Мозг бунтовал и отказывался от непрерывной нагрузки. А Иван еще и работал на заводе.

В конце концов решение было принято. И от появившейся определенности жить и дышать стало легче. Остались завод и аэроклуб, аэроклуб и завод.

...Будучи уже лётчиком, Сохатый не раз спрашивал себя: «Кто научил не предаваться злобе, научил умению прощать обиды и ошибки, терпению в работе и, главное, мечтать?»

В поисках ответа он всегда приходил к своему раннему детству, к прадеду и прабабушке, к бабушке Ксении, к теткам и дядькам, которые заменили ему мать и отца.

Но как бы ни было хорошо в многолюдном и теплом доме, все же изредка на Ивана накатывалась тоска по матери. Тогда он прятался в заросли маличника или забирался на сеновал и там старался увидеть себя вместе с мамой.

В памяти сохранился солнечный летний день. Под огромным небом, на широком поле, перехваченном, как поясом, лесистым овражком, он видел белобрысого мальчонка лет трех-четырех и женщину, идущих рядом по насыпи железной дороги. Их разделяет рельс. По щебенке идти неудобно и тяжело — ноги вихляются, поэтому Иван шагает широко. Стараются ступать так, чтобы попадать на шпалу, но от этих, не по росту длинных шагов скоро устает. Тогда он становится на блестящий от колесного наката рельс, а мать подает ему руку, помогая сохранить равновесие. Иван увлеченно, забывая про усталость, идет по наезженной железной полосе...

Но как ни силился, как ни напрягал Иван память, он не мог представить себе лица матери и ее одежды. Помнил только поддерживающую его руку, она была надежная и терпеливая, теплая и жесткая от крестьянской работы. Помнил и котомку за материнской спиной, где лежали еда, бутылка с водой и его одежонка.

Почему они оказались пешими на железной дороге и сколько прошли — ему не запомнилось. Но, вероятно, двигались издалека, так как не раз садились отдыхать, полдничали, а потом вновь считали телеграфные и километровые столбы.

Мама говорила ему, что они идут на свидание с отцом, но сама почему-то не радовалась этому. Иван видел, как она, отвернувшись от него, вытирает слезы.

— Почему вы плачете, мама?

А она отвечала одной и той же фразой:

— Я не плачу, сынок. Мошка залетела. Вот глаз слезой и моется.

Наконец они пришли в город. К этому времени Иван смертельно устал, не шел, а висел на материнской руке. Поэтому он и не запомнил ничего от встречи с отцом.

Утром мамы уже не было.

Шли дни, и Иван вскоре понял, что место матери заняла другая женщина. Иван не был обижен в новом доме, но так и не прирос к нему. Чувствуя обостренным детским восприятием холодную вежливость и заботу, он жил особняком. И чем больше подрастал, тем заметнее выделась граница, отделяющая его от мацехи, от отца и других детей. Иногда отец делал робкие попытки сблизиться, но наталкивался на отчужденность сына. Наконец, увидев однажды как-то по особенному сутулую отцовскую спину, Иван окончательно понял, что он здесь лишний, и убежал, чтобы никогда не возвратиться. Он надеялся, что прадед Степан его примет. И не ошибся.

...Теперь, много лет спустя, зрелым умом Сохатый понимал, что со второго начала своей до-

роги ему довелось наблюдать терпение, стойкость русского крестьянина в житейских невзгодах. Он не помнил в доме прадеда Степана пьяного крика и громкого злого голоса, упреков или жалоб к кому-либо, сетования на недород или ранний снег.

Сердце Ивана Анисимовича наполнялось благодарностью, когда в его ушах вновь воскресали голоса: «Ваня, Ванюша, Ванечка, Иванушка, племянничек, племяш, внучек, правнучек...» И только один раз, нечаянно, он услышал, как прабабушка Марфа, лежа на печи и не видя его, говорила:

— Ксюш, поди-ка, милая, Иванушке-сиротинушке медку принеси, пусть он со мной мятного чайку попьет. Мужики-то с бабами не скоро с поля возвратятся, а ему науку надо постигать.

А сколько он услышал и узнал от старших сказов и поверий про войну и богатырей, про царевен и царевичей, злых духов и Иванушек. И везде Иван был добрым и смелым, сильным и справедливым, делающим добро и в конце концов добывающимся справедливости. Если же ему делалась приставка «балда», то и в этом случае Иван был «себе на уме», хитрющий да знающий и только с виду дурачок.

В долгие зимние вечера с печи, бывало, добрый голос звал его:

— Ванюшка, иди-кось сюды! Сказать тебе хочу про Ивана-копейщика да волчью стаю оборотней. Мне раздумка, а доброму молодцу в урок...

Сказ — не поучение, не совет, а думы вслух. Сказка вовлекала Ивана в мир событий, переживаний за успехи и неудачи героев, заставляла проходить вместе с ними через зло и ложь, отстаивать добро, принимать чью-то сторону, совершать ошибки, может быть, из-за скрытой в глубине души жадности, а потом глубоко сожалеть об этом...

Детский ум его не всегда мог сразу разобраться в хитросплетениях поступков людей и животных, чтобы определить — с кем быть, ведь непременно хотелось оказаться среди справедливых.

И сейчас, по прошествии многих-многих лет, истинные человеческие качества всего дороже генералу, и сейчас тянется он к людям с открытой душой, доверчивым и незлобивым. А случилось в жизни всякое, судьба ему досталась не из легких.

Первый летный день.

Сохатый-учлет в праздничном настроении. Он ощущает необыкновенную легкость движения и нетерпение. Каждый новый взлет самолета с

очередным курсантом приближает для него заветный момент: он впервые поднимается в небо не во сне и не в сказке на ковре-самолете, а на реальной крылатой машине.

Наконец он сел в кабину, пристегнулся привязными ремнями, присоединил шланг переговорного устройства к шлему и доложил:

— Товарищ инструктор, курсант Сохатый к ознакомительному полету готов!

Инструктор Никита Бодров запускал мотор, а в голове Сохатого металась тревожной воробьиной стаей мысли: «Только бы не испугаться. Ведь раньше вроде не боялся высоты. На деревья, на колокольню лазил. Был на «Семи братьях» под Нижним Тагилом. Прыгал с парашютной вышки...»

Стартер взмахнул белым флажком, и У-2 побежал вперед. После небольшого разбега самолет неожиданно повис в воздухе, и земля стала быстро «проваливаться» вниз. Иван почувствовал себя на качелях, подбрасывающих его вверх, в новый для него мир. С волнением ему удалось кое-как справиться и только после этого он уже осознанно посмотрел на небо и на землю. Небольшая солнечная дымка создавала физически ощутимую толщу голубоватого слоя воздуха под крылом, отчего казалось, что он смотрит на землю через огромное прозрачное цветное стекло. Поля и леса, дороги, игрушечные поселки, мозаика свето-теней внизу по бескрайней, всхолмленной невысокими горушками земле породили в нем сохраненные на всю жизнь удивление и восхищение.

Послушная воле инструктора зеленокрылая птица продолжала набирать высоту. Парение самолета над огромной землей казалось Сохатому столь невероятным, что он усомнился в изученных им законах аэродинамики и решил убедиться: действительно ли способен воздух «держаться» на себе огромную тяжесть. Чтобы испытать, Иван осторожно высунул из-за козырька кабины руку, и его враз ударило плотным потоком воздуха.

Иван посмотрел снизу на верхнее крыло и увидел, что обтягивающая его перкаль от напора воздуха так сильно вдавливается внутрь, что через материю просматривается весь силовой набор крыла, все составляющие его стрингеры, нервюры и лонжероны, которые можно было спокойно посчитать. Верх же нижнего крыла, обращенный к нему зеленой стороной, был спокойно гладким и не создавал впечатления производимой им работы. «Да, крыло, видимо, действительно больше опирается на воздух своей нижней поверхностью, нежели подсасывается вверх», — подумал он, хотя теория говорила иначе.

На этом его «исследовательские» размышления закончились. Их сменили совершенно неожиданные, волнующе-тревожные ощущения,— учитель привел самолет в зону и начал пилотаж...

Все, о чем говорил Сохатому инструктор на земле, чему учили его преподаватели, что зубрил и запоминал он сам, мгновенно вылетело из головы. Бодров что-то громко говорил в переговорную трубку, но смысл слов не воспринимался. Руки Ивана намертво вцепились в борта кабины, а широко открытые глаза не узнавали мир. Голова отказывалась понимать, когда У-2 делал вираж, а когда — боевой разворот, какой из маневров называется петлей, а какой — штопором.

Сначала он видел землю то с одного, то с другого борта кабины, а тело прижимало к сидению. Затем, как в дикой пляске шамана, все завертелось перед глазами. Меняясь местами, проносились по очереди земля — небо, небо — земля, и он потерял представление, что из них он видит вначале... То дух захватывало от крутого подъема, то гнулась спина от наваливающейся на плечи тяжести...

Наконец пилотаж кончился. Земля «вернулась» на свое обычное место и оказалась, как и прежде, ниже самолета.

Успокоившись, отдышавшись и придя в себя, Иван вдруг увидел в смотровом зеркальце смеющееся лицо инструктора.

«Наверное, такого разяву, как я, он еще не встречал», — подумал Иван. А пока разбирался в своих ощущениях, У-2 оказался на аэродроме...

Выключен мотор. Сохатый расслабленными, неуверенными движениями выбрался из самолета и остановился на крыле. Держась за борт кабины, приложил старательно руку к летному шлему:

— Товарищ инструктор, разрешите получить замечания.

Ритуальный доклад выполнил. Сил все же хватило. И настороженно замолчал, с тревогой ожидая, что же скажет ему учитель.

— Хорошо, Сохатый! Сегодня замечаний нет. Держался ты хорошо. Поздравляю.

Душа Сохатого ликовала: «Экзамен выдержал!»

Если на Руси говорят, что танцевать надо от печки, то биография Сохатого-летчика началась вот с этого первого, памятного ему на всю жизнь ознакомительного полета, подобного первому шагу ребенка. Только малыши не сохраняют в своей памяти родительскую радость, свой страх и свою гордость за этот первый шаг, а летчики запоминают его навсегда.

Ивану повезло. Его первый полет совпал с чудесным весенним днем. Он видел ясное небо, яркое солнце, расцветающую землю. В этот день он приобщился к миру крылатых. Время начало отсчитывать его летные часы...

Самостоятельный вылет Сохатого пришлось на середину лета и по времени совпал с нападением японских самураев у озера Хасан. Думая о своем будущем, он часто возвращался к IX съезду ВЛКСМ, на котором по поручению ЦК ВКП(б) выступил нарком обороны СССР Климент Ефремович Ворошилов. Его слова: «Кто будет обслуживать наши Воздушные Силы в качестве летчиков, бортмехаников, в качестве инженеров, работников аэродрома,— от этого в значительной мере будут зависеть и рост, и успехи нашего Красного Воздушного Флота...»¹ — видимо, и определили место Сохатого в жизни.

От полета к полету Иван чувствовал, что У-2 становится все более послушным его рукам и мыслям; но на земле или в воздухе всегда помнил слова инструктора: «С самолетом обращайся на «вы», и он тебя не подведет». Ох, сколько соблазнов было в воздухе, первые успехи кружат голову, кажется, что все уже по силам. Но инструктор знал за молодыми это свойство и терпеливо приучал к дисциплине, к постоянности овладения пилотажем.

Наконец Иван получил пилотское свидетельство Осоавиахима и подал рапорт с просьбой направить его в школу военных летчиков. Но прежде чем решиться на такой шаг, ему пришлось заново перепроверять себя.

Вспомнил парашютные прыжки в начале полетов и гибель Кравцовой, не сумевшей раскрыть купол. Он видел, как Лариса вышла на крыло У-2, шагнула с него. Через три-четыре секунды курсанты заволновались: парашют Кравцова не раскрывала, а к ним сверху дошел голос девушки, которая сначала сердилась на вытяжное кольцо, не вытаскивающееся из кармашка, а потом, осознав надвигающуюся беду, потеряла над собой контроль.

Руководитель прыжков кричал в мегафон:

— Кравцова, открывай запасной парашют! Запасной!!

В ответ из-под солнца все громче неслоь страшно вращающееся в штопоре:

— А-и-а-и!!! — этот звук невозможно было перекричать.

Их, курсантов, не успели перехватить, и они умудрились раньше санитарной машины прибежать к месту падения. Лариса лежала на боку в объятии двух парашютов, шлем соскочил

¹ IX съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет, М. 1931 г., стр. 387—392.

с головы, темные волосы рассыпались по зеленой, еще влажной от росы траве.

Подъехал командир отряда и крикнул на них:

— Кто вас сюда просил?! — А потом, подумав немного, сказал тише: — Раз уж здесь, то смотрите... Видите? Рука вместе с кольцом держит и лямку подвесной системы. Конечно, так парашют в действие привести нельзя. А воли у Кравцовой не хватило, чтобы разжать руку и перенести ее на запасной. Беда, конечно...

Они не успели опомниться и отойти от санитарной машины, в которую укладывали тело Ларисы, как командир, надев на себя парашюты Кравцовой, встал на подножку полуторки:

— Давай к самолету, — скомандовал шоферу, — сейчас я вам покажу, что в парашютах все исправно и они безотказны.

И прыгнул, открыв сначала основной парашют, а потом запасной.

...Сохатый вспомнил себя на мандатной комиссии в военной школе пилотов и вновь услышал вопрос председателя:

— Так что же ты хочешь, Иван Сохатый?

— Хочу быть летчиком-истребителем.

— Все хотят быть истребителями. А кто бомбы на врага бросать будет? Кто на самолетах-разведчиках летать?

— У меня рекомендация в истребительную авиацию.

— Аттестован ты действительно в истребительную, но истребительный отряд уже укомплектован. Посмотри в окно! Видишь стоят Р-5¹. Вот тебе и конь, и меч, и огонь. Только справишься ли? Уж больно ты щуплый да худой... Согласен или нет?

Снова надо было решать. Быстро и самому. Представлялась возможность летать, а это было для него самым главным.

Сев за штурвал самолета, Иван постепенно пришел к убеждению, что нет ничего прекраснее полета. Птица летает от природы — это ее естественное состояние. Воздух — ее стихия. А для человека? Летая многие годы, Сохатый бесконечное число раз убеждался, что каждый полет — это творчество, где слиты воедино желание и долг, эмоции и мысль, расчет и риск, дерзость и уверенность, скорость и спокойствие. Это ощущение полной, слитности с машиной, послушной каждому его жесту, сродни чувству праздника. Человек, не побывавший в полете, даже не представляет себе, сколько оттенков имеют цвета воды и неба, зелень лесов и полей, белизна снегов и облаков, густые багрово-оранжевые краски утренних и вечерних зорь, осязае-

мая материальность сумерек и хрупкая прозрачность рассветов.

Но всякий полет, даже самый простой, — не прогулка, а единоборство с природой и с самим собой. Полет всегда несет в себе скрытый постоянный риск. Человек — не птица, он поднимается в чуждую ему стихию. В стремлении понять небо летчики быстро становятся мудрыми.

Говорят, что люди всегда умнее задним числом. И Сохатый был с этим согласен, пока не начал летать. Теперь этот афоризм оказался непригодным. Пилотам нельзя уметь потом: небо не прощает ошибок и легкомыслия.

В огне войны, когда Ивану почти каждый день приходилось видеть смерть, он рано повзрослел.

ЖИТЬ

Середина мая.

Без малого год идет Великая Отечественная. Без малого год сражается в огненном небе войны лейтенант Сохатый. Закаляется его воля.

Немецко-фашистское командование сумело остановить наступление войск Юго-Западного фронта и нанесло неожиданный контрудар. Позже Ивану Сохатому и его однополчанам станет известна директива ОКВ № 41, изданная в апреле 1942 года. Гитлер требовал: «...на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ». В ней же одной из целей наступления был назван Сталинград, что и предопределило направление главного вражеского удара. В кровопролитных боях на земле и в небе войска фронта пытались остановить рвущиеся на восток фашистские части.

Редкий вылет летчиков полка на боевое задание обходился без потерь. Пробоины в Илах от огня зенитной артиллерии и пушек «мессершмиттов» были обычным явлением, хотя к этому «обычному» человеку привыкнуть невозможно.

Полк, как воск на огне, таял в боях. Все меньше оставалось на аэродроме летчиков и самолетов. А пригодные для боя машины были в латках от снарядов, пуль и осколков, от вынужденных посадок. Полк сражался с врагом, истекая кровью, но стремился сохранить, как только мог, самолеты в строю: промышленность не успевала восполнять потери.

Машину Сохатого тоже не облетел стороной снаряд врага. Ил с трудом дотянул до аэродрома и стоял теперь на серьезном ремонте. А Иван, оказавшись «безлошадным», был переведен на положение пилота связи и выполнял

¹ Р-5 — самолет-разведчик.

обязанности авиапочтальона, что было отнюдь не так просто: фашистская авиация господствовала в воздухе.

Середина жаркого дня. Сохатый летит на У-2 к линии фронта. Во второй кабине у него пассажир — старшина Курыжов. Летят они на место вынужденной посадки, где техники полка ремонтируют штурмовик Ил-2. У каждого летчика свое задание от командира полка: Сохатому привезти Курыжова, а последнему перегнать восстановленный самолет на аэродром.

Лететь было опасно, и Сохатый вел У-2 низко, пряча его в земной пестроте. Со стороны бреющий полет, наверное, больше походил на прыжки и подлеты пугливого кузнечика. Истребители врага то в одном, то в другом месте рыскали в воздухе. Чем ближе подлетал Сохатый к фронту, тем больше раздваивалось его внимание, все чаще в голове возникал тревожный вопрос: «Как там, за хвостом?» Отвлекаясь от наблюдения за землей, он все чаще поворачивался назад.

На войне шутки плохи: просмотришь врага — ошибку не исправишь. Не умеющего смотреть за небом бьют сразу в упор и наверняка, потому что вторую прицельную очередь атакующему выполнить труднее. Вторая атака может вовсе не состояться.

Сохатый пробирался на запад, выбрав маршрут подалее от дорог. Дороги с войсками, как магниты, притягивали к себе вражескую авиацию, которая порой штурмовала то одну, то другую колонну, а попасть «под горячую руку» Иван не хотел.

Чувство тревоги не покидало. После стального Ила для него уже стала непривычной легонькая связная стрекоза: ни брони, ни пушек, ни пулеметов, да и скорость мизерная. Вся надежда на маскировку да собственную изворотливость.

Уже три года летал Сохатый на боевых машинах, за плечами бои и госпитали, в какой-то степени они вытеснили из его памяти У-2, и теперь Иван как бы вновь узнавал его, видел по-новому. Летел и удивлялся прозорливости Поликарпова, который сделал такую простую машину, надежную и нужную — ничего лишнего и все есть, чтобы летать...

У-2, безропотно подчиняясь Ивану, шел ниже столбов, прятался за деревенские сады и редкие островки деревьев на полях. В самолете жарко. Казалось, что под ним не земля, а раскаленный радиатор. Горячий воздух врывался в кабины, восходящими потоками безжалостно трепал самолетик за крылья. Его подбрасывало, било о невидимый воздушный кочкарник, как телегу на булыжной мостовой да еще с ухабами. Линия фронта все ближе: впереди дым пожарища, но что горит — издали разглядеть невозможно. Сохатый и Курыжов старательнее крутят головами, обшаривая глазами небо в поисках неприятеля. Говорить не хотелось, да и не было для этого оборудования. Перекричать же сто двадцать лошадиных сил, вращающих винт, почти невозможно. Уговор один: кто первым увидит врага, тот и подает сигнал опасности.

Когда до предполагаемого места посадки осталось километров пять, Сохатый наметил хорошо заметный ориентир-церковь, чтобы от нее начать поиск где-то спрятанного тут маскировкой штурмовика. Иван знал эти места и не сомневался, что найдет самолет, лишь бы враги не сожгли его.

Однако Ила не видно. Выполнил вираж влево, вираж вправо, чтобы побольше осмотреть площадь, но безуспешно. Тогда Иван обернулся к старшине, показал жестами: «Гляди!»

Курыжов закивал в ответ. Снова два виража. Смотрят уже в четыре глаза, но ничего нет. Иван переместил У-2 западнее еще на километр. Снова восьмеркой виражи поиска. А вот и самолет! Вернее, копна на хлебном неубранном поле. Около соломенного бугра стоят знакомые люди, машут, приседают с разведенными в сторону руками — просят идти на посадку.

Прошел над полем. В каком направлении идут борозды — не понял, а не узнав этого, садиться нельзя — можно перевернуть самолет через мотор на спину. Приказав старшине Курьжову наблюдать за воздухом, Иван вернулся к замаскированному самолету, сделал над ним крутой вираж, мотая головой, размахивая левой свободной от управления рукой, изображая мимикой, что не понимает обстановку.

Воентехник I ранга Григорьев догадался, в чем дело. Отбежал в сторону и показал направление посадки.

...Сели. После приземления Сохатый уперся ногами в педали руля поворота, приподнялся над сиденьем так, чтобы нос самолета не закрывал ему землю и стал внимательно смотреть вперед, стараясь не проглядеть канаву или яму. Ему казалось, что У-2 бежит долго. И был доволен, что ничего с ним не случается. Наконец, потеряв инерцию, самолет остановился метрах в двухстах от замаскированного Ила. Иван сразу же выключил зажигание, но перегревшийся мотор продолжал работать на самовоспламенении. Пришлось вновь включить магнето. Мотор, остывая, еще работал на малых оборотах, а техники подбегали уже к самолету, с охапками соломы для маскировки, потому что на желтоватом поле зелененький самолет любой злой глаз мог увидеть издали, и тогда пропадет «стрекоза»: сожгут.

Выпрыгнув из кабины, Сохатый еще сильнее почувствовал знойную духоту. Сверху лился испепеляющий, ослепительный солнечный свет. Временами на горячую тишину волнами накатывался грохот артиллерийской стрельбы, как будто кто-то невидимый в выцветшем от жары небе катал пустые бочки. И когда пушки особенно неистовствовали, начинала мелко вибрировать земля.

Прошло минут двадцать... Над замаскированными самолетами прошла восьмерка «мессеров», вслед ей еще две пары истребителей. Затем пролетела группа бомбардировщиков врага с истребительной охраной. «Юнкерсы» шли спокойно, будто летели над своей территорией. Минувая желтое, ничем неприметное поле, вражеские машины развернулись на пыльный шлейф колонны, и через некоторое время до группы ремонтников докатился громоподобный обвал взрывов, затрясавшись в лихорадке земля.

Советских самолетов в небе по-прежнему не было. Может быть, они и летали на другом участке фронта, где еще тяжелее было сдерживать наступление фашистских войск, но здесь от их отсутствия Сохатый чувствовал себя сиротливо, копилась обида на кого-то, да и на себя тоже, потому что ничем он сейчас не мог помочь тем

бойцам и командирам, которые пострадали от удара «юнкерсов».

Сохатому еще не приходилось самому перегонять самолеты с мест вынужденных посадок, и этот перелет был для него интересен новизной обстановки, необычностью рабочих условий для восстановительной бригады, риском оказаться под огнем танков и пехоты врага, наконец, ответственностью решения на взлет.

Выполняя обязанности разнорабочего, он воочию убедился, что мало знать машину и технологию ремонта. Надо быть житейски опытным, смекалистым, находчивым, изобретательным человеком: никто заранее не определит объем работ, которые следует провести на месте, и характер недоделок, с которыми все же можно перелететь на свой аэродром.

Трудности начались с первого шага...

Самолет лежит на фюзеляже с убраннным шасси. Сначала надо поднять машину и поставить «на ноги» без подъемного крана. Для этого под крыльями необходимо вырыть траншеи и выпустить в них шасси, после чего выкатить самолет, спрятать его, утрамбовать вырытую землю, чтобы не осталось следов. Без обычных приспособлений снять погнутый пропеллер и поставить целый. Осмотреть и опробовать мотор и убедиться, что он дотянет до дому. Если Ил полз после посадки на «животе», то надо заметить и водомасляный радиатор.

Надо...

Надо снять, надо найти, надо заклепать, надо поставить... Все — надо. И так — от выпуска шасси и до выбора площадки для взлета, на которую с множеством ухищрений еще следует перетащить самолет. И выходит, что вся работа состоит из продумывания нестандартных решений, самого ремонта и последних волнений: «Взлетит ли? Полетит ли? Долетит ли?»

Саха Григорьев был профессором по восстановлению подбитых и поврежденных при посадках самолетов: прошел науку от моториста до техника звена. Своим главным делом считал ремонт. Собрав таких же энтузиастов, как сам, в группу «скорой технической помощи», он носился по фронтовым дорогам от одной вынужденно севшей машины к другой и определял, что с ними делать. Одну «лечили» на месте. Другую, добывая транспорт у пехотинцев, танкистов или артиллеристов, отправляли ремонтироваться на аэродром. Если же самолет не мог вернуться в строй, Григорьев был к нему безжалостен. Все, что можно было с такой машины снять и использовать еще раз, перекочевывало в кузов его полуторки. Для Саши не было тайн в ре-

монтажных работах. Казалось, дай ему времени побольше, в полевых условиях он со своей бригадой в четыре человека соберет новый самолет.

Где и что его люди ели, когда отдыхали, было для полка загадкой. Но давно убедились, что если григорьевцы говорили: «полетит», то самолет взлетал и вновь участвовал в боях. Если же летчик все-таки сомневался в машине, Григорьев беззлобно ворчал:

— Не взлетит, говоришь? Взлетит обязательно! Если бы я сам мог летать, то не просил бы тебя проверить.— И предлагал: — Давай полетим вместе. Имей в виду, я человек семейный, постарше тебя лет на пятнадцать. Мне еще к своей Алексеевне и деткам вернуться надо.

Небо очистилось от вражеских самолетов, и Григорьев заторопился. Он сбросил маскировку со штурмовика, чтобы опробовать еще раз мотор, теперь уже вместе с летчиком.

Надежды техников оправдались: отремонтированный Ил старшина Курыжов повел на аэродром. Вместе с ним полетел и Григорьев. Сохатый, посадив в заднюю кабину двух техников, тоже поднял самолетик в воздух.

Курс — домой. У-2 неторопливо уходил в густую синь быстро темнеющего неба, навстречу черноте бегущей по земле ночи. Через пятнадцать минут темнота обволокла машину мягкой непроглядностью, спрятав от Сохатого землю и горизонт, так нужные для определения положения самолета в пространстве. Небо украсилось далекими и бесполезными сейчас для Сохатого звездами. Они светили, не давая света. В кабине стало совсем темно. Сохатый включил реостаты кабинного освещения, чтобы подсветить приборы, но светлей от этого не стало. Приборы фосфоресцируют едва-едва.

Иван лихорадочно искал выход: «Как быть? Сесть? Но куда?» Земли не видно и в кабине темень. «Может быть, аккумулятор отсоединился?»

Добавив мотору обороты, Сохатый поднялся на пятьсот метров. Теперь только высота обеспечивала безопасность, исключала столкновение с землей, деревьями и домами.

Иван, изловчившись, открутил зажимы крышки аккумуляторного контейнера, снял крышку и осторожно, опасаясь, как бы ее не вырвал из рук поток воздуха, передал техникам. Посмотрел в кабину: под приборной доской, в контейнере, там, где обычно находится аккумулятор, было пусто.

Сердце застучало тревожной. От нахлынувшей, только теперь понятой им полностью опасности ночная прохлада стала душной, во рту сухо.

«Не послушал Григорьева, дурак! Надо было сидеть на месте до рассвета. Что из того, что немцы совсем рядом? Ночью они не воюют, спят. Что теперь ты будешь делать? ...Первый в жизни ночной полет и, наверное, последний... Ну, сам убьешься — и поделом тебе. А при чем техники? По своей глупости ты и их погубишь. Почему — по глупости? Нет, это не глупость, а самонадеянная неопытность... Спокойно, Иван!.. Зажми нервы в кулак и работай!».

Компас, пионер¹, высотомер, скорость.

Компас, пионер, высотомер, скорость, обороты мотора.

И снова компас...

Глаза напряженно ощупывают приборы, вглядываются в них. Иван постепенно убеждается, что самолет слушается его — летит! Это дает хоть и маленькое, но успокоение.

«Ничего, может, обойдется!.. До реки Оскол лететь минут двадцать. Ее бы не просмотреть. Может, луна взойдет, легче будет».

Иван обернулся. Над бортами кабины две головы техников. Лиц не разглядеть. Но понятно — волнуются ребята. Они тоже впервые в ночном небе. Когда сообща решали, лететь или нет, никто из троих не представлял, какой опасности себя подвергают. Думали лишь о том, как быстрее попасть на свой аэродром.

Все трое авиационные несмышлениши. Особенно ты, летчик... Даже не поинтересовались, есть ли аккумулятор. То, что ты оказался без карты, — полбеда. По памяти долетишь. К приборам приспособился. Но вот беда: аэронавигационные огни не горят, и тебя наверняка все, кто слышат, считают чужим. Если по звуку мотора признают за «хеншель», стрелять будут..

Наконец Сохатый увидел, как на востоке розовато засеребрилось небо, и через несколько минут в отблеске лунного света более темной линией обозначился горизонт. Лететь стало легче. Он разогнул замлевшую от напряжения спину, откинулся на спинку сиденья и успокоенно подумал: «Теперь-то уж обязательно долечу, а посадить машину луна поможет. Подсветит немного землю».

Впереди закачались лучи прожекторов, а немного погодя появились огненные вспышки разрывов снарядов в небе.

«Значит, в небе самолеты. Хорошо, что они меня опередили, нарвались на нашу батарею. А если бы мы там оказались? Попробуй докажи, что ты свой. Ночью все кошки серы».

...Луна и У-2 торопились навстречу друг другу. Ночное светило поднималось быстро. Вскоре

¹ «Пионер» — первый авиационный прибор, показывающий стрелкой и шариком разворот и скольжение самолета соответственно.

лунный свет перестал бить в глаза; подсвечивая землю, он серебром струился вниз. Стали видны дороги, белые хаты, блестящий лентой мелких изгибов Оскол.

Но радоваться близости дома оказалось рано: от реки навстречу самолету кинулся рой цветных светлячков — стреляли с переправы. Сохатый отвернул У-2 в сторону...

Через десять минут самолет был уже в районе аэродрома. С высоты пятисот метров земли почти не видно, и Сохатый сомневался, что находится над своим аэродромом. Однако неуверенность рассеялась, как только он опознал блестящее в лунном свете огромное квадратное зеркало крыши ангара, построенного прошлой зимой. Иван тут же с досадой подумал, что такой заметный ориентир может оказаться подспорьем и для фашистских летчиков.

«Надо будет доложить командиру, чтобы замазали чем-нибудь крышу».

...Круг над аэродромом. Внизу тихо. Люди, видимо, затаились, ждут, что будет дальше. Гадают: свой или чужой?

«Наверное, принимают за чужака. Стрелять не хотят, и себя обозначить ракетой не желают. Как же дальше? Над домом, но не дома. До расцвета бензину не хватит. Садиться придется ночью. Только как?»

Сохатый развернул самолет, чтобы зайти через крышу ангара на аэродром. Когда крыша ушла под крыло, Иван прибрал обороты мотора, перевел У-2 на планирование и стал кричать что есть силы:

— Эй, на земле! Чего молчите? Отзовитесь! Свои мы! Помогите сесть! Эй, свои мы! Обеспечьте по-сад-ку!!

«Надо уходить на второй круг и попытаться договориться. Не может быть, чтобы они не видели меня».

Новый заход...

У-2 снова снижался на малых оборотах. Кричали уже втроем. Кричали вразной. Результат прежний: земля молчала, не проявляя признаков жизни.

«Буду садиться. Все равно всю ночь не пролетаешь. Помощи, по всему видно, не будет. Они нас не ждут, а за себя, наверное, боятся; совсем рядом немцы бомбят Валуyki и переправы через Оскол... Увижу землю метров с трех-пяти, что-нибудь придумаю... Только бы не попасть на самолетные стоянки».

Сохатый выполнил еще один круг над аэродромом. Припомнив, как располагается длинная сторона аэродрома относительно ангара, вывел У-2 на прямую левее блестящей крыши ангара и начал снижать машину.

Самолет, лопоча на малых оборотах, снижал-

ся, а Иван подбирал потихоньку ручку управления на себя, чтобы уменьшить скорость полета. Когда стрелка на приборе скорости остановилась на цифре восемьдесят, сказал себе: «Пока довольно». Поравнявшись с ангаром, подумал: «Высота у него метров семь, пойду еще ниже. Теперь уже недолго до финиша. Испытаем, как говорят некоторые, цыганское счастье. Что-нибудь да увижу».

Подобрал вновь ручку на себя. Скорость уменьшилась до семидесяти километров: «Меньше, Ваня, не смей,— подумал, как отдал приказ,— а то малютка рулей перестанет слушаться».

Долгожданный толчок о землю ожег его радостью. Сохатый перевел переключатель магнето на ноль. Мотор чихнул два раза и заглох. А самолет отскочил в воздух и завис над аэродромом. Завис надолго. Ивану показалось — навсегда. Тело его напряглось в ожидании повторного удара о землю, который мог получиться и не таким легким, как первый. Напряженную тишину прыжка нарушал только шум винта. Продолжая по инерции вращаться, он громко шелкал коромыслами клапанов и крутил внутри мотора шестерни с каким-то скрипучим шелестом.

Наконец У-2 с грохотом упал на землю. «Как будто не сломался. Бежит!»

В ночной тишине хвостовая опора скребла по земле оглушающе громко, а пустой фюзеляж, как резонатор, еще больше усиливал этот звук. И вот остановились.

— Жив! — с трудом поверил Сохатый.

Отпустил управление. Снял шлемофон и устал вытер рукавом комбинезона мокрый лоб.

Из влажной ночной тишины послышалась недалекая артиллерийская стрельба и разрывы бомб. Затем на них стал накладываться гомон голосов и топот бегущих ног.

У самолета — толпа. Дружеские приветствия, восклицания, вопросы.

— Цели?

— Ничего не поломали?

— Вот чудеса! Вчера нас бомбили. Весь аэродром в воронках.

— Вылезайте, друзья! — Сохатый повернулся к задней кабине. — Прибыли!

Иван вылез не налево, как обычно, а через правое крыло. Осмотрелся. Под ногами земля была непривычно мягкая, как вата, и стоял он на ней не особенно устойчиво, ноги продолжали дрожать. Помедлив какое-то мгновение, молча растолкал людей и ушел в ночь.

Никто не пошел следом. Видимо, люди почувствовали, как не просто у него сейчас на душе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глубокие снега укрыли деревни, дороги и землю белым саваном. Белые поля, белые болота, иссиня-белые облака... Только ель и сосна сохраняли неизменный зеленый цвет.

Зима не баловала летчиков. Погода по несколько дней кряду была нелетной. Но это не уменьшало интереса к тому, что делалось за линией фронта. Скорее наоборот, как только снегопады и туманы ставили преграды перед группами штурмовиков и воздушных разведчиков, командование фронта и армий нервничало сильнее и во что бы то ни стало требовало новых разведывательных данных о фашистских тылах, аэродромах и войсках. И тогда командиры полков, имея указания «добыть, посмотреть, ударить, посеять у противника чувство тревоги и неуверенности при движении по дорогам», на свой страх и риск поднимали в воздух наиболее подготовленных летчиков, с разведывательной и боевой целью одновременно.

Не все возвращались из таких полетов, но Сохатому, который еще с осени начал осваивать подобные рейды, пока везло. Полеты, как правило, проходили успешно и доставляли удовлетворение. Вот и сейчас его Ил летел над землей, захваченной немецко-фашистскими войсками... Летчик учел господство белого цвета в природе и закамуфлировал свой полет белыми разводами по зеленому полю. Округлые линии на стыках белого и зеленого цветов ломали очертания силуэта машины, и это делало ее почти невидимой, растворяло в мелькающем под крылом ландшафте.

Низкие облака широкими полосами сеяли снег, прижимая самолет к самой земле. На высотомере стрелка показывает «0», и летчика выручает пока одно — местность под крылом ниже аэродрома вылета метров на пятьдесят — семьдесят. Молчит радио. Молчит пилот. Ровно гудит мотор. Ивану представляется даже, что кроме снега, штурмовика и его в мире ничего и никого нет. Уже двадцать минут с бреющего полета он осматривает дороги в назначенном ему районе разведки, но все напрасно: движения к фронту, вдоль него и от него не видно. «Не утонул ли противник в снегу? А может, немец доволен: обеспечен и в подвозе не нуждается? Хотя такого на войне, наверное, не бывает. На фронте никогда нет уверенности в завтрашнем дне и обязательно чего-то да не хватает... Скорее всего обездородил фашист. И если у нас есть силы, то его как раз и надо сейчас бить. Тыл ему не поможет».

...Горючее подходит к концу и пора уходить домой, а боеприпасы все целы. Стрелять и бом-

бить по отдельным повозкам рискованно: не очень-то различишь — свои там или немцы. Вот если бы автомобили, тогда другое дело. На них только немцы.

«Надо что-то делать... Быть над врагом и вернуться домой с боекомплектom — позор. Выбросить впустую — позор вдвойне».

Проверив остаток бензина, Сохатый решает осмотреть шоссе и грунтовые дороги около Невеля, а потом разведать железную дорогу, идущую на Великие Луки. Если и в этом варианте автомобилей и поездов не окажется, то можно сбросить бомбы хотя бы на станционные пути — пусть малая, но польза будет.

Развернувшись курсом на юго-восток, он вновь пересекает уже осмотренную им территорию.

Облачная бахрома бьет по кабине, перегораживая путь снежной стеной. Ил ныряет в белую волну, и на какое-то время Иван теряет ощущение пространства. Пробивая завесы, Ил летит как бы рывками, и Сохатый не знает, что ждет его за очередным метельным рубежом... Под самолетом белая пустыня — ровное плато без сучка черноты, без крапинки зелени, замерзшее и запорошенное озеро. До Невеля около десяти километров. Низ и верх угрожающе сливаются в своем подобии. Трудно, порой невозможно отличить облако от снега. Иван понимает, как это опасно. Все в нем настораживается. Он замечает, что правая рука, с силой сжимающая ручку управления самолетом, напряглась до предела.

«Успокойся, Ваня,— говорит он себе.— Не жми так ручку управления, все равно из нее погоды не выжмешь... Надо уходить восвояси, не до атак нынче, самому бы выбраться! Давай разворачивайся блинчиком, влево, к железной дороге».

Не торопясь, с малым креном, Иван выводит Ил курсом на северо-восток. Через несколько секунд под самолетом промелькнул берег озера. Дальше лес, а за ним должна быть железная дорога.

Выбравшись от озер и полей к лесам, Иван облегченно вздохнул. В земной пестроте, пусть даже самой маленькой, все же видна жизнь, и летчику визуально можно определить, где низ. Теперь меньше шансов врезаться в белый бугор, напряжение ослабло. Самолет летит на Великие Луки. Иван старается держаться от «железки» правее, не более полукилометра: так удобней и привычней смотреть вперед.

«Если сейчас встретишь эшелон, что будешь делать, Иван? — ведет он диалог с самим собой.— Что? Стрелять буду по паровозу, если эшелон идет к фронту. По крытым вагонам стре-

лять нельзя, могут быть боеприпасы. Сам на них подорвешься. Если эшелон от фронта — бить вагоны, от фронта боеприпасы не возят...»

Так разговаривал он довольно часто. От этого ему всегда делалось легче. Размышления вслух снимали напряжение, позволяли видеть и полет, и себя как бы со стороны, помогали выверять планы и находить более верные решения. Таким диалогом он научился в одиночных полетах над территорией противника, которые редко проходили по задуманному, требовали находчивости и новых решений...

Десятки километров преодолел самолет. Дорога по-прежнему пустынна. Успокаивал Ивана только вид двух бегущих черных ниточек рельсов. Снег не засыпал их. И чем больше Сохатый смотрел на темные полоски, тем сильнее верил, что не зря сделал этот крюк перед уходом домой.

Пробив очередные снежные дебри, Ил выскочил на светлую воздушную поляну. Глазам открылась снежная целина, а чуть левее, на темной морщине дороги, длинная красная гусеница железнодорожного состава с пытящей головой-паровозом.

Обрадовавшись долгожданной встрече, Иван повернул Ил на локомотив. Самолет шел низко, прицеливаться было неудобно: мешала земля, она совсем близко, неслись облака над самой кабиной. В прицеле паровоз смещался в правую сторону.

«Идет состав, торопится и меня не видит. Пора!» Сохатый дважды нажал на боевую кнопку пуска реактивных снарядов. Два залпа по четыре снаряда с визгом ушли вперед. Попал или нет, увидеть не успел. Самолет уже проскочил цель.

Что делать? Искать новый объект для второго удара или вернуться и сбросить на состав бомбы? Лучше вернуться. На взрывателях поставлено замедление, может, пронесет. Чем журавль в небе, лучше синица в руках.

Самолет летел теперь прямо над дорогой на встречу составу.

«После первой атаки прошло минуты полторы, — думал Сохатый, — если в вагонах солдаты, они еще не успели все выскочить... А вот и красная змея. — Иван заметил разбитый паровоз. — Попал.»

Вниз пошли серией шесть осколочно-фугасных. Стокилограммовые «чушки» со скоростью восемьдесят метров в секунду бились о крыши, ломали доски и, прорвавшись во внутрь вагонов, крошили и рушили все, что попадалось. Самолет шел над составом на высоте пятнадцати-двадцати метров. Промаяхнуться невозможно.

...Вновь снег бил по самолету и стеклам каби-

ны косыми плотными струями. Чтобы не потерять из виду землю, Иван попытался снизиться. На высотомере стрелка пошла влево от нуля на минусовое деление... Земли по-прежнему не видно. Внутри у Сохатого все сжалось от ожидания столкновения. «Нет, пойду-ка вверх. Худа без добра не бывает. Если не справлюсь в облаках, выручит парашют... Только бы добраться до своих».

Высотомер вскоре показывал сто пятьдесят метров — чудовищно большая высота по сравнению с той, что была.

Иван подвигался насколько позволяло сиденье, расслабил мышцы спины и ног. Подышал глубоко и почувствовал — скованность прошла.

Ил набрал триста метров. Иван осторожно развернул машину на нужный курс, пытаясь более точно представить свое местоположение. «При выходе из облаков над своей территорией не проскочить бы линию железной дороги, связывающей Великие Луки с Ржевом. Севернее улететь мне никак нельзя. Там местность холмистая и выше, чем на юге, поэтому снижаться будет намного опасней. Но опасны не только холмы. Проскочу «железку» — и не найду нужных ориентиров, не попаду на аэродром...»

Развернувшись, он пытается удержать самолет на правильном курсе, но Ил самовольно уплывает в сторону. Иван доворотом вновь возвращает самолет на отметку компаса «семьдесят градусов», но как только заканчивает разворот — все повторяется: штурмовик уходит с курса.

«В чем же дело? Чертовщина какая-то. Авиагоризонт показывает прямой полет, а компас вращается. Не могут же у меня компасы все время отказывать. На днях катушку компаса заело на крутом развороте, едва выбрался от фашистов. Теперь, видишь ли, она останавливается не хочет. Пойду выше, надо выбираться за облака».

Сохатый добавил мотору мощности. Ил входящей спиралью полез вверх. Но тут к непокорному компасу добавился ледяной налет — сначала на лобовом стекле, а потом и на крыльях.

«Час от часу не легче... Пришла беда — отворяй ворота. Теперь уж только вверх. Другого выхода нет».

На высоте тысяча восемьсот метров обледеневшему самолету удалось выбраться в межоблачную прослойку. Через верхние, жиденькие облака просвечивало солнце... Оно выручило Ивана, дало ему возможность отдышаться. Спину ломало, пот заливал глаза, но выигранная видимость давала возможность накопить силы для дальнейшей борьбы.

Снова разворот на семьдесят градусов... Сохатый устанавливает самолет в горизонтальный полет, ориентируясь на верхнюю кромку облаков. Снова взгляд на компас: отметка картушки с цифрой семьдесят стояла неподвижно против курсовой черты, а на авиагоризонте силуэт самолета показывал крен около семи градусов.

«Спокойно, Ваня! Компас исправен. Исправен и авиагоризонт. Только надо устранить в нем крен. Заарретировать его и снова включить в работу... Вот так. Теперь можно лететь, благо горячее есть».

Самолет шел в узком облачном туннеле, Сохатый отдыхал от пережитого. Теперь он замечал спокойную красоту белопенной равнины. Солнце с правого крыла праздничным светом пробивало облачную крышу, отчего слева, на нижних облаках, возникла быстро летящая тень от самолета. Поток солнечных лучей дробился миллионами ледяных кристаллов, находящихся в межоблачной прослойке, и черный силуэт Ила от этого обрамился ярким кольцом радуги. Из озорства лейтенант откатил боковой бронированный фонарь назад и с интересом стал рассматривать на облаке свою тень со светящимся венчиком вокруг головы. Увидел — и беззаботно, весело рассмеялся, как будто впереди ждала полная житейская ясность. «Летишь, как ангел. Как-то и где сядешь?» — Иван нагнулся, захлопнул фонарь. Курс, скорость и время полета надо было переложить на карту, определить, где он находится.

Курс... Он вспомнил недавний отказ компаса. И это воспоминание вызвало у Ивана ироническую улыбку: так неопытен был он вчера, в первые секунды даже растерялся. Сегодняшний, он смотрел на себя вчерашнего чуть-чуть свысока, может быть, даже с заоблачной высоты. И все же был доволен, что не растерялся, сумел взять нужное направление и выкрутиться из безвыходного, казалось бы, положения.

«Конечно, погода была лучше. Без теперешней нервозности. Но все же поекало сердечко, поерзал, прежде чем уразумел, что к чему... Интересно устроен человек. Все было тебе ясно, пока работал компас. Не стало надежности в малюсеньком кружочке с цифирками — в голове сомнения и вопросы, а в душе растерянность. Никогда не знаешь, какие знания понадобятся через минуту. Сушая безделица, до какого-то времени ничего не значащие факты вдруг становятся отправной точкой для принятия важного решения.

Как тогда ты обрадовался, найдя деревню с целой церковью. А в церквях испокон веку ставили алтарь строго на восток, а вход с западной стороны...»

Невольно вспомнил свою верующую прабабушку Марфу: «Она не видела автомобиля, трактора, паровоза и электричества. А я — пилот, летчик. В ее понятии — чистый антихрист. Летаю, яко дьявол над миром... Добрая душа, как она ругала войны с турками, японцами, германцем и братоубийство гражданской. И вот твой правнук, бабуля, бьется с врагом своего народа. И не будет у этой войны середины: не они нас, а мы их!»

Курс. Время. Скорость. Время и скорость — расстояние.

Передышка у Ивана кончилась. Облака сомкнулись. На стеклах и крыльях снова появился опасный ледяной налет.

Через некоторое время начало потряхивать мотор — лед появился и на винте. Чтобы избавиться от новой напасти, Сохатый погонял винт на разных оборотах. Лед слетел, и тряска пропала. Иван посчитал остающиеся расчетные километры, перевел их в минуты полета и сказал себе: «Если я прав, то пора вниз». Еще раз посмотрел на карту, чтобы запечатлеть вероятные линейные ориентиры на земле, и начал снижаться. Пошел на снижение с таким чувством, будто нырнул с вышки в воду, не зная не только дна, но и самого расстояния до воды.

Чем ниже спускался Ил, тем сумрачнее становилось в кабине и толще нарастал лед на крыльях. Срезы пушечных и пулеметных стволов «зачехлялись» стеклянными колпачками. Стрелять из них уже нельзя.

Тысяча метров... Пятьсот метров до земли... Иван уменьшил снижение до пяти метров в секунду... Триста метров.

Последние триста метров. Думая, как выйти из облаков и что делать, если они до земли, добавил мотору обороты и еще убавил снижение.

Ил снижался теперь по два метра. «Два метра вертикали и восемьдесят по горизонту — это одна секунда моей жизни. Сколько их осталось?..» Его, Ивана, конкретная жизнь, судьбой дарованная, укладывалась сейчас в цену ошибки при выходе из облаков.

«Не может быть, чтобы облака были до земли... А если до земли? Тогда как? Дольше пяти, может быть, семи минут этим курсом лететь нельзя: заберешься на Ржевско-Вяземский плацдарм немцев. Как же быть?.. Делаю так: если на пятидесяти метрах не выйду под облака, разворачиваюсь на север, набираю пятьсот метров высоты и прыгаю. Другого выхода нет».

...Двести метров. Облака. Вот уже стрелка на высотомере подходит к стометровой отметке. Облака. В кабине еще больше потемнело.

— Давай, пилот, ниже еще на пятьдесят!!!
Иван с удивлением замечает, как его ноги с

силой упираются в педали, придавливая тело к спинке сиденья. Одна рука на ручке управления самолетом в тревожной готовности в любое мгновение перевести самолет в набор высоты. Вторая держит сектор газа мотора, чтобы немедленно, как только он об этом подумает, дать полные обороты для ухода вверх. Глаза шмыгают взад и вперед по одному и тому же маршруту: высотомер, авиагоризонт, форточка фонаря; высотомер, авиагоризонт, форточка фонаря... Ищут землю. И чем ниже, тем нетерпеливее.

Высотомер, авиагоризонт. Взгляд в форточку — под самолетом лес!

— Ура!!! Молодец, Илюха! Вынырнул! — Иван кричит радостно. — Ну, а теперь поживем. Шестьдесят метров — это же глубина, все равно, что у моряков — семь футов под килем.

Разворот на север. Теперь нужно найти новую опору — железную дорогу. Он знает, уверен — она должна быть севернее. Все сомнения в сторону, только на север. Если первой дороги не будет, найдется вторая, которая идет от Великих Лук на Бологое. Вторая дорога — стратегический резерв восстановления ориентировки.

Снова Сохатый гоняет винт на разных оборотах, и мотор отзывается то высокими завывающими тонами, то ворчит басовито. Гоняет упорно, пока мотор с «булыжной мостовой» не попадает на «асфальт», очистив винт от ненужного льда. С крыльев и стекол лед сбросить нечем, приходится терпеть. Только вытерпит ли машина? Через лобовое стекло, покрытое мутной синевой льда, ничего не видно. Иван открывает фонарь. По оборотам мотора и скорости, по поведению самолета ясно, что лед его кораблю ой как не безразличен. Им обоим тяжело. Устали они изрядно.

А вот и дорога, идущая перпендикулярно полету. Это — ржевская. Только какой ее участок? «Чем восточнее я сейчас, тем дальше от нее второй линейный ориентир, который может привести меня домой. Летим, Илюша, дальше!»

Лед «съел» уже пятьдесят километров скорости. Кончаются горючее, терпение и способность самолета держаться в воздухе. Часы бесстрастно отсчитывают время: оно мучительно растягивается и никак не стыкуется с желанием Сохатого. Снова Иван борется с тряской мотора: то уменьшает, то наращивает обороты. Увеличение оборотов вовсе не желательно. Возрастает расход топлива. Но иного выхода нет. Если «запустить» винт, рухнет последняя надежда добраться до аэродрома.

Самолет и человек держатся. С трудом, но летят... Наконец показалась долгожданная дорога на лесной просеке. По затраченному времени на полет от первого до второго ориентиров Иван

определяет, что аэродром — справа в двенадцати, ну, может быть, в пятнадцати километрах. Это еще три-четыре минуты полета. Теперь он уже почти спокоен. Горючего хватит. Только бы хватило сил у самолета. Ил похож сейчас на заезженную ломовую лошадь.

После небольшого доворота самолет никак не хочет успокоиться и летит, пошатываясь с крыла на крыло, задрвав вверх мотор, ревуший почти на полных оборотах... Лед «съел» еще двадцать километров.

«Придется садиться с ходу. На круг, да и нужен ли круг в такой обстановке? Сил у машины не хватит. Свалится на крыло, сам погибнет и меня с собою прихватит. Смотри, Ваня, мощности мотора может оказаться мало для полета с выпущенными шасси. Что думаешь делать? Сажать исправный самолет на фюзеляж после таких передрыг — сумасшествие. Никто не поверит в беду. Скажут, обалдел Иван от радости, что домой добрался, забыл колеса выпустить. Выход один: рассчитать время и выпустить шасси перед самой землей».

В любом деле важно решение. Пусть даже не очень хорошее, но своевременно принятое и настойчиво выполняемое. Оно лучше бесчисленных «идеальных» вариантов, составленных на бумаге или в голове.

«Будем садиться, Илюха, так, чтобы еще вместе не раз полетать».

Впереди аэродром.

Сохатый развернул машину носом на поло-су укатанного снега, и она скрылась от его глаз за матовыми лобовыми стеклами. Эта «игра в жмурки» ему не нравится: приходится высовываться из кабины то в правую, то в левую сторону, чтобы увериться: Ил летит прямо на поло-су.

«Перед опушкой леса буду выпускать колеса. Должно хватить времени на их выход...»

Кран шасси на выпуск. Шипит воздух. Красные лампы погасли.

«Хорошо!»

Самолет, почувствовав под крыльями дополнительное сопротивление, качнулся вниз... Сохатый дал мотору полные обороты... Ждет... На приборной доске вспыхивают две зеленые лампы.

«Порядок!»

Мотор ревет, Ил снижается... Вот она, полоса. Колеса цепляются за землю. Дома!

После шума ветра в кабине, рева мотора перед посадкой руление успокаивает. Мотор добродушно ворчит, попыхивая дымком выхлопа.

...Иван спрыгнул на землю. И как всегда, первый однополчанин, узнающий о победе или

поражении — техник самолета, — тут как тут, готовый помочь, порадоваться с тобой вместе или разделить печаль.

— С возвращением, командир! Как дела?

— Все хорошо, Володя! Мы сегодня все трое именинники. Досталось и тебе, пока ожидал, и мне, и самолету... Смотри, какую ледяную броню наш боевой Илюха на себе вынес. Был бы он лошадию, за такую работу сахара и праздничной попоны удостоился... После визита к начальству будем снимать с него лед. Грей воду!

— Понял, командир!

Сохатый шел на доклад... Спина, руки и ноги ныли от усталости, а сердце, наполненное благодарностью к Володе и самолету, разносило по телу успокоительное тепло.

ПОЕДИНОК

Днепр отвоевывался огнем и человеческими жизнями. Плацдармы расширялись тяжелыми боями. Аэродромы у реки Орель, с которых штурмовики летали на правый берег Днепра, оказались не счастливее других: полки дивизии платили врагу кровавую дань. Не выпадало дня без минуты молчания в память о невернувшихся. Особенно тяжело переносила это молодежь, вошедшая в бои после Белгорода и Харькова, когда противник был выбит с укрепленных оборонительных рубежей и, отступая за Днепр, не оказывал серьезного сопротивления. Молодежь не успела закалиться в горе прежних потерь, оказалась недостаточно подготовленной к начавшимся сражениям — фашистское командование надеялось удержать «восточный вал» в своих руках.

Получая боевые донесения, командир дивизии уловил изменение обстановки и попытался нащупать какие-либо закономерности в гибели экипажей. Постепенно, с каждым новым полетом, картина прояснилась. Если по всему фронту летчики погибали от разных причин, то в одном квадрате главным врагом штурмовиков и бомбардировщиков оказалась зенитная артиллерия. Почти в каждом полете встречал пилотов неожиданный и точный огонь: один, реже два залпа батареи из шести орудий среднего, а может быть, крупного калибра, после которых часто, к сожалению, очень часто, один из самолетов падал подбитым. Фашистская батарея замолкала, а огонь продолжали вести автоматические эрликоновские пушки, от которых вреда почти не было. Батарейку искали попутно и специально назначенные разведчики, но безрезультатно: она по-прежнему подстерегала летчиков в своем квадрате.

О неуловимой батарее много говорили и сами летчики, и в штабе. И когда однажды под вечер Сохатого вызвал командир дивизии, Иван сразу почему-то решил, что разговор пойдет о ней...

И верно. Едва поздоровались, как генерал, давно знавший старшего лейтенанта и неоднократно летавший с ним на боевые задания в порядке изучения опыта командира эскадрильи, сразу заговорил о деле:

— Обстановку в районе чертовой батареи и наши потери вы знаете? Может, попытаете счастья? Боец и разведчик вы опытный, глазастый и уменья не занимать. Плацдармы, как видите, почти стабилизировались. Это немцу выгодно; стрелять можно с основных и запасных позиций. Могут иметься и ложные. Вполне возможно, что батарея воюет на правах кочующей. Получается, как в присказке: у волка много дорог, а у охотника — одна.

Слушая, Сохатый понял, что решение генералом уже принято: его посылали на поиск этой батареи. И, может быть, не на один вылет, что вероятнее всего. Предлагалась дуэль, в которой ничейный результат исключался.

— Что, комэск, молчите? Давайте порасуждаем вместе. Затем и вызвал. — Генерал взял со стола пачку папирос. Открыл ее и пододвинул Сохатому. — Закуривайте. И я подымлю.

Отказываться Ивану было неловко, и он взял папиросу. Разминая ее, дождался, пока закурит старший, и тоже зажег спичку. Затянулся в молчании несколько раз.

— Разрешите докладывать?

— Если готовы, послушаю, — кивнул генерал.

— Лететь надо одному, чтобы получить полную свободу маневра, но с истребителями прикрытия, конечно. Второе, лететь утром, как можно раньше, пока нет пыли, дыма и пожаров. Третье, в готовности для удара по батарее держать нашу эскадрилью, а мне — второй самолет.

— Разумно, Сохатый. План принимаю. В первом полете дам вам на прикрытия шестерку истребителей. Эскадрилью обеспечим Яками надежней, чем обычно. Мои предложения принимаются?

— Согласен.

— Вот и хорошо. Вылет с восходом солнца.

Утро Сохатый встречал в небе. Он вел Ил на северо-запад. Слева, снизу к самолету, подплывал парящий туманным дымком Днепр. За ним виднелись правобережные холмы, с одной стороны освещенные солнцем, а с другой — пропадающие в своих же тенях, от чего местность казалась искусно закамуфлированной.

Набирая высоту, Сохатый осматривал небо, рядом идущих истребителей и думал, что обстановку для соблазна зенитчиков лучше не придумает: на светлом, зелено-голубом небе его самолет даже издали представляется хорошей мишенью. Ему же надо будет обязательно вызвать огонь на себя и постараться увидеть, когда и откуда будет сделан первый, может быть, единственный залп.

Набрав три тысячи метров, высоту для штурмовика невероятно большую, но в данном случае необходимую, как главный жизненный резерв, Сохатый уточнил по карте линию фронта и повел свой Ил в предполагаемую зону огня батареи, рассчитывая, что никто другой по нему стрелять не будет: на такой высоте он для всех безопасен.

«Чтобы не сбили, надо строить противозенитный маневр с расчетом на время полета снаряда — за пять-семь секунд уходить из ожидаемой площади разрывов на триста-четыре метра — думал Иван. — Если эти условия выдержу, то они в меня при всем желании не попадут. В воздухе снаряды не повернешь».

Сохатый включил передатчик и обратился к истребителям:

— «Маленькие», за воздух полностью отвечаете вы. Мне смотреть вверх некогда!

— Я — «пятисотый». Понятно, «горбыль»! Все будет в порядке, занимайся своим делом.

— Ремизов, смотри больше на землю, помогай искать батарею. За воздухом наблюдают Яки.

— Постараюсь, командир, — ответил стрелок. — Буду вертеть головой, сколько шея позволит. А за небом тоже поглядывать не грех.

Иван вел машину то со снижением, то с набором высоты, а про себя считал секунды: двадцать один, двадцать два... Как только доходил до двадцати пяти, резко доворачивал Ил на новый курс и счет начинал сначала.

Глаза его непрерывно и внимательно ощупывали землю, еще прикрытую в низинах легкими паутинами тумана, выхватывали из ее пестроты полянки, заросли кустарника, огороды и сады в хуторах. С особой старательностью осматривал он дороги, идущие «в никуда», и, как правило, в тупиках находил войска, артиллерию, но не ту, которую искал. Немцы пока по нему не стреляли, и в этой тишине чувствовал Иван себя неуютно, неопределенность хуже всего. «Раз не стреляют, — думал он, — значит, прицеливаются. Маневрируй!»

Так, размышляя, он без помех пролетел над фашистскими войсками вдоль линии фронта около двадцати километров и развернулся об-

ратно. «Где же проклятая батарея?» — успел подумать Сохатый, и тут враг открыл по нему стрельбу, не захотел больше терпеть нахального разведчика.

Иван дал мотору полные обороты и, набирая скорость, пошел через огонь. Не надеясь попасть в стрелявших, он с большой высоты дважды сбросил бомбы и опять повел самолет по зигзагообразной волне.

Фашисты стреляли четыремя, восемью или двенадцатью снарядами среднего калибра. Во влажном утреннем воздухе трассы от снарядов виделись Ивану хорошо. А вот снайперская шестиорудийная батарея молчала.

Чтобы передохнуть от напряжения и подумать в спокойной обстановке, Иван вывел самолет на свою территорию.

«В чем же дело? Почему не стреляла шестиорудийная батарея? Может быть, слишком откровенный противозенитный маневр хорошо был виден с земли, и поэтому, не надеясь попасть, они не стали себя демаскировать? Возможно, выжидали время? Тогда их задача не в прикрытии какого-то конкретного объекта, а в другом: при благоприятных условиях вести огонь на поражение, чтобы деморализовать наших летчиков. Если так, то задача у батареи более ответственная... Что же предпринять?»

Сохатый решил пройти над врагом по прямой, не маневрируя. Такой полет будет принят фашистами за фотографирование площади. Уж тут-то батарейный командир обязательно «клюнет» — более выгодных условий для стрельбы не бывает.

— Стрелок, как дела?

— У меня все в порядке, командир.

— Придется еще раз лезть черту в зубы.

— Если надо, то наше дело солдатское. Вытерпим.

Сохатый решил зайти второй раз километров на десять севернее, чтобы расширить район поиска.

— «Маленькие», если горячее есть, то пройдем еще раз, — обратился Иван по радио к сопровождавшим его летчикам.

— Бензин пока в норме, только «мессы» прилететь могут. Разведку они не любят. Вон как всполошились.

— Успеем до них еще раз пройти... Пошли, что ли?

— Тебе видней. Если будет драка, уходи сразу к земле. С тобой пойдет пара.

— Ладно.

Над своими войсками Сохатый поднабрал еще пятьсот метров высоты и стал заводить Ил в чужое, успокоившееся временно небо. Пока не стреляли, но он, не веря тишине, все больше и

больше разгонял скорость, рассчитывая, что постоянное нарастание скорости при залпе зенитной батареи выведет Ил впереди разрывов, а потом и по направлению легче будет маневрировать.

Десятикилометровый отрезок пути закончился, когда он увидел шнурообразные следы от полета четырех снарядов. Отворачивая машину в сторону, на дальнем конце белесых следов Сохатый обнаружил батарею из шести орудий. Мысль уловила различие между четырьмя и шестью, но тут он почувствовал удар в самолет и услышал треск разрыва. «Это те, которых я не видел». Ил трянуло и начало опрокидывать на крыло. Сохатый обеими руками ухватил ручку управления, пытаясь вывести самолет из крена. Но машина не подчинялась. Иван кинул взгляд на правое крыло и увидел в нем огромную пробоину: завернувшийся против потока воздуха дюралевый лист обшивки тормозил крыло, и от этого все больше нарастал опрокидывающий момент. Стремясь уменьшить сопротивление воздуха, Иван перевел машину в набор высоты и сбавил обороты: скорость начала падать. Сохатый, почувствовав облегчение, понял, что управление не перебито, самолет управляем, только к нему надо приспособиться.

Тяжело дыша от усилий, спросил:

— Петь, ты живой? Не ранило?

— Нет, командир. Пронесло. Батарейку вижу! — голос был относительно спокоен. Ремизов, видимо, не представлял, сколь тяжелую борьбу за жизнь машины выиграл летчик.

— Я тоже наблюдаю... — И передал истребителям: — «Маленькие», уходим домой!

Сохатый решил снижаться глубокой спиралью, которая могла быть принята противником за падение самолета, а ему позволяла наблюдать за расположением батареи, лучше запомнить местность, чтобы во втором вылете сразу точно выйти на нее.

На малой высоте, маскируясь в лучах низкого солнца, он вышел на свою территорию, перелетел через Днепр и отправил истребителей впереди себя на посадку. Он еще не знал, как сам посадит машину: на большой скорости не хватало силы удерживать Ил без крена и на прямой, но едва уменьшал скорость, разбитое крыло теряло опору в воздухе, и самолет опрокидывало на бок. Ивану хотелось немедленно сесть, потому что он представлял непоправимо трагический исход полета, если вдруг из-за повреждения взрывом лопнет какая-нибудь тяга управления. Но посадка «вне дома» делала вылет пустым, а риск неоправданным: если бата-

рея сменит огневую позицию — надо будет искать ее снова. Ему или кому-то другому вновь придется играть со смертью.

Показался аэродром. Посадочная полоса была свободной. Иван выпустил шасси и начал потихоньку снижаться. Внимание его теперь сосредоточилось на одном: сделать так, чтобы Ил побежал по земле на скорости больше посадочной на целых пятьдесят-семьдесят километров, покатился без отскока, который мог бы его опрокинуть. «Как только самолет коснется колесами земли, надо сразу же выключить мотор». Иван не сомневался, что посадит самолет, хотя раньше ни ему, ни кому-либо другому в полку не приходилось проводить такой эксперимент. «Если покрышки колес не повреждены, все обойдется».

Нажал на рычаг включения тормозов колес — тормозные камеры держали воздух. Это уже удача. И все же: если пробита одна из покрышек, то разворот на пробеге не исключен, а тормоза не хватит. Ничего, тогда сразу уберу шасси и «положу» «Ильюху» на фюзеляж — вреда ему при этом будет меньше, и нам с Петром безопасней.

— Стрелок!

— Слушаю, командир!

— Когда будем садиться, могут быть осложнения. Смотри, чтобы при резком торможении тебя не ударило затылком о бронеплиту, а по губам — пулеметом.

— Понял.

Сохатый подводил самолет все ближе к полосе, стараясь поставить его колесами на землю почти из горизонтального полета. Наконец почувствовал, что колеса коснулись полосы, и он тут же выключил мотор и взялся рукой за кран уборки шасси, настороженно вслушиваясь в поведение машины. Самолет пробежал метров триста-четыре по прямой на колесах, а потом опустил хвост на заднюю опору. Иван успокоился: покрышки были целы, а тормоза исправны. Остановились. Самолету повезло: корезить при посадке на брюхо не пришлось.

В наступившей тишине, в отсутствии рабочих вибраций, Сохатый с удивлением почувствовал, что все его тело дрожит, а из глаз льются слезы. И он понял, что дрожь и слезы не от страха, а от резко наступившего облегчения.

«Ничего, пока подъедут люди — это пройдет». Вытерев рукавом пот и слезы с лица, он открыл фонарь, затем расстегнул привязные ремни и парашютные лямки и, поднявшись из кабины, сел на ее борт.

Прошла целая минута, пока из второй кабины показалась улыбающаяся физиономия стрелка. Убедившись, что Петр цел и невредим, Со-

хатый спрыгнул с крыла на землю и лег на спину, разбросил руки и ноги в стороны и закрыл глаза: спину ломило, а дрожь в руках и ногах не проходила. Иван, как сумел, расслабился.

Услышал, как стрелок громыхнул сапогами по металлу крыла, прыгнул на землю, шагнул к нему и тревожным голосом спросил:

— Что с вами, командир? Ранен?

Иван открыл глаза, потянулся, как после сна.

— Нет, целый! Просто отдыхал. Посмотрим пробойну? Молодец Илюха...

Сохатый нырнул под разбитое крыло: через пробойну виднелся большой кусок неба.

— Ремизов, иди сюда! Становись рядом.

Места в дыре хватило на двоих. Рваные лохмотья дюрала по краям пробойны не помешали им встать во весь рост.

— Теперь видишь, что такое Ил, Петя? Любая другая машина потеряла бы крыло в воздухе. А эта летать будет.

— Уразумел, командир. Спасибо Ильюшину и рабочим за такую машину. Сколько раз уже выручала, да и не нас одних...— Вспомнив, что в случае удачной разведки планировался второй, уже групповой вылет, произвольно спросил:

— Командир, еще полетим?

— Обязательно. И чем быстрее, тем лучше.

Подъехал командир полка.

— Хорошо трахнули,— оглядывая раненое крыло, сказал он.— Как только дотянул и сел?

— Мотор и тормоза исправны. Так бы — пиши пропало.

— Вижу... Нашел?

— Разыскал пушкарей. Надо быстрее лететь.

— Тогда поехали к летчикам. Самолет без тебя уберут.

Через пятнадцать минут Сохатый вновь был в воздухе. Он вел эскадрилью за Днепр, имея только одну задачу — уничтожить батарею.

Девятка Илов летела низко над землей. Сохатый получил разрешение на немой полет до цели и не взял с собой истребителей на непосредственное прикрытие, чтобы они не демаскировали группу. Истребители летели к линии фронта отдельно, обязавшись ждать его возвращения из немецкого тыла западнее переправ через реку, чтобы помочь ему в случае необходимости в расположении своих войск. Конечно, такой план взаимодействия был более сложным, рискованным, но комэск и командир полка знали своих летчиков и стрелков, надеялись, что десяток километров самостоятельного воздушного боя с «мессершмиттами» они выдержат успешно.

Прошло более сорока минут после того, как батарея подбила Сохатого. Он торопил девятку, не жалел моторов, выжимал из них последние силы. Его беспокоил один вопрос: сменили зенитчики огневую позицию или нет? Думал, сопоставлял и надеялся, что на новое место из-за одного залпа они не переехали, тем более, что он не докладывал по радио об их расположении. Батарейцы, должно быть, самонадеянные: маскируются хорошо, стреляют метко и мало, никто их тут еще не бил.

Промелькнул Днепр. Осталась позади линия фронта. Сохатый покачал свой самолет с крыла на крыло: сигнал «перестроиться в колонну звеньев и снять оружие с предохранителей». Через несколько секунд стрелок доложил:

— Командир, эскадрилья в колонне. Воздух спокоен.

...Илы преодолевали последние километры боевого курса. И Сохатый все сильнее ощущал, как в нем нарастало напряжение. Ощущения были для него не новы. Но сегодня он их чувствовал острее, чем обычно, летящая навстречу опасность неоднократно проявляла себя, а сегодня чуть не отобрала у них со стрелком жизнь, хотя, как казалось ему, он сделал все, чтобы самолет не встретился с залпом. Состояние напряженной тревоги не подавляло волю Ивана, а заставляло действовать хитрее и внимательнее. «Трудись, Ваня! Старайся! За тобой люди. Доверяют тебе свои жизни, надеются на тебя». Еще раз осмотрел пространство впереди: по ним никто не стрелял, ясная синева воздуха была пуста и прозрачна, а всхолмленная, перемежаемая перелесками местность прятала эскадрилью и глушила звук моторов.

— Петя, как за хвостами?

— Чисто! Чужих самолетов и стрельбы не наблюдаю. Наши идут хорошо.

— Ладно! — Сохатый чувствовал нарастающую уверенность.

«Если батарея на прежней позиции, то идем мы для нее с полной неожиданностью».

Качнув машину, Иван начал левый разворот, после которого повел эскадрилью на юг. Стрелок доложил, что последнее звено тоже вышло на новое направление. И когда до батареи осталось два-два с половиной километра, Сохатый послал Ил в набор высоты. В этом полете нужны были не тысячи, а всего лишь триста метров для окончательного визуального уточнения курса на цель, прицеливания, стрельбы в упор и бомбометания.

Самолет набрал около ста метров, и прямо по курсу Сохатый увидел высланные зелеными маскировочными сетями орудийные окопы, зенитные пушки и бегущих к ним людей. Убедив-

шись, что вышел на цель точно, злорадно усмехнулся: по позиции бежали бывшие снайперы. Участь их была уже предreshена. Еще несколько секунд — и конец. Чтобы дезорганизовать за-поздалые действия батареи, Сохатый короткими очередями повел стрельбу из пушек и в то же время передал по радио:

— «Горбыли», повторяю: первый заход — пушки, пулеметы, бомбы серией. Второй заход — пушки, пулеметы, реактивные снаряды — залпом!

Маскироваться и хитрить больше не было нужды. Сохатый начал готовиться к сбросу бомб, рассчитывая перекрыть ими огневую позицию батареи, но в это время заработал пуле-мет стрелка.

— Что у тебя?

— Эрликон начал стрелять. Придушил.

— Скажешь, когда цель пройдет замыкающее звено.

— Прошли. Начали вваться бомбы.

— Группа! Правый разворот! Пусть будет жарко фрицам!..

Самолеты звена прошли по кривой разворота сто двадцать градусов и комэск увидел за последним звеном полыхающее пламя взрывов: летела вверх земля и вместе с ней какие-то бревна, возможно, пушечные стволы. Стрелять прицельно в огромное облако огня и дыма было невозможно, но разгром требовалось закончить. По радио Сохатый уточнил задачу:

— Головное звено стреляет по центру разрывов, второе — по левому краю, замыкающее — по правой стороне! В дым не заходить!

Звенья друг за другом спикировали на огромный клуб дыма, пыли и огня. Вогнали в него оставленные на второй заход снаряды. И, натужно воя двигателями, устремились на восток.

— Стрелок, все идут?

— Все, командир. Стрельбы по самолетам нет.

— Так-то!.. «Горбатые», из пушек и пулеметов стрелять по любому подозрительному кусту, пусть немчура полежит на брюхе, как мы пройдем! Огонь прекратить по моей команде!

...Снайперская батарея больше не стреляла, другие попадали в самолеты значительно реже. И стреляли зенитчики особенно плохо, когда Илов приходило на цель сразу несколько...

ИСПЫТАНИЯ

Кончалась осень...

Облака все чаще приплывали с северо-запада разбухшими от влаги, разражаясь на землю холодными дождями или пороша крупным снегом. Но зимних сил у природы пока было мало,

и поэтому непостоянство погоды чем-то напоминало поступки неуравновешенного человека: тепло сменялось заморозками, короткие прояснения — нудными морозящими осадками.

Остались позади напряженные летние и осенние сражения. Полк перелетел на правый берег Днепра. Река превратилась для него в тыловую рубеж, но восточнее ее, на старом аэродроме, у полка по-прежнему сохранялись свои интересы: там ремонтировались Илы, получившие повреждения в воздушных боях. И по мере того как самолеты возвращались мастерскими в строй, кто-нибудь из наиболее опытных летчиков полка перегонял машины на новое место базирования.

На сей раз выбор пал на Ивана Сохатого и Сергея Терпилова: командира и подчиненного, ведущего и ведомого. Но не подчиненность и место каждого в бою определяли их человеческие отношения. Они дружили. Дружили без пышных слов, молча доверяли свои судьбы друг другу. Каждый из них уже многократно проверил другого в боях и прежде всего — по взаимной бескорыстной помощи, когда во имя сохранения жизни идущего с тобою рядом любой из них считал своим первейшим долгом взять огонь на себя.

Наблюдая Терпилова в бою, Сохатый иногда вспоминал свой приход в полк на место погибшего комэска и первый боевой вылет во главе эскадрильи, которой продолжал и теперь командовать. На знакомство с подчиненными и на изучение ими своего нового командира выдался всего один неполный день. Конечно, что-то они успели взаимно узнать друг о друге: кто, где и сколько воевал. Но слова не смогли дать им самого главного — осталось невыясненным, как воевал каждый в отдельности и все сообща. В словесной шелухе Сохатый не смог уловить скрытого к нему недоверия, а может быть, и нежелания подчиняться человеку из «чужого» полка. Не заметил и разницы между своей точкой зрения на использование тактических приемов в бою и сложившимися в коллективе традициями. Позже, после первого полета эскадрильей, он понял, что молчаливая настороженность летчиков при подготовке к вылету на задание была вызвана их несогласием с его тактическим воззрением на коллективный бой. Схема была им непривычна и не очень понятна. Они, наверное, посчитали тогда нового командира если не трепачом, то просто не много понимающим в тактике человеком, который-де живет в каких-то теоретических прожектах.

Вылет полка для удара по вражескому аэродрому начался ранним утром. Он эскадрильей замыкал колонну полка и довольным взглядом

окидывал боевой порядок самолетов. Летчики шли красивым строем, и это создавало у него уверенность в благополучном исходе полета. В глубине души он гордился тем, что командир дивизии заметил его военные успехи, надеется на него и поэтому доверил командование опытной эскадрильей, да еще в другом полку. Генерал, конечно, знал, что перевод летчика в другую часть всегда сложен не только встречей с новыми людьми, но и столкновением различных мнений по вопросам боя. Новому пилоту, а тем более командиру, всегда в этом случае приходилось к чему-то приспособливаться, что-то отвергать. Ломать, с его точки зрения, ненужное и устаревшее и внедрять свое. Перенимать чужой опыт, убеждать и доказывать свою правоту. Думая об этих навалившихся на него сложностях взаимоотношений, Сохатый очень хотел, чтобы вылет прошел удачно, без потерь. В случае успеха у него открывались возможности утвердить свои тактические новинки как при ведении воздушных боев, так и при штурмовых операциях. Он не был согласен со многим, о чем довелось ему слышать и самому видеть при совместных полетах полков дивизии.

...В лучах низкого еще солнца показался вражеский аэродром. И голова полковой колонны как бы уперлась в заградительный зенитный огонь. Наблюдая самолеты и разрывы снарядов, Сохатый отметил про себя, что у него создается впечатление, будто ведущая группа увязала в полосе разрывов и от этого потеряла скорость. Позади идущие, чтобы не наскочить на передних, вынуждены были сломать строй, разрезали колонну на отдельные клинья, из которых потом быстро собрались в змейку. Все это показалось Ивану странным.

Он подводил эскадрилью к рубежу зенитного огня по кривой траектории маневра. Но его внимание все больше занимал не огонь врага, а нервное шараханье ведомых самолетов из стороны в сторону, как будто их раскачка исключала случайную встречу со снарядом врага. Он подумал тогда, что летчики нервничают скорее всего от того, что не очень представляют законы стрельбы зениток среднего калибра. Маневрировали не по обстановке, применяли резкие броски машин из стороны в сторону, как бы уходя от выпущенной в упор очереди из автоматической пушки или пулемета. Самолеты беспорядочно раскачивались по высоте и направлению, как лодки на мертвой зыби моря, и это создавало угрозу столкновения между собой, затрудняло построение общего маневра. И он решил попытаться по радио успокоить пилотов прежде чем идти в атаку.

С ноткой строгости в голосе Сохатый передал:

— «Горбатые», я — «трехсотый», встать всем на место! Успокойтесь! Этот огонь не опасен. Маневр строю я! Через тридцать секунд пойдем в атаку. Цель на южной окраине аэродрома. Стоянку самолетов вижу. После атаки левый разворот.

Говорил, а сам смотрел, как его распоряжения возвращают самолеты на положенные места. И от того, что его голос услышали, узнали и подчинились, ему сразу стало спокойней. Он почувствовал себя увереннее. Посмотрев на рядом идущий самолет Терпилова, увидел в форточке фонаря его руку. Тот показывал оттопыренный кверху большой палец. Летчик сигнализировал, что у него все в норме. Но Иван понял нечто большее — поддержку и одобрение его команды. И душа Ивана откликнулась: он перехватил ручку управления самолетом в левую руку, а правую поднес к форточке и показал Терпилову сначала все пять пальцев, а потом сжал руку в кулак и оставил на обозрение только один большой палец.

Состоявшийся «глухонемой» разговор настроил его на оптимистический лад, и он более чем спокойно провел эскадрилью через рубеж разрывов. Посмотрев, что все идет на своих местах, Иван проверил оружие и подал команду:

— Проверить готовность оружия. Работаем с одного захода! Стрелять самостоятельно! Сброс бомб по ведущему самолету! Пошли в пикирование!

Он, как всегда, уменьшил немного обороты мотора и, переводя машину в снижение, посмотрел за ведомым. Убедившись в том, что в атаку пошли все, он после этого занялся своим самолетом и оружием: стрелял по «юнкерсам», стоящим на земле, и определял точку прицеливания для сброса бомб. В это время стрелок тревожным голосом сообщил:

— Командир, ведомые уходят вперед, обгоняют нас на пикировании.

Оторвавшись от прицела и взглянув назад, Сохатый увидел, что его подчиненные не идут больше за ним. Сбросив бомбы без его команды, они вышли из пикирования и находились уже значительно выше его. В сердце кольнула обида. Он понял, что его или сознательно бросили, или не поверили в его слова. Не поверили в то, что в огне врага можно, а иногда и нужно сбавлять обороты мотора, уменьшать скорость полета, чтобы группа не растягивалась, чтобы у ведомых был резерв для маневрирования.

Бой требовал от него конкретной работы и он решил заняться все же вражеским аэродромом, а уж потом принимать какие-то меры. Пять-семь секунд, потребных ему для завершения атаки, ничего сейчас не меняли, он же не мог себе

позволить такой роскоши — сбросить бомбы и расстрелять снаряды впустую.

— Командир, с нами идет только Терпилов, остальных не вижу!

— Знаю. Хоть один помощник, а все же есть. Бросаю бомбы!

Выход на заданную цель и бомбометание по ней еще больше оторвали Сохатого от эскадрильи. Заканчивая атаку, он напряженно искал решение, которое бы не усложняло обстановку еще больше. Будучи уверенным, что без твердой командирской руки Илы могут понести потери, он решил воспользоваться радио, вызвать на связь заместителя.

— «Триста десятый», я — «трехсотый». Нахожусь позади вас на дальности километра три. Ответь, если меня слышишь.

— Слышу хорошо.

Выяснить отношения было некогда. Главное была связь, и он обрадовался ей.

— «Триста десятый», бери на себя управление группой и веди ее домой. Передних видишь?

— Вижу.

— Ну тогда жми к ним! Я приду самостоятельно. Потом разберемся.

Сохатый осмотрелся кругом и убедился окон-

чательно, что они с Терпиловым остались вдвоем. Свои истребители ушли вперед к большой группе самолетов, их потеряли из виду и поэтому надо рассчитывать только на свои силы.

Пошли бреющим и пониже... Как дела у ведомого? — спросил Сохатый. — Если в норме, покачай с крыла на крыло... Хорошо. Вижу. Готовь оружие. Без «мессеров» не обойтись... Но как-нибудь выкрутимся.

Думая о случившемся, он никак не мог поверить в то, что его сознательно решили бросить. Придя к такому выводу, он стал искать оправдание случившемуся. «Если ведомые ввели самолеты в пикирование на полных оборотах моторов из-за боязни отстать, то, конечно, им было сложно решать, как поступить. В этом варианте оставалось два выхода: или обогнать меня, или выйти раньше из пикирования, бросив бомбы куда попало... Кто показал пример? Тоже два неизвестных: или самый опытный, увидевший опасность проскакивания, или новичок, сделавший это бессознательно, по первому впечатлению».

Искать виновника или не искать?.. Что лучше?

— Командир!

— Что волнует стрелка?

— Два «сто девярых» догоняют нас.

— Ну вот, теперь полный комфорт. От них не убежишь. Патроны береечь! Терпилов! Два «мессера» подходят! Будем маневрировать. Держись хорошенько за меня. Не отрывайся. Если истребители справа — переходи налево. Если они слева — ты направо, чтобы оба задних пулемета могли стрелять... Ремизов, ты смотри за ним. Передатчика на его самолете нет.

— Понял! Заходят справа. Сразу парой!

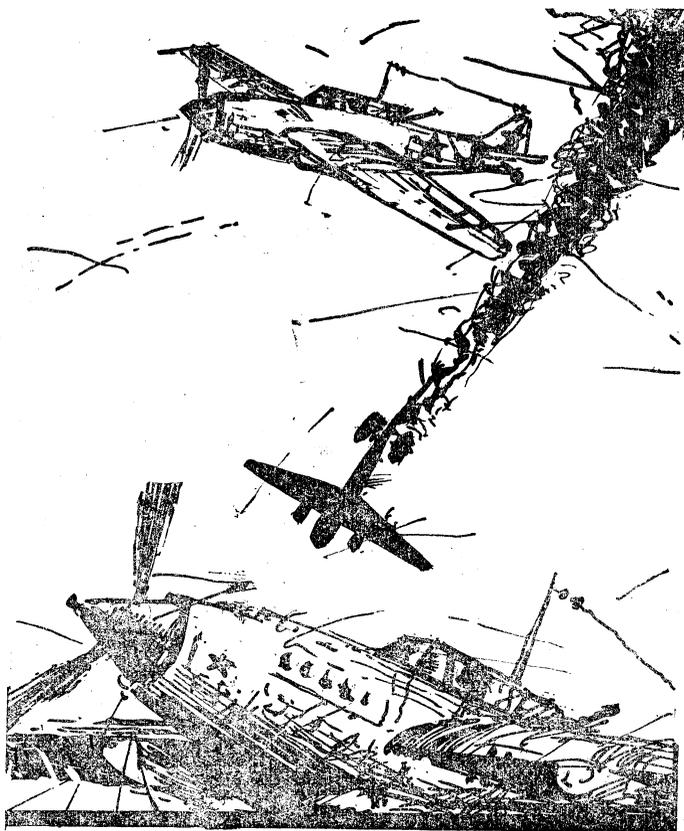
Сохатый посмотрел в форточку: два желто-зеленых «мессера» шли в атаку так, чтобы оба Ила оказались в створе одной очереди. Если не маневрировать, то Ремизов не сможет стрелять. Будет мешать машина Терпилова. Он прикинул расстояние. Выждал немного и, когда по его расчетам фашисты уже не смогли принять по-настоящему опасных ответных действий, когда до врага осталось метров четыреста, скомандовал:

— Терпилов, перейди быстро на левую сторону. Сразу правый разворот! Стрелкам стрелять по ведущему!

Наблюдая, как «мессершмитты» безуспешно пытаются перехватить его разворот, довольно засмеялся.

— Ну-ка, Петь, всыпь переднему, чтобы у него пыл поубавился.

Короткими настойчивыми очередями ответил его пулемет. Как будто Ремизов не находился под прицелом врага, а старательно и методично

вбивал железные гвозди в бронеплиту бензинового бака. Семь-десять выстрелов очереди воспринимались самолетом, как удар, и от него машина вздрагивала.

— Переднему не даю прицелиться, а он мешает своему ведомому, так что ничего у них не выйдет.

— Вижу! Вижу!

Сохатый, разворачивая машину, смотрел на попытку фашистских летчиков все же выполнить атаку. Опыт ему подсказывал: атака сорвана. Но передний немец, видимо, не прицельно, а со злости, в отместку за обман, дал длинную пушечную очередь, вышел из атаки влево вверх, уводя за собой и второй «мессершмитт».

Иван переменял сторону наблюдения. Взглянул в левую форточку и удовлетворенно хмыкнул: немец промазал. Ил Терпилова шел целехонький.

— Выходим на прямую. Переходи на правую сторону. Разворот влево под противника.

И опять они опередили немцев. Тем ничего не оставалось, как выйти из атаки.

Убедившись, что воздушный бой накоротке не получается, фашисты разошлись поодиночке и решили атаковать сразу их обоих. Это было уже посерьезней предыдущего и требовало от Сохатого и ведомого более продуманных действий.

— Терпилов, как только твой «мессер» выйдет на прицеливание, ты уходи от него через меня! Ремизов возьмет его на свой пулемет, а от другого я сманеврирую... Петя, Терпилов на тебя потащит своего немца, не прозевай!

— Смотрю, командир! Атакует слева! Дальность пятьсот метров.

Прикинув, что до открытия огня фашистскому летчику еще потребуется секунд десять-пятнадцать, Сохатый решил посмотреть за вторым «мессершмиттом», чтобы при необходимости подсказать ведомому начало маневра.

И выглянул он в форточку вовремя. Второй немец опережал с атакой своего напарника, выходил на дальность действительного огня раньше.

— Терпилов, чего спишь? Быстро разворот под меня! Вывод по команде!

Нырок самолета Сергея открыл Ремизову атакующий самолет врага, и стрелок не опоздал воспользоваться выгодной ситуацией. Влепил в истребителя длинную очередь.

И сразу звонкий, напряженный голос стрелка:

— Резко влево, командир.

Сохатый, памятуя о том, что под ним Терпилов, энергично положил машину в разворот и увидел между «мессершмиттами» и своим Илом самолет ведомого, который, приняв очередь врага на себя, закрыл командирский самолет.

Ивана обдало теплой волной благодарности. Он скомандовал:

— Выводи из разворота! Я рядом справа! Спасибо, Сережа.

Атаковавший Сохатого «мессер», проскочив под Илами, набрал метров триста высоты, отошел немного в сторону и стал как бы обгонять самолет Сохатого.

Думая, что фашист использует себя в роли приманки, предлагает им атаковать его, Иван забеспокоился, так как знал, что такой прием используется ими только в том случае, если на хвосте у противника уже «висит» другой немец.

— Петя, а где второй?

— Не видно. Может, упал, а может, подбитый ушел к себе.

Атаковать «мессера» было соблазнительно, но прикинув «за» и «против», Иван не захотел рисковать. Если стрелки не видят второго или других, то, прицеливаясь по этому, уйдешь от земли, а в это время тебе вгонят снизу единственную и последнюю в твоей жизни или Сереги очередь, которую кто-то из них обязательно не увидит... Пока он обдумывал, как поступить, немецкий летчик положил машину в крутой разворот и пошел на него в атаку под углом спереди.

— Стрелок, как за хвостами?

— Никого нет!

— Разворот под «мессера»!

Маневр получился вовремя: очередь прошла выше кабины. А немец опять стал занимать такое же исходное положение, но уже с другой стороны, видимо, решил стрелять так, чтобы оба Ила были у него на одной линии.

«Ну-ну, мы тоже не лыком шиты». — Сохатый решил сам развернуться, рассчитывая опередить немца в открытии огня.

— Петя, как сзади?

— Никого. Терпилов рядом!

— Атакую фрица!

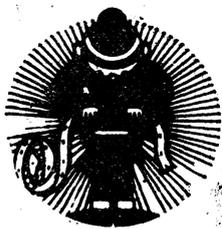
Фашист оказался более умным и опытным, чем думал Сохатый. Не приняв дуэли, немец перевел свою машину в набор высоты, потом перевернул ее на спину и в таком положении разглядывал неподдающихся его хитростям «горбылей». Иван увидел, как ему показалось, покрасневшее от прилива крови лицо и глаза немца, прежде чем тот проскочил над ним.

— Петя, немец пошел назад.

— Наблюдаю! Уходит не солоно хлебавши. А другой пропал. Видать, врезал я ему.

— Молодец! Терпилов, у тебя как дела? Если в норме, покачай! Вижу! Ай да мы, спасибо нам!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

КРАСНЫЙ КОМАНДИР —

● Двадцатипятилетнего командира 35-го конного полка Константина Рокоссовского привели в 1921 году в станицу Желтуринскую на юге Бурятии военные дороги. До сих пор стоит в станице старая изба, срубленная из толстых лиственниц, в которой останавливался командир. Теперь в этом доме располагается народный мемориальный музей Маршала Советского Союза К. Р. Рокоссовского. Его создали следопыты местной школы под руководством учителя истории В. Колочихина.

● Почти тридцать лет носит имя Г. Котовского 1-я кишиневская школа. Несколько лет назад школьники создали музей легендарного комбрига. Экспонаты его рассказывают о том, что привело Котовского к борьбе за новый строй [«Я, не зная партии, уже был большевиком,— так писал он о своей молодости, когда создавал первые боевые дружины, наводившие страх на богатеев], о бесстрашных бойцах кавалерийской бригады Г. И. Котовского, о государственной деятельности его.

● В свердловской школе № 130 существует музей дважды Героя Советского Союза, командира бывшей 52-й механизированной бригады А. А. Головачева. К организации музея прямое отношение имел директор школы Ефим Ильич Каган. В военные годы он заведовал другой школой, № 67, в которой усилиями родителей и ребят были собраны средства и куплен танк, отправленный в бригаду Головачева. На нем было написано: «От школьников Свердловска. Бейте проклятых фашистов!»

● Юные жители города Кинешмы — родины Маршала Советского Союза А. М. Василевского — собирают материалы для школьного музея, посвященного полководцу — земляку. Здесь сохраняется бревенчатый дом Василевских, который восстановлен в полном соответствии с тем, каким был он во времена детства и юности будущего маршала.

● Дорогой подарок получили следопыты Пустошки Новгородской области от ветерана боев, проходивших в этом районе. Бывший комдив генерал в отставке П. М. Шафаренко прислал ребятам свою книгу «Мы все были солдатами», изданную на Украине.

● Десять лет существует в селе Малый Выстороп Сумской области, на родине дважды Героя Советского Союза маршала П. С. Рыбалко, музей, созданный местными жителями. Следопыты сельскохозяйственного техникума в Малом Высторопе собрали более трех тысяч экспонатов, рассказывающих о боевом пути танкистов армии П. С. Рыбалко.

● В 262-й московской школе открыт музей парагвайских антифашистов. Идея создания его родилась во время посещения школы членами Парагвайской компартии и Федерации коммунистической молодежи Парагвая. Материалы музея, которые помогли подобрать парагвайские коммунисты и советские журналисты — международники, рассказывают о борьбе против кровавой диктатуры, о патриотах далекой мужественной страны.

Комиссар продотряда

Следопытам села Левашево Некрасовского района Ярославской области хорошо знакомо имя Федора Михайловича Налетова. Он воевал в гражданскую, устанавливал в окрестных селах и деревнях Советскую власть, был первым председателем Левашевского волостного исполкома. Новая жизнь начиналась в селах. С именем Налетова связано открытие почты, народного дома в Левашево... Спектакли ли устраивались в народном доме, мельницу ли надо было строить — везде был Налетов.

В 1919 году комиссар Федор Михайлович Налетов, направленный с продотрядом в Казанскую губернию, был убит кулаками.

Комсомольцы совхоза Левашево собирают сведения о своем земляке. Дочь Федора Михайловича прислала следопытам немало любопытных материалов, среди них, например, программа спектакля «В борьбе», который ставился в народном доме к двухлетней годовщине Советской власти. А сельская киностудия Левашевского Дома культуры снимает фильм о комиссаре Налетове, в котором будут использованы самые интересные документы и материалы.

Судьба заонежского крестьянина

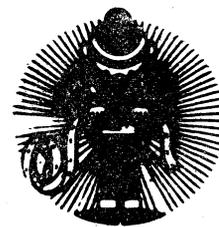
В Толвуйской школе прочитали заметку о подвиге Ивана Ширшина, совершенном в годы гражданской войны. Ребята тут же вспомнили, что живет в Толвуде Николай Григорьевич Ширшин... К нему-то и отправилась поисковая группа. Скромный человек Николай Григорьевич, да с ребятами не так-то просто отмолчаться, — вывели, что приходился ему Иван Ширшин братом. И вот что узнали о судьбе своего земляка...

Заонежский крестьянин стоял у истоков создания Красной Армии. В юности Иван Ширшин служил в Кексгольмском полку, имел чин старшего унтер-офицера, командовал пулеметным взводом в действующей армии, за храбрость был награжден Георгиевским крестом. В июле 1917-го штурмовал со своими пулеметчиками Зимний дворец — на стороне «красных» участвовал в низвержении Временного правительства. Из армии его демобилизовали по болезни, и Иван вернулся в Толвуд. Был членом волысполкома, работал помощником комиссара в Петрозаводском военкомате, возглавлял аттестационную комиссию по набору в Красную Армию.

В архиве Петрозаводского уездного комиссариата сохранилось воззвание, написанное рукой Ширшина, которое призывало в Красную Армию добровольцев. Подпись под возванием была такая: «Всеми избранный крестьянин Иван Ширшин».

В октябре 1918 года Ширшин во главе взвода выезжает на фронт, потом принимает командование отрядом. О его последнем бое рассказал в «Олонецкой правде»

ВПЕРЕДИ...

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

очевидец его гибели Христофор Дорошин: «...Я видел товарища Ширшина, идущего во весь рост перед цепью, высокая фигура его была заметна. Белогвардейская пуля сразила командира...» Так оборвалась жизнь одного из славных сынов советской Карелии.

10 октября 1919 года погиб герой. Этот день стал для учеников Толвуйской школы ежегодным днем памяти.

Прах красного командира И. Г. Ширшина покоится у Вечного огня на главной площади Петрозаводска.

По следам героев

Кишиневская школа № 28 находится на улице Тимошенко, рядом с площадью Лазо. Однажды на школьной линейке каждый из двадцати пионерских отрядов получил конверт — в нем были задания поиска, которые разработали учителя Б. И. Гаспас и Л. Б. Гирич. Этот следопытский поиск стал тем истоком, из которого вышла идея создания своего музея. Он посвящен сразу двум людям: полководцу гражданской войны С. Г. Лазо и маршалу, дважды Герою Советского Союза С. К. Тимошенко. Ребята запланировали поездку в Ленинград, по приглашению дочери Сергея Лазо Ады Сергеевны, и в Москву — к сыну С. К. Тимошенко.

«Каждый человек должен иметь в жизни своего комиссара», — сказал на встрече со следопытами 28-й школы приглашенный на открытие музея Алексей Маресьев. У этих ребят — сразу два комиссара...

В книге посетителей появились первые записи. В музее, в торжественной обстановке вручаются сейчас комсомольские билеты и паспорта, проводятся уроки мужества.

Сын многих народов

20 июля 1944 года на командном пункте взорвался вражеский снаряд. Засекли ли фашисты КП или ударили наугад, — от разрыва снаряда погиб находившийся на своем командном посту генерал И. П. Сиваков.

В Витебске есть улица имени Сивакова. На Украине Сивакова помнят как одного из освободителей Полтавы... Хорошо знают его на Кавказе, на Псковщине, в Литве...

Крестьянский сын из оренбургского села Ивановка, Иван Сиваков начал службу простым красноармейцем еще в гражданскую: дрался с белогвардейцами, участвовал в подавлении белочешского мятежа, громил колчаковцев, ликвидировал банды в ущельях Дагестана и Кабардино-Балкарии.

Отечественную войну он начал в частях 21-й армии; затем подполковник Иван Прокофьевич Сиваков был заместителем командира и командиром 23-й стрелковой дивизии, принимавшей участие в Сталинградской битве, позже воевал на Курской дуге, участвовал в освобождении Украины (там он командовал 357-й стрелковой дивизией), Псковщины, освобождал от фашистов литовскую землю.

Сорок пять народов и народностей считают генерала Сивакова своим сыном... Эту цифру, восстановив подробно биографию героя, участника двух войн, называют следопыты районного клуба в Рокишкисе Литовской ССР.

...Место комдива — не в атакующей цепи, а на своем командном пункте, так говорил легендарный Чапаев. Генерал И. П. Сиваков погиб, находясь на командном пункте, — и там доставали вражеские снаряды и пули... Прах генерала, укрытый знаменем, на орудийном лафете был доставлен в Витебск. Под троекратный салют белорусская земля приняла военачальника Сивакова — человека, которого во многих местах страны люди считают своим верным сыном.

Кто был прообразом генерала Серпилина?

Командира танковой бригады Александра Ильича Лизюкова известие о вероломном нападении фашистов застало в санатории, откуда он немедленно выехал в Минск, где находилась его часть. Поезд дошел до Борисова, где творилось что-то невообразимое... Несколько тысяч солдат скопилось на станции, неуправляемая толпа металась в панике — гитлеровцы наступали, людям грозил плен и физическое истребление, а движение поездов застыло... Лизюков, оценив обстановку, взял на себя командование: организовал мечущихся людей в боевую часть, продумал оборону, обеспечил переправу на берегу Березины, отбил атаки фашистов и вывел из окружения тысячи солдат. За твердость и решительность, проявленные в критический момент на Березине 5 августа 1941 года, А. И. Лизюкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Писатель и военный корреспондент Константин Симонов, бывший свидетелем березинских событий, описал потом этот эпизод в романе «Живые и мертвые», и в образе генерала Серпилина вывел Лизюкова.

...Александр Ильич Лизюков ушел добровольцем в Красную Армию в 1919 году, участвовал в гражданской войне. После окончания ее учился в Высшей военной бронетанковой школе, а затем в Военной академии РККА. Командовал полком, позже — 6-й танковой бригадой.

Он погиб в 1942 году под Воронежем. При наступлении его армии одна из бригад оказалась отрезанной, и командующий, поехавший сам, в своем танке, разыскивать пропавшую бригаду, попал под прямую, «в упор», огонь гитлеровцев...

Два младших брата Лизюкова тоже погибли в этой войне. Петр Ильич, генерал-майор 46-й истребительной противотанковой бригады, погиб под Кенигсбергом, посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Евгений Ильич, командир отряда 2-й Минской партизанской бригады, сложил голову в белорусских лесах.

Три брата, три командира отдали свои жизни за Родину.

ДВА ИМЕНИ НА ОБЕЛИСКЕ

На мемориальной доске, установленной в школе № 17 поселка Николо-Полома, что в Костромской области, перечислены учащиеся, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны. Один из них — Олег Ольховский.

Это же имя высечено на постаменте памятника павшим героям в парке белорусского города Пинска. А строкой выше — имя другого Ольховского — Петра Ефимовича.

Ольховские — отец и сын, командир и юнга одного бронекатера Днепровской военной флотилии. Вместе сражались они с ненавистным врагом, вместе погибли в неравном бою, вместе посмертно награждены орденами Отечественной войны.

Великую Отечественную войну морской офицер Петр Ольховский встретил в Ленинграде. Его жена и двенадцатилетний сын, эвакуированные в тыл, нашли приют в поселке Николо-Полома. Мать устроилась на работу, а Олег пошел в пятый класс. Учился он на круглые пятерки, но паренька не покидала мысль: при первом удобном случае бросить школу и податься на фронт. В мечтах он видел себя рядом с отцом в боевой рубке корабля, стремительно несущегося навстречу вражеской эскадре. Только где сейчас его отец? Вестей от него нет: ни он, ни Олег не знают адресов друг друга. Но сын уверен: попади он сейчас на флот, непременно найдет отца.

И случилось именно так, как представлял себе эту встречу Олег. В 1943 году, как только исполнилось ему четырнадцать лет, упросил парнишка военкома отправить его в Бакинскую школу юнг. В Саратове пароход, на котором из Костромы в Баку плыл по Волге Олег, пришвартовался неподалеку от стоянки катеров Волжской военной флотилии. В вахтенном офицере одного из бронекатеров Олег узнал своего отца.

Старший лейтенант Петр Ефимович Ольховский взял сына на свой катер юнгой. И вскоре расторопный, смысленный мальчуган сделался любимцем всего экипажа. Он быстро научился флажковой грамоте и запросто мог выполнять обязанности сигнальщика. Но для военного моряка это мало: освоил юнга автомат, пулемет, артиллерийскую установку.

И вот настал день, когда дивизион бронекатеров, перевезенный по железной дороге с Волги на Днепр, получил приказ поддержать пехоту в бою за освобождение Бобруйска. Несмотря на строгий наказ отца — не высываться из трюма, Олег

занял место раненого второго номера у кормового пулемета и с честью принял боевое крещение.

...Ночью 12 июля 1944 года три бронекатера прошмыгнули по Припяти чуть ли не к самому центру Пинска и высадили десант. У десантников была задача: завязать на улицах города бой и тем отвлечь внимание и силы гитлеровцев от района основного удара наших танков и пехоты по оборонительным сооружениям.

Против десанта были брошены снятые с позиций танки — самоходки. Наши воины отошли к реке под защиту артиллерийского и пулеметного огня бронекатеров. Но слишком неравны были силы.

Один вражеский снаряд попал в машинное отделение катера, на котором героически сражались отец и сын Ольховские. Другой снаряд лишил судно управления — ветер погнался катер к берегу под огонь немецких самоходок. Был убит командир, один за другим гибли члены экипажа, смолкли орудия и автомашины. И только один неистовый пулемет Олега Ольховского бил и бил с кормы по наступающим фашистам...

Советские бойцы, освободившие город Пинск, нашли юнгу, припавшего к искореженному снарядом пулемету. Осколок остановил сердце мальчишки, но не оторвал его рук от орудия.

В. КОСТРОМИН

«ПАРТИЗАНКА»

«Здравствуй, уважаемый «Уральский следопыт»!

Никогда не писала писем в редакцию, извините, если что не так... Мне нет и пятидесяти лет, но я уже инвалид, сквал недуг, всему виной война, проклятые фашисты! И вот, прочитав под рубрикой «О братьях меньших» рассказ «Лиса в землянке», мне тоже захотелось рассказать одну маленькую историю военного времени...

Говорится: глупая, как курица. Неправда! Жили мы перед самой войной под Таганрогом, на реке Миус (мама и сейчас там живет). Осенью сорок первого нагрянули немцы. Сколько горя пережили люди от их злодейств, особенно дети, так остро все воспринимавшие. Под вечер пошла по дворам стрельба. Охотились на кур, было страшно не только от выстрелов, но и от гадкого смеха фашистов. Сколько было у нас тог-

да курочек, не помню, но с каждым днем их становилось все меньше. И, наконец, осталось три — две желтые и пестренькая.

На какое-то время набег на курятники прекратились. Забирали же оккупанты все: в доме было две пачки цветных карандашей, так и их унесли. Однажды, в ноябре, фашисты опять налетели, все перерыли. Мы, дети, мама, бабушка ждем, что нас ожидает. Ушли... Вдруг пальба в сарае. Мы решили: все, курочек нет. Вечером с мамой подмели перо, поплакали... За два года оккупации было много бед, нас освободили 1 сентября 1943 года.

Но — о курочке... Пришла зима сорок первого. Снега намело везде, даже на чердаке, где всегда хранился горох, фасоль, кукуруза, а один угол обычно был забит сеном. Мама послала меня за чем-то на чердак. Что я увидела: на снегу отпечатки... куриных лапок. Позвала маму. В сене, на гнезде, сидела пестренькая курочка. Питалась она все это время кукурузой, клевала снежок. У нее были яйца, от мороза они полопались. Бабушка сделала из мела яйцо, ну а настоящие мы, конечно, забрали. Назвали несущую Партизанкой, носили ей теплую воду, давали зерна. Но как она очутилась на чердаке? Когда строили дом, для кошки из сарая в амбар прорезали лазейку. А из амбара на чердак вела лестница. В тот день стрельбы курочка и заскочила в амбар. Но что удивительно: за все время оккупации Партизанка ни разу громко не кудахтала, хотя и неслась. Летом мы ее выпускали в огород, она греблась в теплой земле, что-то искала в траве, но голоса никогда не подавала. Вечером — в укрытие. А немцы налетали и зимой, и летом.

Партизаночку мы берегли. Она прожила до 1950 года. Были у нее потом и детки. Однажды она долго болела. Бабушка ухаживала за ней. Но Партизанка так и не поправилась. Похоронили ее в саду. Посадили над ней розу.

М. ПЕРСОРИДОРОГА.»

МАЛЬЧИК И ЯЩЕРКА

Владислав
КРАПИВИН

Повесть

Осень в Старогорске

Осень была очень похожа на позднее лето. Лишь больше стало в воздухе пушистых семян белоцвета, напоминающих летучих паучков. Да чаще слетали с кленов ярко-желтые листья.

И еще один признак был — кончились каникулы.

Только первого сентября Гелька узнал, что они с Янкой будут учиться в разных классах. Гелька в пятом, а Янка в шестом.

Янка сказал немножко виновато:

— Мне ведь почти двенадцать. Только ростом я такой, не очень...

— Значит, Юрка с тобой учился бы... — вдруг сказал Гелька. То есть не вдруг. Про Юрку они с Янкой думали постоянно. Только говорили о нем не часто, будто молчаливо условились не будить лишний раз тревогу. Но теперь Гелька сказал, не выдержал. И в простых его словах смешалось множество вопросов: «Где он? Что с ним? Куда привела рельсовая дорога? Нашел ли? Вернется ли? Когда?»

Янка сказал:

— Ничего. Он же не один...

— Сегодня директорша про него спрашивала, — насупленно проговорил Гелька. — «Не знаешь, куда подевался Юра?» Я говорю: «Кажется, в Нейск уехал»... «Почему же он не взял документы?» Я говорю: «Не знаю...» А что еще сказать?

— Будет заваруха, — озабоченно сказал Янка.

Но несколько дней прошли спокойно. По крайней мере, Гельку и Янку вопросами никто не тревожил.

...Из школы они ходили мимо детской поликлиники, вдоль старой стены, где в нишах прятались заросшие лавочки. И каждый раз молча вспоминали, как летом познакомились здесь. Как Янка попал в засаду. Но не говорили про это. Янка молча улыбался. Гелька сердито поддавал коленками тяжелый портфель с бронзовой ящеркой на крышке. Ящерка — это был такой значок, длиной со спичку. Однажды Гелька расцарапал

им ногу, снял с крышки и прицепил под воротник.

— Зачем прячешь-то? — удивился Янка. — Носил бы на рубашке.

— Да ну, на рубашке... Скажут: как девчонья брошка.

— Ничего не девчонья, просто значок... Хорошая какая ящерка. Как живая... Откуда она у тебя?

— Я разве не рассказывал? Папа ее в лесу нашел, в траве, недалеко от скважины. Спрашивал там: чья, кто потерял? Говорят: не знаем. Ну вот он мне и привез... Смотри, Янка, друзья-приятели топают!

Впереди, шагах в тридцати, шли Васька и Алешка Листов. Гелька звал про себя Алешку Огонек, но другие звали его Листик. Алешка был в новенькой зеленой форме второклассника. Васька блестел на солнце.

— Во, прогульщики, — обрадованно сказал Гелька.

— Почему? — возразил Янка. — Может быть, как мы...

У Гельки почему-то отменили урок географии, а Янку отпустили с физкультуры, потому что у него на шведской стенке вдруг закружилась голова.

— Нет, у них сейчас математика, я знаю... Эй, Ог... Листик! Васька! А ну, стоп! Лодыря гоняем, да?

Алешка обернулся, а Васька замер. Потом, не шевельнув туловищем, Васька развернул на сто восемьдесят градусов квадратную голову (тихоночь заскрипела ребристая шея). Резиновые губы растянулись в улыбку, коротенькая макушечная антенна весело изогнулась. Но тут же Васька насупился и сказал:

— А чё... Она сама...

— Нас прогнали, — деловито сообщил Листик. — Вернее, его. А меня заодно...

— Как это вы достукались? — весело удивился Янка.

Листик бросил на Ваську косой взгляд:

— Да ну его... Сам виноват. Все время подсказывает на уроке...

— Да?! А если они сосчитать не могут! — звинтился Васька. Затанцевал на тонких дюрале-

Окончание. Начало см. в № 1.

вых ногах и привел голову и туловище в нормальное положение.— Такие задачки смехотворные, а они...

— Не у всех ведь мозги электронные,— сказал Гелька.— Ты, Василий, смотри. Будешь своими способностями хвастаться, тебя ребята выскочкой задразнят.

— Ребята ничего не говорят, они только рады. Это Настюшка придирается... Настасья Федоровна. Она меня терпеть не может.

— Ну уж...— осторожно не поверил Гелька.

— Да! Она вчера меня стукнула...

— Как это? — изумился Янка.

— Вот так! Пластмассовым треугольником.— Васька потер сзади нижнюю часть выпуклой ферропластовой канистры, из которой было сделано его туловище.

— Тебе же не больно. Вон какая броня,— утешил Гелька.

— Да?! — Васька сверкнул фиолетовыми фотоглазами.— Если железный, думаешь, не обидно?

Гелька и Янка вопросительно глянули на Листика. Тот неловко объяснил:

— Она у нас еще молоденькая, только из института. Сама еще как девчонка...

— Все равно это свинство,— сурово сказал Янка.

Листик смутился. Настасья Федоровна, видимо, ему нравилась. Листик наклонился и стал поправлять шнурки на кроссовках. Не разгибаясь, напомнил Ваське:

— Она же сразу извинилась.

— Ха! Извинилась! А потом опять придирается: «Почему ты голый в школу являешься?» Я говорю: «Я же робот, у меня и так шкура прочная». А она: «Не робот ты, а обыкновенный хулиган. И нечего приходить в школу без штанов!»

— Правда, придирается,— заметил Янка.

— Я ему свой матросский костюм дам,— примирительно сказал Листик.

Гелька представил роботенка Ваську в матросском костюмчике — большешапого, с квадратной

головой, с ногами-трубками — и зажал улыбку. Серьезно сказал:

— Лучше комбинезон какой-нибудь. Я у себя поищу.

— В такую-то жару! — капризно отозвался Васька.

— Тебе какая разница? — удивился Гелька.

— Да, разница. Я терморепцепторы в себя вставил. — Васька резиновой перчаткой хлопнул по блестящему животу с выпуклым клеймом «Промнефтегаз».

— Опять на свалку таскался за деталями, — строго сказал Гелька.

— Я ему на детали деньги давал, он их в «Юном конструкторе» купил, — заступился Листик.

— Но на свалку наш Васенька все равно таскался, — пронизательно заметил Гелька.

— Его там ржавые бабки приваживают, — сказал Янка.

— Не бабки! — огрызнулся Васька. — Я хотел посмотреть, где папа Ерема жил.

— Папа Ерема жил в «Курятнике», — сухо напомнил Гелька.

— «Курятник» же разломали! А сперва он жил на свалке... пока с бабками не поругался. Они его теперь вспоминают и жалеют... А вы тоже на свалку ходили, я знаю!

Гелька и Янка быстро переглянулись.

— Мы — по делу, — сурово сказал Гелька. — А тебе туда соваться нечего. И нечего спорить, когда старшие говорят...

— Подумаешь! — роботенок дерзко мотнул антенной.

— Ничего не «подумаешь», — поддержал Гельку Янка. — Ты, Васька, не вредничай, мы тебе все равно что родственники. Мы из-за тебя пальцы кололи. У меня потом два дня болел, я играть не мог.

— Я тоже колол, — напомнил Алешка Листик.

— И Листика слушайся, — дипломатично сказал Гелька. — А то у него будут неприятности в школе.

— Уже, — вздохнул Листик.

Васька засопел носом, сделанным из рожка от чайника, и сказал:

— Все на одного. Воспитатели...

Васька жил у Листика.

— Пошли, — сказал Листик. — Попрошу бабушку подогнать на тебя костюм.

Васька был маленький — Алешке по плечо.

Глядя им вслед, Янка усмехнулся:

— А мы, правда, как воспитатели.

Гелька кивнул:

— Ага... Пока Васьки не было, никогда не ду-

мал, что могу такие речи говорить. Про послушание... Как тетя Вика!

— А все-таки он ничего роботенок, — сказал Янка. — Хорошего парнишку мы склепали.

— «Мы», — засмеялся Гелька. — Если бы не твой дедушка...

— Ну, я и говорю, мы все: дедушка, ты, я, Листик...

— Я думал, твой дедушка только скрипичный мастер, а он на все руки...

— Да не так уж и трудно было. По готовым чертежам... И главное — все материалы на месте оказались!

— Вот это — самое большое чудо... — вздохнул Гелька.

— Что — чудо?

— Что вагон оказался на месте. Приходим, а он будто никуда не уезжал. Даже колеса к рельсам как раньше приржавевые...

Янка задумчиво сказал:

— Я бы, наверно, решил, что все приснилось, если бы не вторая куртка. Одна на мне, а другая — в вагоне на гвоздике. Будто не снимали. Я даже испугался. Помнишь?

— Нет, я не помню, что ты испугался. У меня у самого тогда мозги набок... Но я обрадовался. Думаю: вот хорошо, что Еремины чертежи теперь в двух экземплярах.

Янка тихо улыбнулся:

— И дневник Глеба. Как будто нам подарок: и тебе и мне — пожалуйста... Гелька, ты все листы прочитал?

— Конечно. Не один раз...

— Я тоже. А стихи даже наизусть помню... Гелька, а ты говорил, что он стихов не писал...

— Я же тогда не знал еще... Да это и не его стихи, Янка. Он же просто вспоминает старую песню.

— Не вспоминает, а придумывает. Ты прочитай внимательно.

— Я внимательно...

— Ну, еще раз. Давай я тебе покажу.

— У меня же его дневник не с собой...

— У меня с собой. Пожалуйста! — Янка вытащил из сумки пачку потрепанных листов. — Давай сядем... — Он продрался сквозь дикий укроп к лавочке в кирпичной нише. Гелька за ним.

В укропе прятался похожий на колючие рыбы плавники зуболист. Гелька чертыхнулся и вскинул ноги на скамью. Янка тоже. Теперь они сидели друг к другу лицом, прислоняясь лопатками к боковым стенкам ниши. Ниша была узкая, сидеть пришлось в такой тесноте, что Гелька увидел у своего носа Янкино коричневое колено с розовыми проплешинками на месте отвалившихся коросточек. На колено упал откуда-то красный жук-пожарник. На его спинке чернел узор, по-

хожий на человеческое лицо. Вернее, на маску. Гелька сердито сдул жука, он вспомнил неподвижную маску Клоуна.

«Геля Травушкин, подари искорку...»

Янка вдруг сказал с улыбкой:

— Мы тут похожи на двух заговорщиков...

— Ага... Или на узников, которых сейчас замуруют в стене,— хмуро отозвался Гелька. Кирпичи были прохладные, и он передернул плечами.

Янка серьезно возразил:

— Мы не дадимся.

— Янка... А если Клоун все еще охотится?

Если отберет у Васьки искорку?

— Как же отберет? Он не может без согласия...

— Ну, выманит.

— У Васьки-то? Васька не дурак.

Васька в самом деле был не дурак. За две недели жизни он прочитал кучу книжек и все учебники для первого класса. Выучил английский язык и физику по программе радиотехникума. Недаром директорша Клара Егоровна разрешила ему ходить сразу во второй класс. Но по натуре он оказался не слишком воспитанным и к тому же чересчур самостоятельным для своего возраста. Было в нем что-то от папы Еремы в молодости.

«Но это и хорошо. Искорку он не отдаст»,— подумал Гелька. И сказал Янке:

— Я вот что придумал: надо найти ту барабанную палочку, от которой развалился Гребец. Наверно, она там и лежит в кустах. Пускай Васька носит ее с собой.

— Найдем, конечно,— согласился Янка.— Сейчас и сходим. Только сперва я тебе прочитаю Глеба... Вот слушай.

Глеб писал:

«...А больше всего я люблю вспоминать летний поход после четвертого класса. Даже не сам поход, а привал на поляне в березовом лесу. Были уже сумерки, и стволы в них светились, как обмазанные фосфором.

Я помню круг брезентовых палаток, а в центре круга трескучий костерчик. И песню, которая появилась неизвестно откуда. Хорошая такая, немного печальная песня. Мотив я хорошо запомнил, навсегда, а слова— еле-еле. Только несколько строчек. Но не хочется мне, чтобы песня исчезла из памяти, и вот я понемногу придумал свои слова...»

Янка прочитал это негромко и раздельно. Глянул из-за листа на Гельку. Гелька виновато сказал:

— Да... А я как-то не обратил внимания. Думал, просто песня... А правда, хорошая?

Янка кивнул. И зашевелил губами. Он читал еле слышно, для себя, но в Гельке слова песни все равно отдавались со звоном. Он знал их наизусть:

Звездной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На буденовке серой —
Голубая звезда.
Голубые петлицы —
В них клинки скрещены.
Рвется синяя птица
В небо гневной войны.

Верный конь меня знает —
Не уронит с седла.
Жаль, что шашка стальная
Мне пока тяжела.
Но нагану я верю —
Не изменит в огне.
...Барабан в револьвере.
Барабан на коне...

Наши парни хохочут —
Блеск по белым зубам:
«Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде.
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей»...

Янка перестал двигать губами, и Гелька понял, что он думает о барабанщике Юрке. Гелька сказал:

— Сегодня полезем на крышу? Вдруг будет сигнал...

Янка облизнул губы и как-то жалобно шевельнул бровями. Промолчал.

— Янка...

— А? — будто очнулся он.— Ползем, конечно...

— Янка... А что такое буденовка?

— Шапка такая военная...

— Я знаю, что шапка. А какая?

— Ну, вроде старинного шлема. Глеб же рассказывал... Не помнишь разве?

«Не помню,— вздохнул про себя Гелька.— Это, наверно, без меня. Когда я обиделся и ушел...»

Янка понял. Он торопливо сказал:

— Сейчас нарисую.

Он зашарил по нагрудным карманам. На разноцветных форменных рубашках — желтой у Янки и сиреневой у Гельки — карманы делились продольными швами на узкие чехольчики. Как газыри на старинных черкесках. Это была новая школьная мода. В трубчатые футлярчики удобно

было совать карандашики, ручки, круглые микрокалькуляторы. А также палочки-леденцы в блестящих фантиках и стеклянные трубочки для стрельбы сухими ягодами... Янка нащупал синий фломастер, пристроил на коленях пачку бумаги и на обороте печатного листа сделал быстрый рисунок. Показал Гельке. На картинке была остроконечная шапка с козырьком и длинными ушами. С большой звездой, затушеванной синими штрихами.

— Ну, я так и думал,— сказал Гелька.— Я вспомнил...

Дома Гелька взял с полки растрепанные листы с записями Глеба. Устроился на подоконнике и снова прочитал про поход и про костер на привале. А потом и песню. Это была даже не песня, а целая поэма или баллада. Конечно, Глеб сочинил ее длиннее той, что пели у костра.

...Наши парни хохочут —
Блеск по белым зубам:
«Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде.
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей».

Усмехаются парни,
И слова их верны:
Гулкий топот конармии —
Пульс гражданской войны.
Только мне после боя,
У ночного костра,
Снится небо иное
И другая пора:

Дремлет летнее поле,
Тонко птица звенит.
Позабыты все боли.
Чист и ясен зенит.
В этом ясном затишье
Ласков солнечный свет.
...И выходят мальчишки,
Вдаль идут по траве.

Над лугами, над лесом
Тишина, тишина.
Лишь из песен известно,
Что бывала война.
От невзгод отгороженно
Можно жить не спеша.
...Почему же тревожен
Их мальчишечий шаг?

Что подняло их рано?
Чей далекий призыв?
Может, в их барабанах
Эхо дальней грозы?
Пальцы палочки сжали,
Как сжимают наган.

Травы бьют по изжаленным
Загорелым ногам...
Вам никто не расскажет,
Что разбило их сон.
Эти мальчишки — стража
На границах времен.
Они струнками-нервами
Чуют зло тишины:
«Нет, ребята, не верим мы
В слишком тихие сны.

Что-то стали на свете
Дни беспечно легки.
На уснувшей планете
Прорастут сорняки.
Чья-то совесть задремлет,
Чья-то злоба взойдет,
И засохнут деревья,
И моря стянет лед...»

Солнце плечи им трогает,
Ветер спутал вихры.
И, быть может, тревога их —
Что-то вроде игры.
Но скользит темным крылышком
Тень по сжатым губам.
...Я вот этим мальчишкам
Свой отдам барабан...

«Это будто про Юрку,— уже не первый раз подумал Гелька.— Это Глеб уже, наверно, здесь написал, в Старогорске...»

За окном, в траве под березами, скандалили воробьи. На них сипло и лениво гавкал от своей будки Дуплекс. Листья берез золотились от осени и от солнца. Сквозь листья — на подоконник, на Гельку, на бумагу — падали тонкие лучи. Янка, если бы захотел, смог бы сыграть на них, как на струнах, «Осеннюю песню»... Нет, не осеннюю. Пусть придумает музыку к этой, про Юрку!

Гелька еще раз перечитал последние строчки. Между ними проступали какие-то бледно-голубые линии. Гелька перевернул лист. На обороте был рисунок буденовки.

Гелька сжал губы, обхватил себя за покрытый колючими волосками затылок и минуты две сидел неподвижно. Потом выдернул из кармашка тонкий фломастер и написал на краю листа:

Янка

— Ну и что? — сказал Янка, словно успокаивал Гельку. — Это и понятно. Если разобраться, это же один и тот же лист. Только... только как бы в двойном существовании...

Гелька все еще загнанно дышал от стремительного бега. Они сидели у Янки, на пустой веранде с разноцветными стеклами. На некрашенных половицах перед ними лежали два совершенно одинаковых листа из дневника Глеба. На изнанке листов было два абсолютно одинаковых рисунка: синяя буденовка с большой звездой. И две одинаковых надписи: Янка...

— У них природа совершенно одна и та же. Это фактически один лист, — снова сказал Янка.

— Все-таки непонятно, — вздохнул Гелька.

— Ну и что? — откликнулся Янка. — Разве мало случилось непонятного с той поры, как мы познакомились? А искорка — это понятно?

Гелька не ответил. А что отвечать, Янка правильно говорил.

— На свете вообще столько непонятного, — продолжал Янка. — Что такое музыка — это понятно? А электричество? Ученые до сих пор не знают, что это такое. А люди пользуются им давным-давно. А если бы люди боялись непонятного, что было бы на свете?

— Иногда боятся, — сумрачно сказал Гелька. — Скважину вот закрыли. Папа целый месяц в столице живет, все добывается, чтобы разрешили исследование, а толку никакого.

— А почему?

— Не разрешают, и все. Говорят, есть решение... — Гелька нудным голосом будто прочитал: «Ввиду неясности результатов и возможности проявления непредвиденных последствий бурение сверхглубокой скважины приостановить на срок, необходимый для разработки новой программы и теории «Два Ц»...»

— А что за теория?

— Толком никто не знает... И какой срок, никто не знает. Наверно, не маленький, если вход зацементировали...

— Гелька, а что в этой скважине обнаружили? Ты ничего толкового так и не рассказывал.

— А я ничего толкового и не знаю... Бур не пошел, будто в броню уперся. Спустили микробота с телеглазом, а он показывает на экране звезды...

— Будто землю насквозь прокопали и небо увидели?

— Да нет. Небо-то увидели то самое, которое у них над головами. Те же созвездия. Дело было ночью... А потом все погасло, и робот не вернулся. Послали еще одного, а на экране что-то непонятное...

— Что?

— Папа не стал говорить... Янка, у них же

есть правило: пока открытие не выяснилось, это секрет... Да и вообще папа приехал какой-то хмурый. На себя не похожий...

— Может, эта скважина — прямой тоннель в другие галактики, — сказал Янка. — Или в другие пространства...

— Как те рельсы...

Янка кивнул. И они долго молчали, думая про Юрку и Глеба, которые ушли за стрелку таинственного рельсового пути. Гелька прислонился к стенке и положил один листок с буденовкой себе на колени. Смотрел на рисунок.

— Нам теперь и телефона не надо, — улыбнулся Янка. — Можем на этих листах переписываться — самая быстрая и тайная связь.

— Ага... А то тетушка вечно локаторы настаживает, когда я по телефону говорю...

Дома Гелька сразу попробовал новый вид связи. Написал:

«Янка, приходи, как договаривались. В 21.00».

И под этой строчкой невидимый красный фломастер вывел:

«Ладно».

Гельке показалось, что слово неуверенно дрогнуло.

«Янка, может быть, ты не хочешь?»

«Я хочу. Только...»

«Что?»

«...Ты не смейся, я сейчас объясню».

«Я не буду смеяться!» — торопливо написал Гелька и очень встревожился.

«Я почему-то стал бояться высоты. В прошлый раз полезли на крышу, и я весь обмер. А сегодня на шведской стенке опять».

«Янка! Тогда не надо!»

«Нет, я приду. Это надо перебороть».

«Янка, а ты не заболел? Я, когда лежал с вирусом 7-ж, все видел во сне, что лезу на колокольню Капитанской церкви, а потом падаю, падаю. Тоже было страшно».

«Нет, Гелька, тут что-то другое. Ты не бойся, я приду»...

Янка поднялся на крышу быстро, без остановки, но там сразу сел у кожуха энергосборника и прижался к нему плотнее. Неловко сказал:

— Что же со мной такое? Сроду не боялся... В Приморске на такие скалы лазил...

— Может, пройдет... — утешил Гелька.

— Может быть... А если не пройдет, я все равно себя переборю... Открывай зонт...

...Почти каждый вечер они забирались на Гелькину крышу и раскрывали зонт, оклеенный изнутри шелестящей фольгой. Это был маленький самодельный локатор. Провод шел от него

к микроприемнику «Турист», подключенному к двум парам наушников. Локатор шарил по звездам и горизонту. В наушниках трещало и попискивало, иногда пробивались обрывки передач. А Гелька и Янка ждали: не прокльонется ли какой-нибудь сигнал от Юрки и Глеба. Слова какие-нибудь или песенка знакомая...

Ни о каких сигналах они с Юркой и Глебом не договаривались. Как их можно послать, никто не знал. Но пока зонтик-локатор выхватывал из эфира непонятные звуки, была хоть какая-то надежда.

Очень крошечная, но все-таки надежда...

Вот и сейчас Гелька медленно водил по небу ручкой зонта, на которой тонким штыком торчала антенна. Янка, уже отдышавшийся от страха, наугад крутил ручку настройки. Вякала в наушниках музыка, перемешивались разные языки, потом наступала шелестящая космическая тишина... Наконец Гелька отложил зонтик, снял наушники. Посмотрел вверх.

Сентябрьский поздний вечер был черным, звезды в зените казались громадными и раскидывали голубые лучи.

— Янка, а почему Глеб написал, что на буденовке голубая звезда? Звезды же всегда были красные.

— Конечно, красные. Они были блестящие такие, эмалевые. А под них нашивались еще звезды — большие, их из сукна вырезали. У каждого рода войск — звезда своего цвета. У пехоты — малиновая, у артиллерии — черная, у конников — голубая... Конники в те времена были самой быстрой армией.

— Я два года назад был в лагере «Ласточка», там были две лошади. Одна настоящая и одна робот. Мы на них катались, только не быстро, конечно...

Янка улыбнулся в темноте:

— Может, нам на Ваське покатаются?

— На нем покатаешься. Так лягнет, что не захочешь... Интересно, почему они с Листиком не пришли? Раньше каждый вечер прибегали...

— Может, костюм Ваське перешивают...

— Или обоих дома засадили за школьные приключения.

Янка сказал:

— Васька вчера опять у меня выпытывал: какой был папа Ерема, и как мы жили раньше, и какой был «Курятник»... Для него, для Васьки, это такая давняя давность...

— Мне тоже иногда кажется, будто все давным-давно было, — признался Гелька. — И иногда наоборот: будто вообще ничего не было.

— Ага! Кажется, что прибежишь на станцию, а там «Курятник», а в нем Ерема, Глеб, Юрка...

— Зря начальник велел сломать вагон, — ска-

зал Гелька.— Знаешь, Янка, я иногда думаю... Это, конечно, чушь, но бывает такая мысль: если бы «Курятник» остался, Юрка и Глеб скоро вернулись бы... По крайней мере, Юрка...

Гелька не знал, конечно, что Юрка хотел вернуться и не смог.

Когда тоска по Гельке, по Янке, по Старогорску вдруг сжала его и не пустила дальше, он виновато и быстро попрощался с Глебом. Скомканно сказал:

— Гелька думает, что я его бросил. Наверно, так нельзя...

И он пошел назад.

Он шел долго, но огни Старогорска, которые казались близкими, вдруг растаяли, и впереди над пустым степным горизонтом встал быстрый рассвет. Юрка оглянулся. Глеба сзади, конечно, не было. А впереди... Что было впереди?

Юрка постоял на шпалах. На прямом рельсовом пути посреди поля, где в траве начинали поспевать птицы. Он был один и вполне мог заплакать от этого одиночества и от неизвестности. Но он не стал.

— Раньше надо было думать,— сказал он себе.— Теперь шагай.

Он поднял сухой стебель сорняка и, щелкая им по рельсу, пошел навстречу утреннему ветерку. И даже тихонько засвистел сквозь зубы. Он шагал быстро, и плетёный аксельбант барабанщика хлопал его по форменной рубашке...

Второй визит Магистра

В конце марта на теневых сторонах улиц еще лежал грязный комковатый снег, а на солнечных пробивались у заборов зеленые кулачки лопухов и цвела мать-и-мачеха. И время от времени мелькали коричневые бабочки. Это, конечно, если погода была солнечная и безветренная.

Но сегодня солнца не было. С ночи небо затянули скучные облака. Они были серенькие, невзрачные, но от них веяло такой безысходностью, что хотелось лечь и закутаться с головой.

Занятия в классах шли кое-как, а после второго урока Яр велел распустить ребят. Он объявил, что весенние каникулы начинаются на два дня раньше. В другое время школа содрогнулась бы от радостных воплей, а нынче ребята разошлись тихие и насупленные — будто у каждого не меньше трех двоек за четверть. Нет, кое-кто шутил, конечно, и баловался по дороге домой, но как-то нехотя, через силу...

Чита не подчинился директорскому приказу. Он не пустил домой подшефных третьеклассни-

ков. Он собрал их в спортзале, устроил им крепкую разминку с прыжками и упражнениями, а потом затеял состязания метателей мячика. Самая трудная задача была попасть сразу в три чаюющихся кольца...

Яр прислушивался к смеху и топоту третьеклассников со смесью удовольствия и тревоги. Чита, конечно, молодец. Но что будет дальше?

Неизвестность выматывает. Чувствуешь, как злые силы готовят удар, а какой он будет и как от него защититься — не имеешь понятия. К тому же эта сегодняшняя неизвестность смешивалась с другой — давней и постоянной: почти три месяца от ветерков не было вестей. Тик отводил глаза, будто он виноват. Яр тоже отводил глаза. Слово тоже был виноват — тем, что мучил Игнатика невысказанным вопросом: «Не вернулся ли Денек?»

Впрочем, беспокойство беспокойством, а хлопотная директорская жизнь затягивала Яра с головой: планы занятий, совещание ореховских учителей и выборы единого школьного совета (наконец хоть какая-то власть!), грипп в первых классах, ремонт отопления. Да еще уроки математики у шестиклассников и семиклассников...

Яр, хмураясь и тревожась, прошел в левое крыло школьного здания — здесь было его жилье. Данка на кухне звякала тарелками, хотя он тысячу раз просил не соваться в его хозяйство. Во-первых, сам справится, не инвалид. Во-вторых, тетушки-учительницы и так шепчутся черт знает про что...

— Дарья, ну сколько раз я говорил...

— Помолчи уж,— отозвалась Данка.— Вечно сидите с Глебом до ночи, а стаканы вымыть не можете.— В последнее время она стала спокойно-дерзкой и очень независимой. «Ах, как быстро взрослеет девочка»,— сказал однажды Глеб.

В комнате торчал, конечно, Алька. Он сидел у подоконника и смотрел на небо. Оглянулся на Яра. Тоскливо сказал:

— Гадость какая. Просто не могу...

— Что?

Алька кивнул на облака.

— Переживем,— сказал Яр.

Алька слабо улыбнулся, потом сообщил:

— Глеб приехал.

Глеб оказался в крошечной комнатухе, где стояла кровать Яра и громоздились по стенам книжные полки. Он сидел на кровати и меланхолично вставлял в барабан блестящего револьвера длинные, как сигареты, патроны.

— Ну что? — спросил Глеб, не поднимая головы.

— Что? — спросил Яр.

— Сволочная погода,— сказал Глеб.— Что-то они замышляют...

— Я распустил ребят,— сказал Яр. Подумал и добавил: — Чита мобилизовал своих пацанов.

— Чита — уникам,— веско проговорил Глеб.— Мне бы его в отряд сорок лет назад. Мы бы обязательно взорвали станцию Мост.

— Ты же отказался от терроризма,— напомнил Яр.

— Мы взорвали бы прежде, чем я отказался... Кстати, при чем здесь терроризм?

— Это я так...— Яр помотал головой.— Черт возьми, до чего же тошно... И Тик провалился куда-то. Пошел провожать одноклассников, сказал, на пять минут, а сам...

— Я здесь, Яр,— сказал Игнатик. Он стоял в дверях.

— Уф...— Яр сел рядом с Глебом и откинулся к стене с картой Полуострова.— Что в городе, Тик?

— Пока ничего,— сказал Игнатик.

— Не нравится мне это «пока»...

— Мне тоже,— серьезно ответил Игнатик.— Потихоньку собираются добровольные отряды милиции и спасатели. А что в них проку, если ими командуют те, которые велят.

— Ты уверен?

— Да, Яр,— сказал Игнатик.

У него из-под руки сунулся в комнату Алька. Печально спросил:

— Глеб, ты можешь выстрелить из форточки в небо?

— Естественно. А смысл?

— Может, в облаках появится дырка и пробьется солнышко...

— Это идея,— сказал Глеб. Повернул барабан и с отчетливым щелканьем взвел курок.

— Не валяйте дурака,— озабоченно сказал Яр.

— Однако...— начал Глеб. Но тут, раздвинув Игнатика и Альку, шагнула в комнату Данка. Она сообщила с непривычной для нее насмешкой:

— По коридору движутся их высокоученая светлость Магистр.

И все вздохнули с облегчением. Пускай все что угодно, лишь бы не тоскливость и томительность.

Магистра встретили в большой комнате. Он был на сей раз в кожаном пальто и модной шляпчонке — тоже кожаной. Этаким уверенный в себе ученый деятель, который привык следить за своей внешностью. Борода была образец аккуратности.

— Здравствуйте, директор Яр, здравствуйте, молодые люди...— Магистр снял шляпу и небрежно положил на край стола. Сел без пригла-

шения. Если бы он был человек, можно было бы подумать, что он слегка выпил для храбрости. Магистр поправил полы расстегнутого пальто, закинул ногу за ногу и повернулся к Глебу: — Здравствуйте... Глеб Сергеевич. Если не ошибаюсь, мы с вами уже встречались.

Глеб уселся напротив.

— Не припоминаю,— сказал он, прищурился за очками веки.— Наверно, это было очень давно... Как же вы уцелели?

— Вы тогда промахнулись.

— Должен заметить, Магистр, что это не так,— вежливо поправил Глеб.— Я всегда стреляю точно. Видимо, у меня в тот момент кончились патроны. К сожалению...

— Как вы понимаете, я об этом не сожалею,— улыбнулся Магистр.

— У нас по многим вопросам разные мнения,— сказал Глеб.

Яр тоже сел к столу, с третьей стороны. Ребята неслышно разошлись по углам. Алька посапывал, у него была легкая простуда.

Магистр коротко пробарабанил по столовой клеенке блестящими пальцами.

— Очень хотелось бы,— произнес он,— хотя бы раз прийти с вами к одному мнению. Честное слово, это в наших общих интересах.

— Искорка недоступна,— сказал Яр.— Бормотунчики — упрямые существа.

— Но можно сделать другую,— глядя в упор на Глеба, проговорил Магистр.— Вы ведь не забыли рецепт, Стрелок?

— Не забыл... Нынешняя погода — ваших рук дело? — рассеянно сказал Глеб.

— наших,— сказал Магистр.

— Зачем? — спросил Яр.

Магистр погладил бороду и объяснил с нагловатой ленцой:

— Пока так просто. Чтобы оказать психологическое давление... Потом посмотрим.

Тем же тоном Глеб ответил ему:

— Не будет вам искорки.

— Жаль. Вы даже не представляете, как жаль... Да перестаньте вы, Стрелок, трогать под курткой ваш допотопный «форт-капитан». Мы давно изменили структуру, никакие пули нас не берут. Даже те самые... Давайте лучше поговорим.

Яр посмотрел на часы.

— Алька и Данка,— сказал Яр.— Пожалуйста...— Он незаметно надавил на это «пожалуйста»,...смените Читку в спортзале, он занимается с ребятами третий час.

Алька засопел сильнее, но безропотно пошел к двери. Данка за ним.

— Хотите чаю, Магистр? — добродушно спросил Яр.

Магистр озадаченно мигнул.

— Вообще-то... Вы понимаете, что это не в наших обычаях. Но если необходим такой ритуал... для заключения союза... я готов.

— Ради ритуала не надо, Магистр,— вздохнул Яр (в это время появился Чита и неслышно встал у двери).— Не будем переводить заварку и сахар, с продуктами у нас неважно. А союза все равно не получится.

— Но, Ярослав Игоревич! Подумайте...

— Мы думали, Магистр. Хотите совет? И совет, и наш последний ответ. Уходите. Найдите себе какую-нибудь заваливающую галактику, где нет разумной жизни, и устраивайте там свои фокусы сколько угодно... Боже мой, Магистр, неужели вы все настолько тупы? Неужели не понимаете, что здесь вы все равно обречены? Вы столкнулись пока с самым началом сопротивления, с самыми крошечными его зародышами. А что будет, когда за вас возьмутся люди многих планет? И не таких замороженных, как эта, а сильных, дружных...

— Ничего не будет,— холодно сказал Магистр.— Ни планет, ни людей. Стоит нам шевельнуть пальцем...

— Что-то вы не очень им шевелите,— усмехнулся Глеб.— «Не будет людей!» А за чей счет будете существовать вы? Магистр, вы же паразиты.

— Тем более,— непроницаемо отозвался Магистр.— Тем более мы не можем воспользоваться советом. Для нас бесполезны галактики, где нет жизни. Да и галактик таких нет.

— Но и здесь вам делать нечего,— сказал от двери Чита.

Магистр оглянулся.

— Ты не прав, мальчик. У нас есть цель...

— И у нас,— жестко произнес Чита.

— Чита...— сказал Яр.

— Подожди, Яр!— У Читы зазвенел голос.— Я хочу быть честным. Пусть Магистр знает, что они рискуют.

— Да, Магистр,— сказал Яр с ощущением собственного отчаянного риска.— Игры в цифру пять кончились. Сейчас другая математика. Мы можем вписать в ваш круг такой многоугольник, что круг разлетится в клочки...

Магистр довольно долго молчал. Кажется, все семьсот двадцать девять его мозгов обдумывали слова Яра. Потом он отозвался с усталой ноткой:

— Ничего вы не можете. Думаете, тот глупый случай на почтамте напугал нас? Даже вспоминать смешно... И не надейтесь закидать нас барабанными палочками.

— Какими палочками?— искренне удивился Яр.

— А! Вы не знаете... Ну, тем лучше.

— Узнаем и это,— пообещал Яр.— А то, что вы боитесь барабанщиков, давно известно. Недаром не могли с ними справиться во время восстания.

— Какого еще восстания?— пренебрежительно спросил Магистр.

— В Морском лицее.

Магистр воскликнул тонко и раздраженно, как скандальный старик в очереди за макаронами:

— Да ерунда какая! Вранье это! Не было никакого восстания! Была хулиганская выходка мальчишек, их пришлось... призвать к порядку.

— Это так у них называется. «Призвать к порядку»,— сказал Глеб.

— Именно так.— Магистр успокоился.— А потом кто-то сочинил легенду. Не было никаких барабанщиков.

— Были,— сказал от двери Чита.

— Не было. Я могу доказать. И показать, как это было.

— Как показать?— спросил Яр.

— Очень просто. Мнемофильм.

— Что?

— Запись памяти. Я видел такие трюки,— объяснил Глеб.

— Именно запись памяти. Точная и объективная.— Магистр оглядел комнату.— У вас найдется какой-нибудь металлический лист?

— Поднос годится?— спросила Данка.

— Вполне,— сказал Магистр.

Яр оглянулся на Данку. И она и Алька стояли рядом с Читой.

— А как же ребята?— нахмурился Яр.

— Они там сами занимаются,— быстро объяснил Алька.

— Они разнесут спортзал.

— Не разнесут,— успокоил Чита.— С ними Яшка Звонок. Он человек надежный, командир первой пятерки.

Магистр пренебрежительно усмехнулся.

Данка принесла поднос — черный, с намалеванным букетом.

— Ничего, что с рисунком?

— Абсолютно безразлично,— сказал Магистр.

Поднос прислонили на столе к стопке учебников. Тик, Алька, Данка и Чита встали за спиной у Яра. Глеб придвинулся к столу и положил распрепанную бородку на кулаки.

— Минутку. Я сосредоточусь,— вежливо сказал Магистр.

Черный лак и букет на подносе исчезли. Растаяли в открывшейся глубине. Возникло окно, сохранившее волнисто-овальную форму подноса...

...Это было похоже на передачу в хорошем стереовизоре. Только без звука. Стали видны край каменного дома и башня с зубцами. Между башней и домом был проход, из него выбегали и выходили, оглядываясь, мальчишки.

— Видите? — сказал Магистр. — Это те, кто не захотел участвовать в скандальном эпизоде. Их никто не задерживал.

— Это ушли самые маленькие, — сказал Игнатик. — И те, кому не хватило оружия.

Изображение качнулось, и стал виден мощный крепостной двор. Очень отчетливо. Даже почувствовалось, какие нагретые солнцем каменные плиты. На плитах, привалившись к фундаменту башни, сидел длинный человек в черном. Его стало видно крупно, во весь экран. Человек закрыл глаза и держался за плечо. На худом его подбородке была кровь.

— Это директор Морского лица. Вот что сделали с ним юные «повстанцы», которых поэт Глеб Дикий опозитизировал в своих песнях, — сказал Магистр.

— А что директор держит? — спросил Алька. В левой руке директор сжимал что-то вроде короткого спиннинга. Удилище лежало поперек

его длинных раскинутых ног. Оно было сломано. Магистр не ответил.

Директора не стало видно, и появилась двойная шеренга ребят. Они стояли, держа приставленные к ногам карабины. Карабины были с плоскими штыками, и на остриях горели искры солнца.

Шеренги колыхнулись и опять замерли. Мальчик с перевязанным синей тряпицей коленом шагнул вперед, вскинул правую руку и что-то крикнул. Будто прямо зрителям. Но, конечно, не им. Потом он опять вскинул руку и опять крикнул. Видимо, его не послушали. Мальчик пожал плечами, обернулся и что-то сказал ребятам. В первой шеренге каждый опустил на колени, оба ряда взяли карабины наизготовку. Прямо на зрителей был направлен теперь двойной ряд оцетинившихся штыков. Лиц мальчишек нельзя было разглядеть, но четко виднелись черные глазки ружейных стволов.

Потом эти глазки беззвучно вспыхнули бледными огоньками. Яр на секунду зажмурился. Ребята передернули затворы и снова подняли приклады к плечам. Сделали шаг назад и снова ударили неслышным залпом.

— В кого же они так? — стараясь быть очень спокойным, спросил Яр.

— В нас, — ответил Магистр.

Мальчишки выстрелили снова. Перед ними, шагах в трех, поднялся над плитами ряд пыльных столбиков. Будто бросили на камни тяжелые железные шарики. Чита за спиной у Яра тихонько скрипнул зубами.

— Не было меня там... — сказал Глеб.

— Не было, — согласился Магистр. — И хорошо. Зачем лишние жертвы...

— Да вы просто гуманист, — заметил Яр. — А нельзя ли посмотреть, что там делали ваши коллеги? До которых не долетали пули...

— К сожалению, нет. Я был в атакующем ряду и на своих не смотрел. Смотрел вперед.

— Судя по всему, атака была доблестная, — сказал Глеб.

— Может быть, мне выключить запись?

— Отчего же? — сказал Яр. — Досмотрим до конца. Вы нам пока еще ничего не доказали.

Он пытался найти в мальчишечьих шеренгах кого-нибудь из знакомых. Но издалека не разглядеть было, где там Денек и курчавый Космастик, и тот... в оранжевой майке.

«Я посижу тут немножко с вами, ладно?..»

«Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели...»

«Но никто не боялся. Никто. Даже те, кто не успели...»

Что — не успели?

Стена летучего пламени колыхнулась перед ребятами и на миг закрыла их от зрителей. Яр вздрогнул. Мальчишки скомкали шеренги, смешались, но продолжали стрелять. Они быстро отходили к каменному выступу, по которому тянулась железная лестница. Яр понял, что это угол башни. Опять полыхнул огонь...

Мальчишки стали по одному взбегать по ступенькам. За часто взлетающими крыльями огня их стало видно совсем плохо.

Потом Яр увидел зубчатый верх башни. Увидел как бы снизу, со двора. Ребята на башне уже не стреляли. Они отомкнули штыки и теперь били ими по стволам. Ударяли ритмично, враз — отбивали резкую мелодию какого-то марша. Среди них мелькнула желтая рубашка и желтые летучие волосы. «Денек!..» Но огонь поднялся клубящимся валом, взвился к башенным зубцам и словно смахнул нескольких мальчишек. Они взлетели, исчезли, и огонь на их месте скрутился на миг в спиральные языки.

«Как я могу на это смотреть?» — леденея внутри, подумал Яр. Но смотрел. И другие смотрели.

Магистр небрежно произнес:

— Видите, никаких барабанщиков. Просто лихорадочный звон и шум перепуганных ребятишек.

— Однако вы боялись подойти, — глухо сказал Глеб.

— Да... Они случайно выбрали ритм из пяти тактов. Это нас задержало на время. Но это совсем не барабанщики из песни. Не правда ли, Глеб Сергеевич?

— Неправда! — звонко сказал Алька. — А вот тот! Он же с барабаном!

У обугленного зубца стоял темноволосый мальчишка и вскидывал руки с тонкими палочками.

— А, этот... Он же всего один, — отозвался Магистр. — Всего-навсего. Да и барабан у него не настоящей. Смотрите...

Мальчишка придвинулся. Будто оказался здесь, в комнате. И было странно, что не слышно ударов. Он бил грубо оструганными палочками не то в кожу, не то в клеенку, туго натянутую на круглый походный котелок. На его грязной голубой рубашке мотался измочаленный аксельбант.

Глеб резко подался вперед.

Полыхнул желтый огонь. Мальчик медленно повернул большеглазое темное лицо с закушенной губой. Взглянул на всех отчаянно и упрямо.

Глеб сдавленно сказал:

— Юрка...

Особая цель

Гелька и Янка шли из школы. Лениво брели и молчали.

Сентябрь кончался, но дни стояли по-прежнему теплые. Было совсем безветренно. Пушистые семена белцвета висели в воздухе неподвижно. На пустырях цвели мелкие городские ромашки, и над ними летали поздние бабочки. Солнце еще грело сквозь рубашки плечи, но не сильно — словно осторожно трогало на прощанье теплой ладошкой. У Гельки в такие дни было спокойное тихое настроение. Даже тревога за Юрку почти угасала, и казалось, что скоро все объяснится и все будет хорошо...

Гелька сказал:

— Пойдем к реке, Янка...

— Зачем? — Янка оторвался от своих мыслей. Что это были за мысли, Гелька не знал. Но, видимо, не такие спокойные, как Гелькины.

— Просто так, — сказал Гелька.

— Вода уже холодная... — Янка смотрел как-то озабоченно.

— Да не купаться же. Посидим на обрыве. Вон какой хороший денек...

— Что? — Янка остановился. Не то испугался, не то сильно удивился. Или обиделся?

Гелька тоже испуганно остановился.

— С тобой что? Янка...

Янка сморщил лицо, тряхнул головой.

— Ты скажи... Ты что сейчас сказал?

Гелька ошеломленно пробормотал:

— А что такого... Сказал: хороший денек...

— Сейчас...— Янка опять поморщился. Уронил с плеча сумку, быстро сел на край каменного тротуара, обхватил колени, съежил плечи — на них сгорбились мягкие погончики.

Гелька торопливо сел рядом. Тихое настроение пропало, и опять пришла тревога — она стала такой привычной в дни августа и сентября. Гелька ничего не спросил. Он ждал, что скажет Янка.

Янка медленно посмотрел из-за поднятого плеча. Горько прошептал:

— Теперь ясно, почему она кружилась...

— Что?

— Голова... Помнишь, как я стал бояться высоты?

— Ну... не так уж ты боялся. Это хоть с кем бывает,— осторожно сказал Гелька.— Это случайно.

Янка уткнулся носом в колени. Сказал опять шепотом:

— Не случайно... Это всегда так бывает перед тем, как начинаешь летать. Очень боишься высоты, и этот страх надо пересилить... Теперь-то я все вспомнил.

— Янка...

— Гелька, я не Янка.

Гелька, не показывая испуга, сказал очень бережно:

— Пойдем домой потихонечку. Ты, наверно, немного заболел. Тогда вечером продрогли на свалке...

— Гелька, я правда не Янка...

— А кто?

— Меня звали знаешь как? Да-ни-ил. Данила, Данилка... Данька... Мама звала Денёк. Потом и все так звали...

— Ну, хорошо. Пойдем к маме...

— Да я не про эту маму. Той мамы нет...— тихо сказал Янка.

— Ну... смотри, Листик и Васька идут. Давай мы тебя домой проводим. А?

Янка быстро встал. Накинул на плечо белый ремень сумки. Отбросил назад волосы. И сделался какой-то непривычный: сразу подросший, строгий, незнакомый. Сказал негромко, но решительно:

— Лучше пойдем к тебе, Гелик. На крышу. Все вместе. Там никто не мешает, я про все расскажу.

...Они проговорили до вечера.

В сентябре сумерки приходят рано. Они зябкие, осенние. Но у нагретого кожуха энергосборника на крыше было тепло.

Над головами зажглись первые звезды. Янка грустно сказал:

— Я с самого начала чувствовал, что Юрка уйдет. И что я должен ему помочь. Это была особая цель. Думаете, я тогда случайно вагон с искоркой разогнал? Я понимал, что так надо. Только не знал, зачем... Все случилось раньше времени, потому что появился Глеб. Мы с ребятами не рассчитали... Ну, кто мог подумать, что в Старогорске неизвестно откуда появится какой-то Глеб? Из-за него все и сорвалось...

— Может, все-таки не сорвалось?— робко спросил Листик. Они с Васькой почти все время молчали, но теперь Листик подал голос.

— Как же не сорвалось?— с беспощадной досадой сказал Янка.— Я должен был увести Юрку к отцу вот сейчас, в сентябре, когда все вспомню... Отец просил хотя бы узнать про Юрку, весточку от него принести, а все ветерки решили: это не выход. Решили, что надо вытащить Юрку туда вот такого, пока он не вырос, рвануть его на сорок лет вперед. Через все эти чертовы пространства и временные поля, напролом... А я это дело провалил.

— Но ты же не виноват,— сказал Гелька.

— Какая разница, виноват я или нет? Юрка-то с отцом никогда не встретятся.

— А может, все-таки встретятся?— робко проговорил Листик.— Может, Юрик отца сам найдет?

Янка трахнул кулаком по энергоприемнику и сказал почти со слезами:

— Ну как вы не понимаете? Он его не нашел. Раз он был с нами во время восстания. Теперь-то я знаю, что Музыкант—это Юрка... А восстание было за сорок лет до того, как на Планете появился Яр...

— Да как это может быть?— беспомощно спросил Гелька.— Юрка ушел от нас полтора месяца назад. А экскадер-девятка еще не построен... Так не бывает.

Он говорил это уже не первый раз.

— Значит, бывает...— уныло ответил Янка.— Значит, они замкнули время в кольцо.

— Эти... которые клоуны?— прошептал Листик и придвинулся к Гельке.

— Ну да...

— А как это «в кольцо»? Мы еще не проходили...

— Этого никто не проходил и никто не понимает,— со вздохом сказал Янка-Денек.— Но они замкнули. Вот и пошла карусель.

— Янка...— Гелька морщился, будто решал

головоломку в журнале «Техника юных». — Но если ты вернешься... Когда ты вернешься туда, ты же можешь встретить Яра и объяснить, что Юрка стал ветерком. Что он теперь в Пустом Городе. Они же смогут увидеться. Ну... хоть ненадолго...

— Да не вернусь я туда, — устало проговорил Янка. — Время-то в кольце. Меня принесет к самому началу, и все опять... Опять перестрелка Берегов, пароход тонет, на котором мама и я. Меня воздушной волной в воду... Потом лицей, восстание... Потом мы ветерки, летаем, летаем столько лет. Наконец — поляна, Яр, я лечу сюда. Делаюсь совсем крошечный, живу в Приморске, потом здесь... И снова круг. И мне кажется, так было уже тысячу раз...

Прозвучало в тихом Янкином рассказе такое отчаяние, что Гелька передернул плечами и плотнее прижался к теплomu кожуху. Листик недоуменно спросил:

— А зачем делаться крошечным? Нельзя разве сразу?

— Сразу... нет, нельзя, — вздохнул Янка. — Если ветерок хочет ненадолго превратиться в человека, он это может, но надо с самого начала. Будто ты только родился... Это совсем даже не плохо, я так и хотел. Хорошо ведь, когда ты снова настоящий и у тебя есть дом и родные... — Янка виновато улыбнулся. — Это называется «идти в подкидыши». Другие ветерки тоже так делают. Некоторые...

— А почему не все? — шепотом спросил Гелька.

— Кое-кто не умеет. А многие боятся...

— Разве это опасно?

— Это не опасно... Ветеркам вообще ничего не опасно. Только в конце очень тяжело... Ну, когда приходит время улететь. Когда знаешь, что надо прощаться навсегда...

— А разве обязательно улететь? — спросил Листик.

— Такой закон природы у нас. Если ты подкидыш и если исполняется тебе столько лет, сколько было раньше... ну, когда ты навеки сделался ветерком, тогда ты все вспоминаешь, и тебя уносит обратно...

Гелька через силу проговорил:

— А тебе... когда?

— Мне в день восстания было ровно двенадцать. А сейчас будет через неделю...

— А дома... ты расскажешь?

— Я маме и папе ничего не буду говорить... Может, они и не станут так горевать, они же знают, что я не родной, а приемный...

«Все равно будут», — подумал Гелька.

— А дедушке я все рассказал. Он меня больше всех любил... любит.

— Когда же ты успел? — спросил Гелька.

— Сегодня. Когда ты обедал, а я сумку домой относил.

«Обедал...» — горько усмехнулся про себя Гелька, вспомнив, как кусок не лез в горло, а тетя Вика сердито кудахтала рядом. И спросил:

— А он что... дедушка-то?

Янка лег на кровельный пластик, положил лицо на согнутые руки. Глухо ответил:

— Он такое сказал... Обнял меня и говорит: «Я это давно чувствовал... Ничего. Скоро я умру, а ты летай, мой ветерок. Пока не порвется кольцо...»

— Разве оно порвется? — быстро спросил Гелька.

— Когда? — печально отозвался Янка. — Кто его порвет?

Раздался скрежет. Это по ребристому пластику съехал на твердом задку с гребня крыши Васька. До сих пор он сидел выше всех и не говорил ни слова. Теперь он включил зеленые глаза и сказал:

— А почему бы и нет?

— Что? — хмуро спросил Гелька.

— Почему бы его не порвать? Это кольцо.

— Васька, ты, конечно, умный, — печально сказал Гелька. — Но ты еще... ты мало в физике разбираешься. Это не простое кольцо, а время. Где оно, как ты за него схватишься?

— За него и не надо, — металлическим голосом ответил Васька. Таким голосом он говорил, когда капризничал или хвастался. — Должна быть модель.

Янка быстро поднялся.

— Что?

Васька встал и включил на верхушке энерго-сборника лампочку. Засунул резиновые ладони в тесные кармашки матросского костюмчика.

— Физику я знаю теперь в пятьсот раз лучше вас, — небрежно сообщил он. — Позавчера я прочитал семитомник доктора физических наук Лаптева, а вчера «Общую теорию пространства» профессора Окаямы... — Он прошелся вокруг кожуха. Штаны его от езды по крыше были сзади изодраны в клочья. Но это Ваську ничуть не смущало.

— Я долго вас тут слушал, — сообщил он. — Я специально выключил блок чувствительности, чтобы не переживать вместе с вами. Когда все расстраиваются и хнычут, хоть один кто-то должен оставаться с ясной головой.

— Перестань топтать, — попросил Гелька. — Говори толком.

— Говорю толком. Эти существа, название которых точно не определено — «клоуны», «манекены», «люди, которые велят», — они не могут работать без модели. Им нужна была искорка,

чтобы работать с галактикой. Это модель. Без нее у них пока ничего не получается. Они замкнули время, это у них получилось. Значит, где-то замкнули модель, кольцо. Разомкнется кольцо модели — разомкнется время.

— Где она, эта модель? В каком космосе ее найдешь?.. — сказал Янка.

— Думать надо, — ответил Васька с ноткой самодовольства.

— Ты думал? — быстро спросил Гелька.

— Думал. Поезд, который идет на станцию Мост.

Сначала все молчали. Потом Листик удивленно спросил:

— Какой мост?

— Подожди, Огонек, — сказал Гелька.

Они стояли на крыше тесной кучкой, Васька — посередине. Он был теплый, как походная печка.

— Этот поезд идет через три пространства, — медленно проговорил Янка. — А может быть, и больше... И всегда в одну сторону... Да, это кольцо.

— Разве он не идет обратно, когда приходит на станцию Мост? — спросил Гелька.

Янка помотал головой.

— Нет станции Мост. Никто ее не видел.

— Есть, — важно сказал Васька. — Только она растянута по всему кольцу. Вся рельсовая дорога — это станция Мост. Дело не в поезде, а в самом рельсовом пути. Он и есть кольцо.

— Значит, что? — Янка-Денек выпрямился побоевому. И Гельке показалось, что где-то заиграла музыка «Восстания». — Будем рвать рельсы?

— Где? — спросил Гелька.

Васька сказал:

— Станция растянута, но Мост все-таки есть.

— Ой... — прошептал Листик-Огонек. — Это, значит, тот, где свалка?

2

Первый раз они увидели Мост в августе. Был вечер с яркой круглой луной. Пришло уже время отправляться домой — до этого они долго лазили среди старых автомашин, сломанных холодильников, стереовизоров, ржавых труб и батарей отопления. Нашли много интересных непонятных штук и разных деталей для Васьки, который еще не был готов. Листик сильно расцарапал руку, и Гелька сказал, что надо пойти к старухам: промыть и перевязать. Они, конечно, будут ворчать, но ничего не поделаешь.

Старухи жили в жестяных кибитках на краю свалки. Жили тесно, в пыли и ржавчине, поэтому

их, наверно, и звали ржавыми ведьмами. А может, и потому, что они вправду были немного колдуньи.

Высокая седая ведьма с замотанным горлом — Эльвира Галактионовна — в самом деле заворчала на ребят. Но ворчала недолго. Смазала чем-то холодным и шипучим царапины Листика, и они тут же затянулись. Потом она сердито сунула Листику, Янке и Гельке по горсти слипшихся леденцов и прохрипела:

— Теперь, молодые люди, гуляйте-ка домой. У нас тут свои дела, неча на наши старушечьи забавы глядеть. Полнолуние нонче, бабки танцевать будут, так что оревуар...

— Спасибо, до свиданья, — по очереди сказали все трое. Но, когда вышли из ведьминога жилища, Гелька прошептал:

— Посмотрим?

Они еще никогда не видели, как танцуют ржавые ведьмы, только слышали об этом от робота Еремы, Васькиного отца.

Прячась за грудками лома, они пробрались к «танцевальной площадке». Это был пустырь на южном краю свалки. Он зарос татарником и белоцветом. Там и тут среди сорняков торчали бочки из-под смазки и бензина.

Ребята притаились. Ведьмы ковыляли к бочкам. Подолы широких цыганских юбок цеплялись за татарник и белоцвет. Под луной тускло искрились пластмассовые бусы. Ведьм было шестеро. Каждая, подойдя к бочке, замирала, странно вытягивалась, потом, будто ее подбрасывали снизу, подлетала и вскакивала на круглое железное дно. Бочка отвечала гулким ударом.

— Что это они? — прошептал маленький Листик. Он был на свалке первый раз и немного боялся.

Гелька тихо ответил:

— Не бойся... Ничего такого, они же ведьмы.

...Никто не знал, откуда ржавые ведьмы взялись и зачем живут на свете. Ходили слухи, что давным-давно на месте свалки был цыганский табор и старухи остались здесь с тех незапамятных времен. Была также сказка, что когда-то свалкой правил, как король, тощий ржавый старик — то ли колдун, то ли сумасшедший. Он говорил, что со временем весь мир превратится в свалку ржавого железа и ему, старику, придет пора править этим миром. А ведьмы станут ржавыми придворными дамами. Рассказы эти, скорее всего, были сплошные фантазии...

«А может быть, старик был из тех?» — подумал Гелька, прячась за мятой автомобильной дверцей. Ему тоже стало жутковато. Но тут же он вспомнил, что старухи никогда не делали зла мальчишкам (если не считать ворчанья)...

Старухи замерли на бочках. На фоне лунного

неба они казались статуями из заброшенного парка. Вдруг одна ударила каблуком. Ей ответила другая. За ними топнули сразу несколько. Еще, еще... Удары каблуков по гудящему железу перешли в рассыпчатый грохот, но тут же в грохоте пробился четкий ритм. Рубленая мелодия какого-то быстрого и дерзкого танца. Ведьмы запрокидывали разлохмаченные головы, угловато выбрасывали руки, ломались в талии, юбки металась вокруг них, а железный ритм гремел над пустырем...

— Во рубят,— прошептал Янка.— На три четверти...

Танец ржавых ведьм гулко стучал, рокотал и рассыпался под зеленым лунным небом. Постепенно он стал казаться не таким громким. Зато узор его ритма сделался сложнее, красивее. Сквозь гулкие удары пробивалась россыпь мелких тактов, они переплетались, обгоняя друг друга... Потом в танец проник посторонний, пришедший издали гул.

Это был нарастающий шум поезда. Старого поезда, которые до сих пор бегают на дачных линиях. Они мчатся по рельсам с деревянными

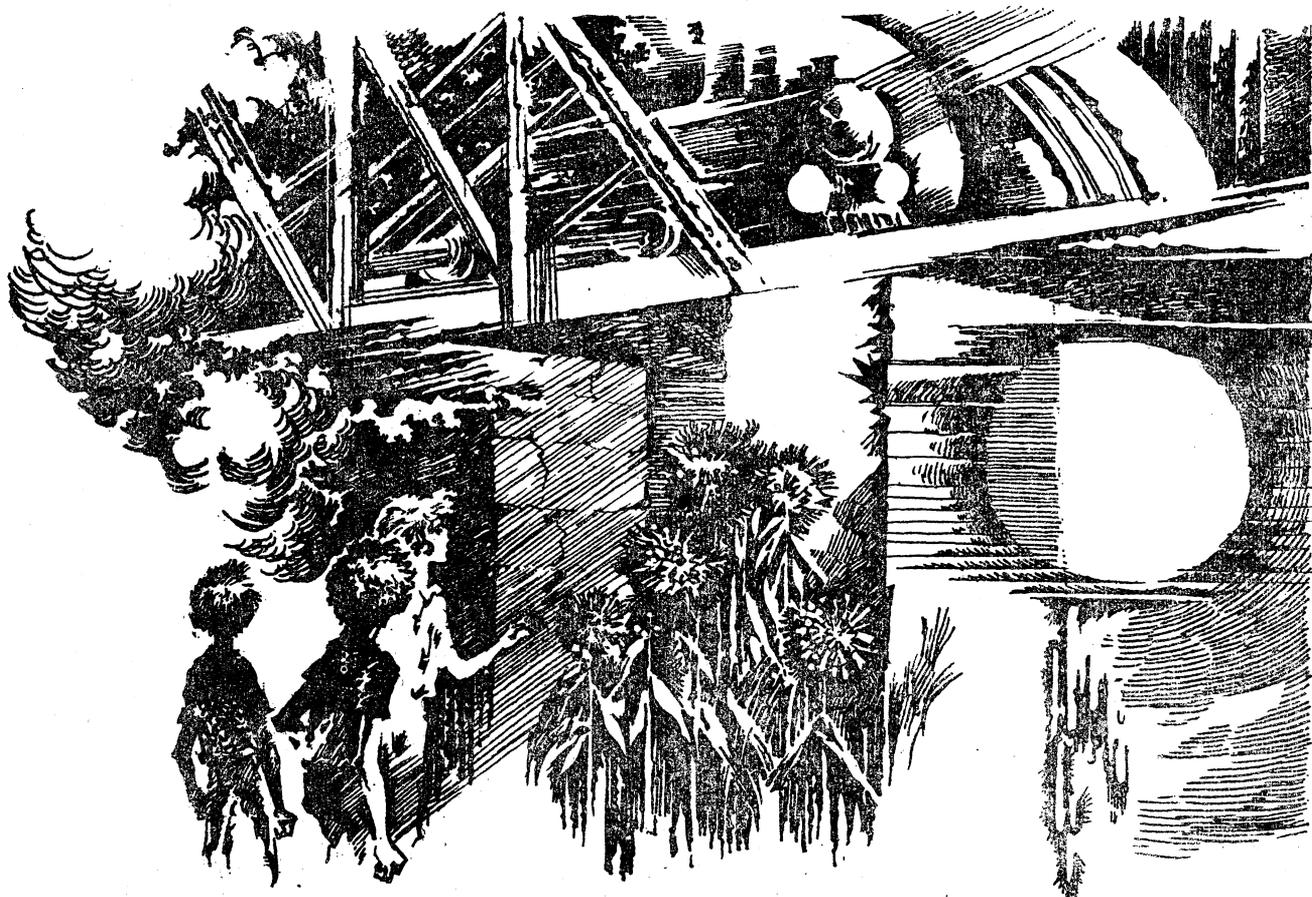
шпалами и гремят колесами на стыках. Откуда он мог взяться? Поблизости не было рельсовых путей.

Гелька, Янка и Листик запереглядывались. В это время за пустырем, в сотне метров от пляшущих ведьм возник в светлом от луны воздухе черный мост. Громадный, похожий на великанские ворота. Это был мост без начала и без конца. Его края терялись, таяли в воздухе — неясные и размытые. И вот на одном таком краю возникла голова поезда — допотопный локомотив с прожектором впереди и клочкастым шлейфом дыма над топкой. Паровоз выскочил на мост из ничего и потянул из этого ничего черные вагоны — с площадками сзади и спереди, с неяркой цепочкой оконных огоньков...

Это был не мираж. В земле отдался дробный гул колес, прилетел запах угольной гари.

А танец ржавых ведьм гудел и рокотал, будто ничего не случилось.

...Взрослые, когда сталкиваются с непонятным, порою пугаются и делают вид, что ничего не произошло. Ничего, мол, такого нет. Нет — вот и все. Гелька, Янка и Листик так не могли.

На следующий вечер они устроили засаду на южном краю пустыря, в зарослях бурьяна и «бабкиных бус». И опять плясали ржавые ведьмы, и опять возник мост. На этот раз совсем рядом с ребятами.

— Бежим! — скомандовал Гелька, хотя было страшно. И они помчались к мосту, и, как всегда, сухие ягоды «бабкиных бус» хлестко лупили их по ногам.

Опоры моста были сложены из бугристых глыб — чешуйки слюды в граните искрились от луны. Гелька потрогал камень. Гранит был влажный и холодный. В щели между глыбами были вбиты ржавые скобы — они лесенкой уходили вверх, к огороженному тонкими перилами полотну. Высота была большущая — метров тридцать. И на этой высоте с нарастающим и угасающим гулом снова прошел поезд.

— Еще одна загадка Старогорска, — сумрачно сказал Гелька. — Что-то они мне уже наделали.

А ведьмы плясали.

Прошло полминуты, и мост исчез — мгновенно, без колыхания воздуха, без единого звука.

Прямо тут, рядом, только что был и сгинул. И казалось невероятным, что он сию минуту поднимался над головами — громадный, прочный...

...На следующий день Гелька спросил Эльвиру Галактионовну. Небрежно так спросил, будто о пустяке:

— А что это за мост появляется по вечерам? Да еще с поездом...

— Подглядывали, небось, за нами? — неласково отозвалась Эльвира.

— Да нет. Просто, когда шли со свалки, посмотрели назад, а там мост...

— Подглядывали, подглядывали! — сказала другая ведьма — толстая и довольно добродушная Таисья. — Все им знать охота... Да и пущай. Мост как мост, мы и сами не пойдем, зачем... Как большая луна, да как мы пляшем, он и выскакивает не поймешь откуда. Ну и ладно, нам-то что...

— Может, какое-то явление резонанса? — прошептал Гельке Янка.

— Чего-чего? — подозрительно спросила Эльвира. — А ну, брысь отсюда...

Разорвать кольцо — это значит разрушить Мост. Это они понимали. И они верили, что, если кольцо порвется, Юрка найдет отца, Янка-Денек не будет больше сгорать в пожаре крепости, отыщется Глеб, встретятся друзья, рассяплются или сбегут куда-нибудь «клоуны» и «манекены». И, наверно, случится еще много хорошего. Что именно, пока неясно да и неважно. Главное — взорвать Мост.

Но чем?

— Чтобы такую махину грохнуть, атомная бомба нужна, — безнадежно сказал Гелька.

Васька снисходительно разъяснил:

— Не надо грохать махину. Главное, чтобы лопнули рельсы. И бомба нужна совсем небольшая.

Все хмыкнули — невесело и сердито. Листик сказал Ваське:

— Их что, в «Детском мире» продают?

— Это предоставьте мне, — солидно ответил Васька.

Назавтра, после школы, Васька притащил во двор к Гельке шар величиной с небольшой арбуз. Шар был покрыт косматой ржавчиной и весил, наверно, не меньше двух пудов. Васькины дюралевые ножки гнулись и подламывались, когда он, откинувшись назад, тащил эту тяжесть. У будки Дуплекса Васька уронил шар в траву. Земля ухнула, будка подскочила. Старый Дуплекс выбрался из будки, обнюхал незнакомую вещь и лизнул Ваську в брюхо с клеймом «Промнефтегаз». Он любил роботенка.

Гелька презрительно спросил:

— Это что за грузило?

— Им стреляли из пушки, — сообщил Васька. — В старые времена, когда еще нас не было и даже папы Еремы...

— И ты хочешь им рельсы рвануть! — понял Гелька. — Балда же ты, Васька, хоть и с искоркой. Это же не бомба, а ядро без начинки.

Васька не ответил. Всем своим видом презирая Гельку, он очистил с ядра ржавчину. Взял пластиковую миску Дуплекса, начисто вытер ее остатками изодранной матроски. Бухнул в миску ядро.

— Зачем? — спросил Гелька.

— Жернов, — сухо сообщил Васька. — Собери семена белоцветы.

— Зачем?

— Меньше спрашивай, больше делай, — приказал Васька. Но смилостивился и объяснил: — Из них будет взрывчатый состав.

— Сколько мегатонн? — печально поинтересовался Гелька. Было ясно, что в голове у Васьки замкнулись контакты.

— Не умничай, — сказал Васька. — Я стащил и прочитал старинную книгу у ржавых бабок. Там рецепты. В семенах белоцветы взрывчатая сила земли.

Гелька вдруг вспомнил: возьмешь созревшую коробочку белоцветы, согреешь в кулаке, и она — чпок — лопаются там. И мягкая упругая сила сама расталкивает пальцы. Разожмешь их — и на ладони целый ком белого пуха. Маленькое облако. Оно растет, шевелится, от него начинают отрываться летучие семена, окруженные, как лучами, невесомыми волосками.

Гелька обрадованно и пристыженно кинулся к забору, где белоцветы было полным-полно и семена еще не все облетели. Прибежали Янка и Листик. Узнали, в чем дело, начали помогать.

Васька ворочал в миске ядро, оно истирало семена в светлую пыль. Дуплекс, наклонив голову, наблюдал за работой. Иногда он чихал от мелкого пуха, который летал над самодельной мельницей.

Васька показал ржавый наперсток. Объяснил, что это мерка на один заряд. Предки ржавых ведьм рвали такими зарядами толстые цепи, когда убежали из пещеры железного дракона.

— То цепи, а то кольцо. Надо пять зарядов, — серьезно сказал Янка.

— С чего ты взял? — обиделся Васька.

— Знаю. Они боятся цифры пять.

— Тогда тащите еще семян.

К вечеру мука из белоцветы была готова. Ее замешали на сохе из «бабкиных бус». Васька сказал, что так полагается по рецепту. Давить сок из сухих ягод было делом каторжным. Но ядро помогло справиться и с этим.

«Все-таки это лучше, чем замешивать на крови», — подумал Гелька, вспомнив искорку.

Было уже поздно, тетя Вика занудно кричала из окна, что пора ужинать.

Пахнувшую травяным соком кашницу вмазали в шашки. Это были обыкновенные шашки для игры. Пустые. Перевернешь — и она как чашечка. Но само их название напоминало старинные рассказы про войну: там были толовые шашки для взрыва мостов.

Васька сказал, что смесь должна сохнуть трое суток.

— А полнолуние не кончится? — встревожился Гелька.

— Успеем, — сказал Янка. И вздохнул. У него оставалось пять дней.

3

Эти последние дни с Янкой показались Гельке длинными-длинными.

Ветерок Денек, если глядеть со стороны, был

прежним Янкой. Даже в школу ходил как обычно. На переменах гонял с одноклассниками мячик во дворе, рисовал в классе стенгазету, отвечал на уроках. И никто, кроме Гельки и Янкиного деда, не знал, какая у него, у Янки, в душе печаль. Даже Листик и Васька этого толком не понимали. Для Листика все это, наверно, было похоже на игру, а Васька предусмотрительно отключил блок чувствительности...

Погода все еще стояла теплая и тихая, и в этой тишине таилась особая замедленность, растянутость времени. Теперь каждая встреча с Янкой была для Гельки событием. Каждый шаг имел особый смысл. Каждый разговор делался большим куском жизни.

Впрочем, потом Гельке казалось, что разговор в эти дни был один, только тянулся долго.

...После уроков Гелька, смущаясь, даже мучаясь, попросил:

— Янка, сыграй «Восстание»...

«Ты ведь понимаешь, что потом его мне никто не сыграет», — добавил он мысленно. И Янка понял,

— Только не дома, — сказал он. — А то дедушка еще сильнее загорюет...

Янка прихватил скрипку, и они ушли за станцию, на пустырь с рельсовым тупиком, где еще недавно стоял вагон «Курятник» и где под бетонным блоком были зарыты обломки робота Еремы. От «Курятника» теперь не осталось и следа, вагон разобрали по приказу начальника станции.

Янка встал между рельсов и заиграл. И Гельке снова показалось, что вокруг Янки носит разноцветные листья быстрый ветер...

Янка опустил смычок и слабо улыбнулся:

— Я боялся, что разучусь... Нет, это навсегда, наверно.

Гелька отцепил от воротника бронзовую ящерку.

— Янка, вот... Будешь улетать, держи крепче. Пусть будет тебе на память. И как талисман.

Янка вскинул глаза.

— Талисман?

— Ну... это мне так просто в голову пришло. Папа эту ящерку на бетоне отпечатал, там, на скважине. Как будто заклинание сделал: пускай бетон прочный, а ящерка все равно пробьется... Может, и мы еще пробьемся друг к другу. Возьми.

— Хорошо. Только не сейчас, Гелька. Потом, когда уж совсем полечу.

— Янка... А как это — лететь туда? Долго?

Янка-Денек тихо сказал:

— Это не поймешь, долго ли. Просто серая пустота, без времени... Только страшно...

— Почему? Ты же говорил, что ветеркам ничего не опасно.

— Да я не про опасность. Боюсь, что опять окажусь в самом начале. Опять война, восстание, и опять я ничего не помню... Если бы вернуться прямо на поляну, к нашим! Полететь бы в Пустой Город, отыскать Юрку, привести к отцу. Пускай хоть на несколько минут.

Оба понимали, что это возможно, если только порвется кольцо.

Ну и что же? Оно порвется! Очень скоро! Нездаром же в тайнике под будкой Дуплекса набирает силу волшебный состав из непокорной травы белоцветы...

А пока они шли по рельсам, и Гелька держал ящерку на ладони, а Янка гладил ее мизинцем. Он сказал:

— В крепости, где был Морской лицей, водились ящерики-каменки. У одного мальчика даже была ручная...

— Разве их можно приручить?

— У него получилось. Он был добрый... Немножко на тебя похожий, только поменьше.

— Он тоже стал ветерком?

— Нет, он хотел, но не успел.

— А что с ним сделалось?

— Я не знаю, Гелька. В том огне трудно было все запомнить. Наверно, Юрка отослал его с другими ребятами из крепости.

— А почему он отослал ребят?

— Юрка сразу понимал, что мы долго не продержимся. Главное было — освободить тех четверых. А потом уходить. Поэтому он велел остаться только ветеркам.

— А тех четверых освободили?

— Да, они успели уйти. А мы уже не успели. Появились эти... Мы говорим: пропустите нас, и мы уйдем без боя. А они наступают... А ведь с нами были не только ветерки.

— А кто еще?

— Многие. Те, кому достались карабины, не хотели их отдавать и не ушли, когда было время. Ни один. Сказали: если надо, будем драться...

— А что с ними стало? — прошептал Гелька. Янка промолчал. Гелька спросил:

— Янка... Денек! А как стать ветерком? Ну, не навсегда, а так, чтоб летать?

Янка-Денек медленно шагал по сгнившим шпалам, цеплял сандалетами головки осенних ромашек, что росли между рельсов.

— Секрет, что ли? — тихо спросил Гелька.

— Не секрет... Надо, во-первых, перейти или переплыть Реку. Во-вторых, надо знать заклинание. Оно написано на черной плите, на Башне Ветров. Есть такая башня в Пустом Городе. А потом, когда будет решительный момент, надо преодолеть страх и прыгнуть с высоты...

Гелька вспомнил, как в прошлом году они с Юркой ныряли со вздыбленной кормы старого лихтера.

— У меня, наверно, получится... — прошептал он. — А реку я уже два раза переплывал.

— Гелька! — встревоженно сказал Янка. — Это ведь не та река. И ты не знаешь заклинания.

— Разве ты мне его не скажешь?

— Я... конечно, я скажу...

И он сказал вполголоса пять слов — таких простых и легких, что Гелька даже засмеялся:

— И это все?

— Да. Но, Гелька... По-моему, каждый должен прочитать их сам. Там, на башне... И там же переплыть Реку...

— Разве она шире нашей?

— Да нет, не шире...

— Тогда какая разница?

— Не знаю... Гелька, ты все-таки не рискуй.

— Ладно... — рассеянно отозвался Гелька.

А для себя кое-что прочно решил. Пускай только закончится эта история с Мостом.

Они все рассчитали до секунды.

Мост появлялся каждый вечер, когда светила полная луна и рокотал над пустырем железный танец. В двадцать один час двадцать три минуты Мост вырастал из воздуха — громадный и черный, — а еще через две минуты по нему проскакивал поезд. Потом пробегали еще пятьдесят две секунды — и Мост пропадал. Терялся где-то в других пространствах и временах. Наверно, в тех, где по замкнутому кольцу мчалась жизнь Юрки, Глеба, скадермена Ярослава Родина, ветерков. Жизнь целой Планеты. И может быть, еще многих планет...

За две минуты забраться по скобам на тридцатиметровый мост — это можно. Две секунды — на метр. Главное, не бояться. Потом, когда промчится поезд, надо приложить к рельсу волшебные шашки, завернутые в неволшебную фольгу. К одной из шашек будет подключен длинный провод электровзрывателя (взрыватель должен смастерить Васька). Затем быстро-быстро спуститься, залечь в рытвине и включить батарейку.

Поезд будет уже далеко, те, кто едут в нем, не пострадают.

— Но спуститься надо очень быстро, — сказал Гелька. — А то Мост пропадет — и привет...

— Не пропадет, я успею, — насупленно сказал Янка.

— А почему ты? — осторожно спросил Гелька.

— А кто?

— Я думал, что на Мост полезу я...

— Нет уж, можно, лучше я? — сказал Янка

ласково и очень настойчиво. — Ну, пожалуйста. Ладно?

— Янка... Ты же говорил, что голова кружится...

— Теперь я не боюсь, это прошло. Ну и еще... Раз не вышло с Юркой, я должен взорвать Мост. Понимаешь, Гелька, это моя особая цель.

Гелька вздохнул с тайной радостью. Было ему стыдно за эту радость, и все же он почувствовал облегчение. Карабкаться на Мост он отчаянно боялся. Это ведь не на крышу...

Они вдвоем разговаривали на краю свалки, за сутки до взрыва. Уже появился и пропал Мост, и танец ведьм затихая над пустырем. Луна была ужасно яркая.

— Ты не бойся, я обязательно успею, — повторил Янка. — Я ведь могу даже и не спускаться.

— Как это? — испугался Гелька.

— А зачем? Все равно улетать. Так даже будет лучше. Без долгих прощаний.

Янка медленно посмотрел на Гельку глазами, в которых горели две маленьких луны. И Гелька опять почувствовал, что все эти дни для Янки — затянувшееся прощание.

— Нет, ты все-таки спустись, — попросил Гелька. — Пожалуйста. — И подумал, что если порвется кольцо, Янке, может быть, и не придется улетать.

— Ну, хорошо... — покорно сказал Янка.

Они двинулись к дому. Был еле заметный теплый ветерок, и семена белоцвета тихо плыли в лунном воздухе. Они казались живыми и осторожно трогали щеки.

— Завтра в школу не пойду, — сказал Янка и улыбнулся. — Все равно отругать уже не успеют.

— Я тоже, — отозвался Гелька.

— Тебе-то влетит.

— Подумаешь... Зато с тобой...

— Нет, ты иди, — тихонько попросил Янка. — Понимаешь, мне хочется с дедом побыть.

— Янка... ты извини. Я дурак такой.

— Ну что ты!.. Гелька, ты потом к деду заходи иногда, ладно?

— Ладно, Янка... А родители знают?

— Нет. Дед потом скажет.

— Сегодня директорша опять про Юрку спрашивала. Тетка его вернулась из Нейска, говорит: его там нет...

— Ох, Гелька, теперь тебя возьмут в оборот!

— А я сам все расскажу. Рванем кольцо, тогда расскажу. А что такого? Мы же ни в чем не виноваты... Янка!

— Что?

— Ты завтра утром напиши что-нибудь, ладно?

— Обязательно.

Ни один ученый не смог бы изобрести такую моментальную почту!

Гелька что-нибудь писал на обороте Глебовых листов — и это письмо тут же появлялось у Янки. Писал Янка — и сию секунду читал это Гелька. У них стало обычным делом так переписываться. Правда, потом спохватились: бумагу надо беречь. Стали писать мельче, экономнее, уже не баловались рисунками. Каждый вечер они вешали на гвоздик у кровати листы с одинаковым номером, чистой изнанкой наружу. Утром смотришь: вдруг начинают бежать по бумаге торопливые строчки:

«Гелька, привет! О Юрке ничего не слыхать? Я его сейчас видел во сне. И Глеба... Гелька, прихвати в школу элементы для вычислителя, у меня сели. И ручку для Васьки, а то он растерял свои и Алешкины, и мои...»

Такие письма были в прежние дни. А что напишет Янка сейчас?

С этой мыслью Гелька открыл глаза. Было еще рано. Утро за окном начиналось бледное, серенькое. Гелька поежился. В открытое окошко тянуло холодом. Настоящая осень пришла?

Лист четко белел на узорчатых обоях. Он был чистый. Гелька натянул до носа одеяло и невесело ждал, когда на листе появятся слова. Появятся же, Янка обещал...

И вот потянулась цепочка букв. Гелька сел. Темно-красные строчки бежали коряво, торопливо:

«Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви...»

Гелька всхлипнул и рванулся к столу за фломастером.

Ветерки

1

...— Юрка,—сдавленно сказал Глеб.

Яр каждым нервом ощутил это слово, и прошла по каждому нерву резкая электрическая боль. Он остался неподвижным. Но мысленно он рванулся вперед — чтобы увидеть вплотную, разглядеть до последней черточки живое лицо сына. Юрка встретился с ним влажными, полными беды и упрямства глазами, медленно отвернул лицо, вскинул палочки выше прежнего и пропал за желтым языком огня.

Яр почувствовал, как Глеб сказал — одними губами, но уже твердо:

— Тихо, Яр. Все — потом.

Да. Все потом. Когда не будет Магистра. Что бы Магистр ничего не понял, ничего не узнал. Врагу нельзя давать лишнюю ниточку. Сиди и молчи...

Изображение опять качнулось, мелькнули фигуры в коричневых шлемах, похожих на каски строителей. Стал виден фундамент башни, береговые камни, прибор над ними. С башни быстрыми тенями срывались тонкие мальчишечьи тела, не долетали до земли и пропадали, косо рванувшись в сторону. Теперь все это виделось нечетко, раздерганно. Картинка металась: то камни на ней, то волны, то мелькающий полет мальчишечьих силуэтов. То очень синее небо с белым облаком — таким спокойным и ласковым.

Яр отчаянно хотел увидеть Юрку еще раз. Сначала просто увидеть. А потом уже что-нибудь понять. Он даже не пытался разобраться в сумятице мыслей; они рвались на клочки: «Где?.. Как это случилось?.. Что с ним?.. Он — ветерок?.. Почему Глеб говорил: он вернулся?.. Какое странное лицо! Нет, не странное, знакомое... А это, правда, Юрка?.. Я же знаю, что Юрка!»

Фильм кончился, и было странно, даже дико видеть вместо живых мелькающих картин лаковый черный поднос и намалеванные на нем цветы.

— А дальше? — бесцветным голосом спросил Яр.

— Это все, — сказал магистр.

Яр ощутил маленькую и твердую ладонь Игнатика. Пальцы Игнатика слегка надавили ему на плечо сквозь толстое сукно пиджака: «Держись, Яр. Мы здесь, Яр». Яр чуть заметно шевельнул мускулами плеча: «Да, Тик. Я держусь».

Чита неожиданно резким голосом спросил:

— И зачем же вы нам это показали, Магистр?

— Вы сами хотели, — отозвался Магистр и вежливо повернул к Чите аккуратную профессорскую голову. — Это была иллюстрация.

— Иллюстрация чего? — спросил Чита.

— Какие же вы сволочи, — тихонько сказала Магистру Данка.

Магистр приподнял седые брови.

Глеб откинулся на стуле и сухо задал вопрос:

— Вы что же, хотели нас напугать?

— Пожалуй, нет, — с доброжелательной задумчивостью отозвался Магистр. — Я просто пытался быть предельно откровенным. Откровенность — залог будущего союза.

— Вы все еще надеетесь на союз? — очень серьезно спросил Глеб.

— Да, Глеб Сергеевич.

— После того, что показали?

— А что я показал? То, что было. В конце

концов, мальчики сами виноваты, и это была необходимая акция. Взрослых можно убедить, можно напугать, а дети... это же категория, не поддающаяся логическим схемам.

— В а ш и м схемам,— глухо сказал Яр и опять ощутил пальцы Тика.— И поэтому вы решили их сжечь. Неподдающихся.

— Ну что вы в самом деле, Ярослав Игоревич! Никто же из них не погиб! Улетели. Превратились в этих... в ветерков. То же форма существования разумной жизни.

— Не все превратились,— сказал Игнатик.— Не врите.

«Не все! — ахнул про себя Яр.— А Юрка?»

— Я не вру, мальчик,— терпеливо сказал Магистр.— Вы видели сами.

— Повторите фильм! — жестко потребовал Игнатик. Яр никогда не слышал у него такого голоса.— Повторите! Самый конец.

— Это невозможно.

— Повторите, Магистр,— сказал Глеб.

— Но это невозможно, уверяю вас. Я очень устал.

— Он врет,— сказал Игнатик.— Ладно, я запомнил. Я повторю.

— Не смейте! — тонко сказал Магистр и попытался встать. Яр быстро оглянулся на Игнатика. Тот резко побледнел, как бледнеет человек от борьбы с очень сильной болью. На верхней губе у него выпали крошечные капельки. Металлический поднос тонко задребезжал. Яр метнулся к нему взглядом.

Он снова увидел основание башни, каменистый берег, взлетающую пену прибоя. Только сейчас пенные языки взлетали очень медленно. Так бывает, когда пленку с записью прокручивают с тихой скоростью. И мальчишки падали с башни медленно. Видно было, как у самых камней силуэты их тают, а воздух в этом месте скручивается в прозрачную спираль.

Но не со всеми так случилось. Несколько ребят долетели до земли...

— Что вы делаете... — не то простонал, не то прокричал Магистр.— Я не могу...

...При замедленном движении фильма было видно, как сила удара вдавливают ребячьи тела в мелкую гальку среди камней, потом подбрасывает их на полметра, и мальчишки вытягиваются — уже неподвижные. Кто навзничь, кто ничком.

Яр заледенел, готовясь увидеть среди упавших Юрку. А движение фильма все замедлялось, и наконец кадр застыл совсем. Потом берег и камни стремительно придвинулись.

Между глыб желтого ракушечника лежал мальчик. Он лежал, прильнув щекой к гальке и разметав избитые в кровь ноги. Он сжимал круглые камешки в пальцах выброшенных вперед рук.

На нем была порванная зеленая рубашка с квадратным белым воротником, похожим на матросский. Ветер кинул воротник на голову мальчику, и можно было разглядеть лишь рыжеватую ребячью макушку с торчащим пучком волос. Из-под руки мальчика выбралась ящерка — маленькая и проворная. По складкам рукава она взбежала к нему на плечо. И замерла там. Только глазки блестели — живые и умные, как у крошечного человечка.

Глеб с коротким стоном подался вперед.

...— Это те, кто не успели стать ветерками,— шепотом сказал Игнатик. И шепот странно, очень громко прозвучал в мертвой, какой-то черной тишине. Изображение погасло, и поднос с коротким звоном упал. Игнатик, часто дыша, лег головой Яру на плечо.

Магистр негромко хрипел. Он полулежал на стуле, и руки его обвисли почти до пола. Лицо его затвердело, левая бровь наполовину отклеилась и висела над веком грязно-белым клочком.

Магистр заговорил, и голос его теперь напоминал шум от просыпавшихся гвоздей.

— Это нечестно... — сказал Магистр.

— Что? — тихо спросил Глеб. Тихо и страшно.

Магистр, ломаясь в суставах, поднялся. Шлепком ладони приклеил бровь. Приоткрыл твердые губы, стеклянно взглянул на Игнатика. Сказал с той же металлической рассыпчатостью:

— Я теперь вижу, что была ошибка. Мы зря пощадили этого мальчишку.

Игнатик поднял голову над плечом Яра.

— Вы — пощадили? — негромко проговорил он.— Иди-ка ты отсюда... глина.

Чита коротко и деревянно засмеялся.

— Я пойду. Разумеется,— сказал Магистр.— Но... Ярослав Игоревич... Я все же надеюсь еще на одну встречу. Деловую.— Он; не дождавшись ответа, медленно и деревянно вышел за дверь.

Чита, гибкий и бесшумный, двинулся за ним.

«Стой»,— в первый миг хотел сказать Яр. И тут же подумал: «Нет, ты сам — стой. Решись на удар хоть раз!»

«А потом? — быстро спросил он себя.— Какой будет ответ?»

«Страхом не выиграешь бой».

«А ребята? Если что-то случится с ними?»

«Уже случилось. И не раз».

«А если будет еще хуже?»

«Что — хуже? Боя все равно не миновать. Из-за твоей нерешительности и так хватило бед... Решись хотя бы сейчас. Это совсем легко, ничего не надо делать. Только сидеть и молчать».

Он сидел и молчал. Чита исчез за дверью.

Алька вдруг звонко сказал:

— А на улице солнышко.

Все посмотрели в окно. Серые облака поре-

дели. В разрывах между ними еще была пасмурная дымка, но сквозь нее светило мохнатое солнце, похожее на громадный цветок мать-и-мачехи.

Тик сказал:

— Яр. Там на берегу Юрика не было... Ну, среди тех, кто упал.

Яр кивнул и закусил губу. Ему было стыдно за свою радость. Юрка сумел улететь, но боль тех, кто разбился, отчаяние их отцов и матерей от этого не стали меньше... Но Юрка улетел. Значит, он ветерок? На какой-то поляне, на площади Города, на морском берегу можно встретить его, прижать к себе хотя бы на минуту... А потом?

А потом он опять улетит — живой и неживой, настоящим и призрачный. И неизвестно, есть у тебя сын или есть только одна печаль по нему. Ты будешь стариться, и наконец тебя не станет, а он будет летать над Планетой вечно — всегда маленький, всегда одинокий. И не сможет доделать то, что начал делать отец. Он останется навсегда двенадцатилетним Юркой. Беззащитным. Ему не страшны ни время, ни боль, ни холод, ни огонь. Но кто защитит его от тоски?

А кто защитит их всех, ветерков?

Яр думал об этом, и были в нем страх, берущая за горло тревога и боль, но в это же время его нервы были настроены на звуки в коридоре.

Там, в отдалении, стучали ребячьи подошвы, слышался смех, несколько раз хлопнула дверь. И наконец поверх этих звуков обозначились легкие знакомые шаги. И Яр как бы увидел Читу — спокойного, гибкого, даже красивого в своем черном спортивном костюме — шагающего между облупленных коридорных стен.

Чита вошел.

Чита вошел очень спокойный, глянул через очки поверх голов. Только на щеках у него был резкий треугольный румянец. Чита отрывисто сказал:

— С Магистром произошла неприятность. Он шел мимо спортзала. Там играли ребята. Они попали мячиком в Магистра.

— И что? — так же отрывисто спросил Глеб.

Чита заложил руки за спину и прислонился к косяку.

— Ничего... Сначала они испугались. Но я им сказал, что это был фокус. Шутка. Что старшеклассники сделали движущийся манекен, а он оказался непрочным... Ну вот... Осколков много, ребята их таскают в мусорный ящик. Странно, что даже пальто превратилось в гипсовую корку...

Чита вдруг прижался к косяку лбом, будто

хотел заплакать. Но сказал жестко и пренебрежительно:

— Семьсот двадцать девять единиц интеллекта, а все равно. Хватило одного мячика.

Данка подошла к нему и стала гладить по узкой спине с торчащими под черным трикотажем лопатками.

Алька сказал от окна:

— Это Тик измотал Магистра. Тот еле живой сделался. Мячик его добил.

«А если сейчас их явится сотня или тысяча? — подумал Яр. — Не полуживых, а сильных и беспощадных! Как те, в береговой крепости!» Он подумал это без страха, но с напряжением. Пришло обычное состояние скадермена перед лицом опасных и неведомых сил.

— Чита... — быстро начал Яр. Но его перебил Алька:

— Ух ты! — Он смотрел в окно, прижимаясь ладонями к стеклу.

— Что? — обернулся Яр.

— Они мчатся сюда целой толпой!

Чита по-кошачьи скользнул за дверь. Глеб выдернул револьвер — видимо, машинально.

— Кто? — спросил Яр.

Алька весело сказал:

— Ветерки!

2

Нарастающий гул — голоса, топот башмаков, шлепанье босых ног — подкатился к двери, и она распахнулась. Первым влетел в комнату Денек. Его влихнул в нее как поршнем напор двадцати или тридцати мальчишек.

Яр сразу увидел, что это Денек, хотя он выглядел не так, как на снежной поляне. На нем была новая рубашка с погончиками, с нашивкой на коротеньком рукаве и с торчащими из нагрудных карманов карандашиками. Сбоку — сумка на широком белом ремне, под мышкой — скрипичный футляр. Денек был похож на школьника, который теплым утром сбежал с урока музыки и неожиданно попал под холодный удар непогоды. В желтых волосах его блестели капли. Глаза были озорные и виноватые. Он зябко передернул плечами, согнулся и стал растирать исцирканные косыми царапинами ноги.

— Янка! — сказал Глеб.

Денек, не разгибаясь, поднял глаза. Улыбнулся:

— Здравствуй. А ты... а вы постарели, Глеб. Немножко...

— Янка... Черт возьми. Я еще зимой, на поляне, подумал: как Денек похож на Янку! Как это вышло, Янка?

Разговор этот — суетливый и быстрый — шел

среди тесноты, беспорядочного шума и других торопливых разговоров. Данка сорвала через голову свитер и натягивала на дрожащего Стручка. У того испуганно и радостно блестели глаза.

Командир, опустив голову, объяснял Яру:

— Мы сами не понимаем. Три дня назад вернулся Денек. Мы обрадовались, стали созывать всех на весенний сбор. Сегодня мы слетелись на поляне, Денек начал рассказывать. И вдруг чувствуем, что холодно. Ну, просто трясет. Как... как раньше. Ну, когда мы были еще настоящие и боялись холода... Сразу все задрожали. Ведь в лесу-то еще снег. И Денек говорит: «Помчались! В ту школу, к ребятам!» И мы через лес, бегом! Маленьких на руки... Лететь не смогли...

Яр скрутил желание спросить: с чем вернулся Денек? Были другие, более срочные вопросы. Стремительные дела. Скадермен Ярослав Родин сказал:

— Данка, завхоз в школе? Черт с ним, взломайте дверь склада. Из двух классов долой парты, поставьте раскладушки от летнего лагеря. По два одеяла. Одеяла — сюда, закутать ребят. Алька, раздуй титан! Чита, из кладовки в спортзале тащите все лыжные костюмы!

— Уже, — сказал Чита.

— Чита, охрану к дверям и окнам.

— Да, — сказал Чита.

В это время Глеб спрашивал:

— А Гелька? Янка, что с Гелькой?!

— Я не знаю... — Денек скинул с плеча ремень сумки. — Я только... вот...

— Подожди! Он был во время восстания?

— Он? Откуда? Он же там, в Старогорске. Он же...

Глеб шумно и коротко вздохнул:

— Ладно. А мне показалось...

Яр спросил Командира:

— Почему же это случилось?

— Мы не знаем. Совсем не знаем. Сразу перестали быть ветерками. Теперь мы опять...

— Но мы еще сможем летать, хоть немножко... — подал голос один из мальчишек.

— Но чтобы стать вот такими, настоящими, вы должны были это захотеть. Не так ли? — настойчиво сказал Яр.

Командир опустил голову.

— А мы всегда хотели. Если по правде...

— Это случилось только с вами? На вашей поляне? Или со всеми ветерками? — допытывался Яр.

Командир виновато сказал:

— Не знаю. Не могу понять...

— Яр! — громко окликнул Глеб. — Это, наверно, со всеми. Потому что Гелька порвал кольцо.

— Что?

— Смотри!

Глеб и Денек держали какие-то истрепанные листы. Яр шагнул поближе. Он увидел на бумаге торопливые красные строчки:

«Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви...»

И ниже — крупные зеленые буквы:

«Янка, не бойся! Мы его разорвем!»

— Эти слова появились уже здесь, — объяснил Денек. — Потом я писал Гельке, но ответа нет... Порвалось кольцо.

— Ничего не понял, — сказал Яр.

— Это неважно. — Глеб торопливо свернул листы. — Важно, что сейчас в лесах и на берегах оказались тысячи раздетых и голодных мальчишек.

— Они все пойдут в Пустой Город, — сказал Игнатик. — Там хватит места.

— Но там ни отопления, ни хлеба, — нервно сказал Глеб. — Ах ты, Гелька, Гелька...

— Гелька — молодец, — возразил Денек.

— Он молодец, но нам-то что делать?

Ярослав сказал:

— Глеб, вы возьмете школьную машину. Посмотрите, чтобы машина была заправлена. Возьмете с собой... Командира. Да, его. Мчитесь в Город. Нет, сначала в рыбацкий поселок, в сорока километрах от Города. Поднимите береговую охрану. Это здесь единственная организация, которая на что-то способна. Пусть дадут сообщение о ребятах по всем станциям. Еду, одежду, дрова — на рыбацки сейнеры и катера. Начальника охраны зовут Шериф. Там есть диспетчер Феликс, он тоже будет ваш помощник. Скажите, что вы от меня, передайте ему вот это. — Яр достал из внутреннего кармана потертый семизарядный «Викинг».

Была страшная теснота и толкотня, мальчишки натягивали лыжные костюмы. Глеб нашел глазами Командира.

— Поедете со мной.

— Да, капитан, — сказал командир ветерков.

Яр окликнул Читу:

— Третьеклассников — в цепь вокруг школы. Пусть окликают любого взрослого, кто идет сюда. Пусть говорят, что карантин. Если все равно идет, пусть лупят мячами. На всякий случай. Потом скажем: была военная игра.

— Яр, это, пожалуй, ни к чему, — тихонько сказал Игнатик. — Ребята порвали кольцо. Теперь те долго не сунутся.

— На всякий случай, — повторил Яр. И встретился глазами с мальчишкой, у которого из-под лыжной куртки выглядывала оранжевая майка. На несколько секунд Яр перестал быть скадер-

меном и командиром, напряжение отпустило его. Стало тепло и тихо.

— Это ты... — улыбнулся Яр. — Иди сюда. Скажи наконец: как тебя зовут?

Мальчик улыбнулся — и нерешительно, и обрадованно:

— Яська...

— Что? — изумленно спросил Яр.

— Яська. Ярослав...

— Ну... и прекрасно, — засмеялся Яр. В конце концов, что здесь было удивительного?

Протолкалась Данка с закутанным в свитер Стручком.

— Яр, Вовчика я заберу к себе. И еще троих.

— Яська пойдет ко мне, — ревниво сказал Алька. — И еще вот он. — Алька кивнул на косматого больше ротого пацаненка с глазами-смо-родинами. — Это Люк...

— Хорошо.

Яр вдруг заметил, что в комнате стало просторнее и спокойнее. Кое-кто сидел по углам, других уже не было здесь — видимо, таскали кровати. Денек, Игнатик и Яська о чем-то быстро шептались у окна. Озабоченно и даже сердито.

«Боже мой, сколько теперь новой работы!» — подумал Яр.

— Глеб, машина готова?

— Да, Яр.

— Глеб... — Яр наконец разрешил себе сказать то, свсе. Очень важное. — Глеб, если увидишь Юрку...

— Конечно, увижу. Куда он теперь денется, — быстро сказал Глеб.

«Куда? — подумал Яр. — Все что угодно может быть с живым мальчишкой. Если в лесу, раздетый, без хлеба. Может заплутать, сорваться со скалы, ухнуть в болото, замерзнуть... Да и в Городе тоже...»

«Это может случиться не только с Юркой», — перебил он себя. Но спокойнее, разумеется, не стало.

— Давай, Глеб. Не теряйте минут!

Глеб и Командир шагнули к двери. Но там, у порога, возникла суета. Денек, Яська и Тик вталкивали в комнату кого-то четвертого. Игнатик весело и сердито говорил:

— Ну чего ты боишься? Вот балда! Иди!..

Они расступились наконец, и перед Ярмом оказался темноволосый сумрачный мальчишка с низко опущенной головой. Несмотря на мешковатый лыжный костюм, он был похож на виноватого страусенка из мультфильма, который Яр видел в детстве.

Яр услышал оглушительно звенящую тишину. Мальчишка засопел, неловко провел рукой под носом, чуть поднял лицо, сказал сипловато:

— Это, что ли, ты... папа...

Станция Мост

Гелька удивлялся, что не чувствует большой печали после Янкиного исчезновения. В первый миг, правда, слезы появились, а потом... Потом Гелька даже поймал себя на мысли, что так лучше: раз уж Денек должен был улететь, хорошо, что улетел неожиданно, без тоскливого прощания... Жаль только, что не успел взять ящерку.

Правда, придется теперь Гельке самому карбаться на Мост... Но тут Гелька сжимал зубы и прогонял мысли о страхе. Надо так надо. Это особая цель. И он сделает все, как полагается. Что он, хуже Янки, хуже Юрки? Хуже тех, кто сражался в приморской крепости?

Ну, пусть хуже. Слабее, боязливее. Но он все равно порвет кольцо. И тогда будет такой же, как они...

В школу Гелька не пошел. Попадет за это лишь завтра. А кто знает, что будет завтра? Может быть, взрыв кольца разнесет в клочки вообще все на свете страхи, все несчастья... Может быть, станет веселее мама, добрее тетя Вика, снова сделается здоровой бабушка. Может быть, папе и его друзьям разрешат продолжить изучение сверхглубокой скважины в Ярксоне, и они откроют все тайны параллельных пространств... И может быть, все еще встретятся: Юрка, Глеб, Янка, Гелька...

И вдруг тоска по Янке сдавила Гельку неожиданно и крепко.

Не только сам Янка ушел. С ним ушли загадки и тайны недавнего лета и словно порвалась ниточка, которая соединяла Гельку с другими планетами и мирами. С теми, где жили ветерки, шла опасная война, восставали крепости... Ниточка, что связывала его с Юркой и Глебом...

Гелька ушел на речные обрывы и долго сидел там, глядя на теплоходы. День разгулялся, опять пришло летнее тепло. Гелька пошел бродить по улицам. В канавах на окраине Старогорска он нарвал поздних пыльных одуванчиков — они робко желтели среди подсыхающей травы. Отнес их к бетонному блоку с надписью про Ерему. Без особой печали, просто так. Потом подумал, что вот принес он одуванчики Ереме, а на дедушкиной могиле не был с прошлой весны.

Кладбище было старое. Гелька перелез через каменный забор, продрался через татарник и «бабкины бусы». Могилу отыскал не сразу, потому что шел не по дорожкам, а напрямик.

Еще по пути сюда Гелька увидел куст сирени, который несмело, по-осеннему, зацвел второй раз. Гелька отломил ветку и теперь положил ее на серую плиту, которая накрывала могилу. На плите были вырезаны старинные знаки зодиака

и косматая спираль галактики. «Как искорка, если смотреть через линзу», — вспомнил Гелька.

На камне, что поднимался над плитой, было выбито: «Матвей Васильевич Травушкин. Директор Старогорской обсерватории. Ты прокладывал дороги открывателям звезд. Спасибо, Капитан».

Гелька вспомнил другую могилу — в старой церкви, где был похоронен Флота Капитан Ратманов, трижды обошедший вокруг света.

«Может, и я буду капитаном, — спокойно подумал Гелька. — Но сначала надо порвать кольцо».

Вечером он сидел на подоконнике и ждал Ваську и Листика. Луна уже висела среди берез, но пока была неяркая, тускло-розовая. И уже чуть-чуть похудевшая на правую щеку.

— Гелий, кажется, опять собирается умчаться на ночь глядя, — пронизательно заметила тетя Вика.

— Пусть побеждает, пока теплые вечера, — заступилась мама. — Я когда маленькая была, мы тоже любили играть при луне. Просто сказка...

Она погладила Гельку по рыжевато-ежику волос. Он тронул щекой ее ладонь. Знала бы мама, что за «сказка»...

Листик прибежал один. Озабоченно прошептал:

— Ваську мама отшлепала и заперла в чулане. И не выпускает.

— За что?

— Потому что случай такой...

— Какой случай? — Гелька встревоженно глянул на часы.

— Такой... У нас напротив дома газон, помнишь? Там сейчас дядьки новые кусты вкопали, а потом привезли каменного старика с рыбкой, ну, вроде как с золотой, из сказки, и поставили среди кустов. Это, говорят, называется благоустройство. Васька посмотрел на такое благоустройство, вытащил из-за ремешка барабанную палочку да как треснет по старику! А тот — на кусочки. Ну, сразу крик такой: «Хулиган, весь в папу!»

У Гельки нехорошо засосало под сердцем.

— Ясно, — сказал он. — Алешка, а где взрыватель?

— Да в том-то и дело! Васька не успел его допаять!

Гелька отвернулся от Листика и съезжил на подоконнике. Не было смысла возмущаться, охать, расспрашивать, кричать «что же делать». До намеченного взрыва оставался час. По календарю был последний день полнолуния. Следующее начнется через три недели. Скорее всего,

небо тогда будет пасмурным, осенним, и неизвестно, появится ли Мост. И вообще ничего неизвестно.

Как делать взрыватель, Гелька знал. Но нужен паяльник, провода, лампочка от фонарика. И главное — время.

Ах ты, Васька, балда несчастная!.. Хотя за что его ругать? Нет, есть за что. За то, что провозился с запалом до последнего дня... Но откуда же он мог знать, что перед домом появится такой старик?

— Хоть бы фитиль какой-нибудь раздобыть! — отчаянно сказал Гелька. — Самый простой, вроде старинного. Они назывались «бикфордов шнур».

— Это вроде той веревки, на празднике? Когда карнавальным огнем зажигали?

Гелька быстро взглянул на Листика. На Алешку Огонька. Он сразу вспомнил, как Алешка в алой рубашке шагает с факелом впереди барабанщиков, потом взбегаёт на башню и поджигает белый шнур. И неторопливый огонек бежит по шнуру к узорчатой чаше. И вспыхивает огненная корона!

— У тебя есть, Огонек?

— Я тогда прихватил на память вот столько... — Алешка изо всех сил растянул в стороны руки. — Я этим куском рубашку подпоясывал. Гелька, но он недолго будет гореть. Секунд пять.

Гелька подумал. Тоже секунд пять. И прыгнул с подоконника.

— Это ничего, Огонек, этого хватит.

— Ты же не успеешь спуститься!

«Я ведь могу даже и не спускаться», — сказал вчера Янка.

«Я тоже могу... Я подожгу фитиль и укроюсь под каменным карнизом. А когда грохнет, можно вниз...»

Все это Гелька объяснил Огоньку уже на улице. Когда бежали за фитилем.

— Ой, Гелька... — сказал на бегу Алешка.

— Да ничего не «ой». Взрыв будет не сильный. Рельсы лопнут, вот и все...

Взбираться было труднее, чем он думал. Сперва-то ничего, а потом ноги загудели от резкой усталости. Ладони грызло ржавое железо. От каменной опоры несло такой зябкой сыростью, что Гелька то и дело вздрагивал. А может быть, он и от страха вздрагивал. Куда от него денешься, от проклятого расслабляющего страха? Земля осталась далеко внизу, там остался Огонек, верный помощник и единственный свидетель. Больше никому не было дела до Гельки... Равнодушно грохотал неподалеку танец ржавых ведьм.

Главное, не смотреть вниз. Очень уж далека земля (такая прочная, теплая, с ласковым пухом белоцвета). Луна — и та кажется ближе. Но верхний край моста близким не кажется. А ноги совсем ватные, и руки ломит в плечах.

Успеть бы...

Он успел. Подтянулся из последних сил над узким карнизом, ухватился за железо жиденьких перилец, перевалился через них, бросился ничком рядом с рельсами — грохочущая черная громада с ослепляющим прожектором вылетела из пустоты. Рядом, сотрясая железо и Гельку, загремели колеса. Гелька вцепился в перила, чтобы не затянуло в этот смертельный вихрь.

Грохот продолжался долго. Просто чудовищно долго. Просто бесконечно. Но Гелька вытерпел и это. И когда грохот неожиданно и стремительно стих, Гелька не потерял ни секунды.

Он вскочил!

Выхватил из кармана самодельный заряд с примотанным проволокой магнитом!

С размаху прилепил магнит к рельсу!

Размотал на поясе шнур!

Стал разрывать ногтями край пакета, чтобы вставить фитиль. Ногти скользили по плотной фольге, не могли зацепить.

И вот тут-то секунды стали убежать...

Гелька, ломая застежку, рванул из-под воротника ящерку, ее бронзовым хвостом пробил в пакете отверстие. (Пригодилась ящерка! Может, и хорошо, что Янка не успел взять ее!)

Гелька воткнул в отверстие конец фитиля, вытянул шнур вдоль рельса, выхватил из кармана похожую на карандаш зажигалку, щелкнул...

Аккуратный желтый огонек побежал по шнуру неторопливо, но уверенно.

Гелька метнулся через перила, нащупал сандалиями верхнюю скобу. Все в порядке! Теперь вниз! Целых пять секунд — вниз! Пока горит фитиль.

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пять!

Он прижался к бугристым холодным камням. Ну, что же? Почему тихо? Погас огонь?

Гелька отчаянно посмотрел вверх. Над каменным краем Моста полыхнуло голубоватое пламя. Звуча не было. Как при взрыве руды на Луне, где нет атмосферы. Камни сильно трянуло, и Гелька вцепился в скобу из самых яростных сил. В светлом небе взвились и скрутились черными спиралями лопнувшие рельсы.

«А ты молодец, Гелька! Ты сумел! Даже Юрка скажет, что молодец... А теперь вниз!»

Вниз — не вверх. Это быстро, сейчас... И ноги

уже не гудят, послушные стали. И руки не болят. Только рубашка мешает: выбилась из-под ремешка и цепляется за острые уголки и края скоб. Вот опять! Ух ты, вреднюга! — Гелька рванул ее... Нет, нельзя рвать. Зацепится карман, а в нем ящерка, она может потеряться...

Может быть, именно это задержало Гельку. А может быть, ему не хватило тех же двух клочков времени, которых не хватило Янке. Скоба растворилась в Гелькиных пальцах. И под ногами исчезла опора. И не стало перед глазами темных камней. Гельку охватила громадная пустота, и эта пустота стремительно засвистела в ушах, когда он понесся к земле.

Гелька не испугался. То есть он испугался самого падения, от которого ожгло сердце. Но он не думал, что разобьется.

«Я полечу! — сказал он себе. — Я ветерок! Сейчас...»

Он раскинул руки, и упругий воздух ударил ему в ладони. Гельке показалось даже, что падение стало медленней.

«Я полечу! Надо только сказать слова!»

Надо было прошептать короткое заклинание, которое написано на Башне Ветров в далеком и сказочном городе.

«Сейчас... Я...»

Он вдруг понял, что не помнит этих слов. Совсем не помнит! Вместо них в свистящем воздухе словно кто-то прошептал другие слова:

Ясной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На буденовке серой —
Голубая звезда...

Свист нарастал, встречный воздух рвал волосы и рубашку.

«Сейчас! Сейчас... Ясной ночью осенней улечу из гнезда!.. Ясной ночью осенней... Яс... Янка...»

Листик зажмурился и ощутил, как легко толкнулась земля. И стало тихо-тихо. Не гремели железные бочки. Не шепталась трава. Весь мир притих и, казалось, ждал, что над головками белоцвета сейчас взовьется и умчится прочь крутящийся ветерок. Но ничего не было. Только тишина. И только далеко-далеко, на краю Вселенной, вспыхнула и стремительно развернулась в ночи новая спиральная галактика.

В этой галактике, далеко от ее центра, у неяркой желтой звезды совершали свой облет планеты. На одной планете — зеленой от лесов, песочной от пустынь и влажно-синей от океанов —

на полуострове между устьем большой реки и морем была середина лета. Было утро.

С каменного крыльца во двор старинной крепости сбегал мальчик в зеленой матроске с белым широким воротником. Во дворе было тихо, но над зубцами башен, на сигнальных мачтах трепетали и хлопали от морского ветра пестрые сигнальные флаги. Наверно, сто флагов или больше.

Мальчик посмотрел на флаги, прочитал сигналы, улыбнулся и побежал к серой глыбе ракушечника на краю двора.

На глыбе, растопырив лапки, похожие на ручки крошечного человека, грелась на солнышке ящерка. Она не испугалась, когда мальчик накрыл ее ладонью.

Он посадил ее — живую, щекочущую — в карман матроски и по железной лесенке умело вскарабкался на верхнюю площадку башни.

Здесь за него сразу взялся веселый и шумный ветер. Пригнул на темени жесткий рыжеватый хохолок, захолопал воротником, усыпал его одежду и кожу колючей водяной пылью, которую принес от скал, с пенных верхушек прибоя. Мальчик облизал соленые губы и посмотрел на море. Волны были ярко-синие с белой оторочкой гребней. Над гребнями неслись очень большие круглые разноцветные паруса — спинакеры. Они были похожи на стаю праздничных воздушных шариков, которые кто-то отпустил над морем.

Мальчик достал ящерку, посадил ее на плоский верх башенного зубца.

— Смотри, как красиво... — И долго смотрел сам.

Потом он взглянул с высоты на двор. На крыльце стояла мама.

— Я здесь! — мальчик перегнулся через поручень между зубцами. Замахал рукой, похожей на коричневую ветку. — Мы здесь!

— Поедем в Город! — крикнула мама. — Скоро начало праздника!

— Мама, я с ребятами! Мы придем прямо на площади!

— Хорошо! Я тебя обязательно там увижу!

Мама обошла дом и села в оранжевый автобус, который остановился рядом с фортом у заросшей белоцветом обочины. Мальчик помахал вслед автобусу и посмотрел на Город.

Город был вдалеке, его башни, летучие мосты и стеклянные крыши поднимались из-за пологого лесистого холма. Башни были белые и разноцветные. Мосты — кружевные. Крыши — блестящие. Ветер качал над крышами стаи воздушных змеев и пестрых аэростатов. Город сверкал, он был радостным — таким, какими должны быть все города во всех галактиках. Всегда. А особенно в такой день, когда приходит Всеоб-

щий Праздник Межгалактических Туннелей и Мостов.

По дороге и просто по траве бежали к старой крепости ребята. Они заполнили солнечный двор, где между каменных плит густо росли одуванчики. Среди одуванчиков стояли четыре столба, и на них поднималась фанерная кособокая будка с проволочным балкончиком — старая голубятня. Из голубятни прыгали на плиты мальчишки с большими разноцветными барабанами. Они были веселые, голосистые, в ярких, похожих на сигнальные флаги рубашках. Раскатилась над плитами двора озорная дробь барабанов. Мальчик услышал переключку барабанщиков, которые выстроились у ярко-желтой от солнца стены:

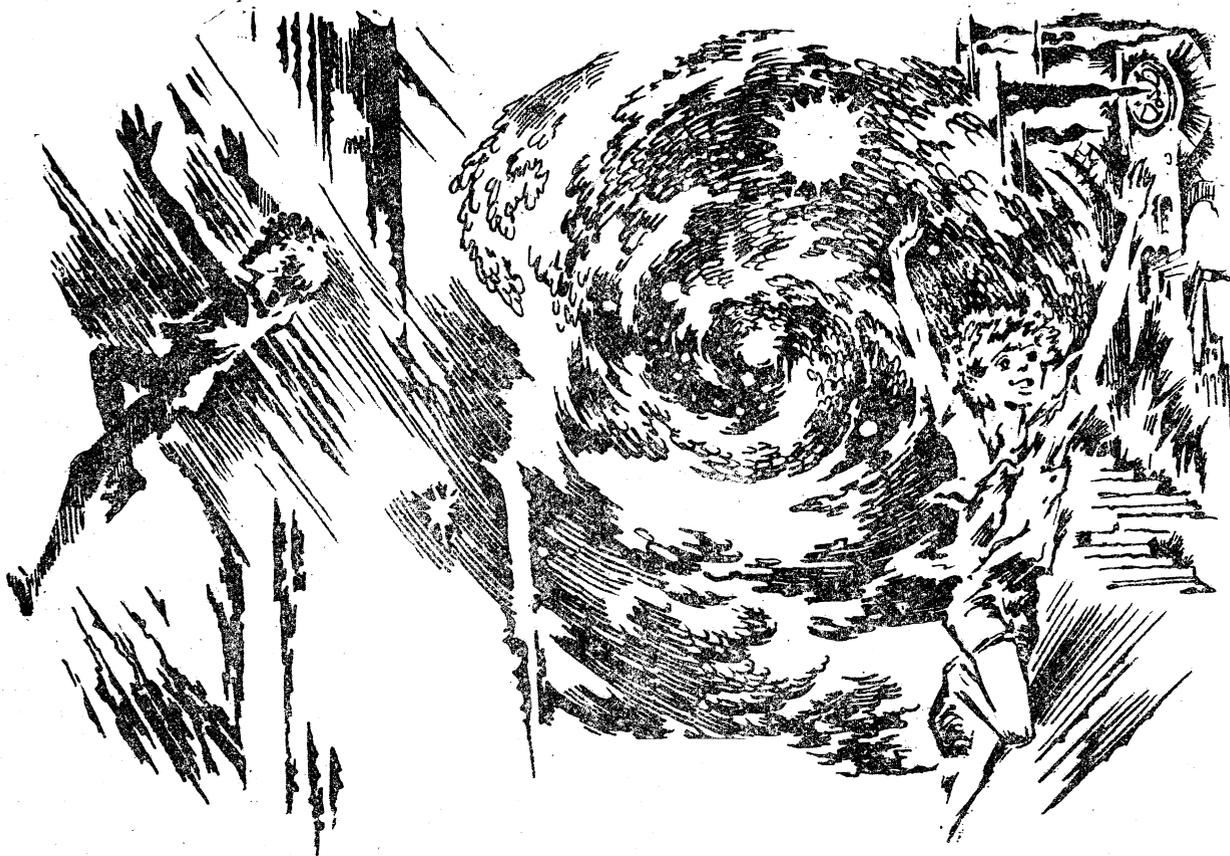
- Юрик Родин!
- Я!
- Валька Бегунов!
- Я!
- Василек Снегирев!
- Здесь!
- Митька Кошкарев!
- Кто?
- Грозный Митька по кличке Маус!
- Вот он я!

- Василек Иту Дэн!
- Здесь!
- Стекланный барабанщик Тилька!
- Сами вы стеклянные!.. Здесь я!
- Барабанщики Серой Стены!
- Здесь!
- Все шестеро?
- Да!
- Барабанщики Утреннего Поля!
- Здесь! Здесь! Здесь!
- Данилка Вострецов!
- Я!
- Барабанщики «Каравеллы»!
- Это же из другой галактики...
- Все равно! Здесь мы!
- Командир барабанщиков Володька!
- Я!
- А новичок? Где наш новичок с ящеркой?
- Я здесь! — закричал мальчик с высоты.

Мы оба здесь! Мы сейчас!

Он взял в левую ладонь ящерку, а правой замахал ребятам.

Они стояли, запрокинув головы, и тоже махали ему. И смеялись беззаботно и смело, как должны смеяться мальчишки во всей Вселенной.

И где-то за столами МОРЕ

Юлия КОКОШКО

Это мы, пять душ и шесть тел, стоим под снегом, разинув в восторге рты, ослепленные, обалдевшие, трепещем на ветру: воротники по команде «Стоять!», на шею клубки шарфов, ноги выплывают чечетку — скульптурная группа Свердловской киностудии... Недостающая в комплекте душа — моя, она уже упорхнула завоевывать Северный полюс.

За спиной у нас, как матросский воротник, развеваются голубое небо с белыми полосочками — заснеженными мурманскими улицами.

У причала, что служит нам постаментом, стоит прекрасный арктический корабль. Сухогруз, раскусывающий метровые льды, как чайные сухарики. Вытянувшийся во фронт двадцатипятиэтажный дом — от килля до клотика пятьдесят, от хвоста до клюва — почти сто восемьдесят. У «Архангельска», так зовут корабль, красный корпус, за что моряки окрестили его «морковкой», и белоснежная башня до звезд.

...Капитан «Архангельска» отбыл в отпуск, взамен явился новый капитан — высокий, толстый, стриженный Почти Старик. А старший помощник молодой, его можно называть Саша, но язык методично спотыкается и выталкивает почтительное: «Александр Николаевич». Здравствуй, Александр Николаевич, говорю я, доброе утро! Моя голова прогибается, раздувается от впечатлений, связанных друг с другом на фантастический бантик: я в Арктике! Я восседаю не на домашнем диване, что, как пожилой осел, всегда готов подломить ножки и грохнуться отдыхать вместе с седоком, а на арктическом! В иллюминаторе — обсахаренные снегом карские льды, льды имени Лаптевых, а за ними толпятся восточно-сибирские, чукотские, гренландские, антарктические, галактические и прочие... Великое Снежное Немое...

Вошедшему старпому не интересно мое лицо в отрапе мировых льдов, он наблюдает мою незаправленную постель.

— Своим я такого не позволяю. Да и гостям не хотелось бы, — вежливо говорит старпом и выходит вон: он не намерен разговаривать с человеком, учинившим на его корабле такое безобразие.

Я выскальзываю за ним, и тут мы оба натякаемся на штатив от кинокамеры, разнузданную треногу, вздремнувшую на коврик у радиостанции — утром здесь была съемка.

— А это что? — спрашивает старший помощник.

— Извините, Александр Николаевич. Подождите, я атакачу штатив в номер...

— У нас нет номеров. У нас каюты, — отчеканивает старпом.

— Да не сердитесь вы, — говорю я. — Мы три месяца болтаемся по гостиницам... — и вдруг я начинаю хохотать, потому что вспоминаю, как Зара, наш ассистент режиссера, вчера мечтательно сказала: «Как только приеду домой, в свой собственный номер, куплю кресло». Я смотрю на него и хохочу.

Лучше я потом расскажу о старшем помощнике, мы плывем в Дудинку — это пять дней: бездна времени впереди.

Мы снимаем научно-популярный полнометражный цветной фильм о системе «КОСПАС-САРСАТ». Благородная аббревиатура «КОСПАС» означает: космическая система поиска аварийных судов — так названа советская часть системы; а «САРСАТ» — это США, Франция и Канада.

— Понимаете, человеческий ум создал столько способов уничтожения человечества... А организация «КОСПАС-САРСАТ» — одна из немногих, где страны, которые без конца вооружаются друг против друга, объединились для спасения человеческих жизней, — говорит наш режиссер Борис Григорьевич Урицкий. — Для спасения! Я хочу, чтобы у нас получился публицистический фильм...

Когда-нибудь на каждом корабле и самолете появится такой же коспасовский радиобуй, как тот, что мы возим с собой для съемки, — красный гороховый стручок, говорящий стручок. И все, кто терпит бедствие, дадут аварийный сигнал, он вознесется в космос, на спутник, а потом сиганет вниз и в считанные минуты влетит в уши к спасателям на земле. Поскольку это сигнал SOS, он будет обработан вне очереди — у электронно-вычислительных машин на это хватит ума.

«...Меняю квартиру в центре города, телефон, трамвай, троллейбус, палас-самолет — на лоцманскую каюту в открытом море.» Я засыпаю в этой каюте под молодецкий окрик по радио: «Палубной команде приготовиться к швартовке!», а просыпаюсь под деловитый щебет морзянки за стеной. Вставляю свой восторженный лик в иллюминатор и сквозь прорези для глаз вижу Баренцево море. Темно-синий бульончик, а может быть, киселек — северное море...

На палубе снег, промерзшие рыжие канаты мечутся в стороны и танцуют на ветру.

Так, пустышки. Обыкновенный шторм.

Зара, ассистент режиссера, вскакивает и резко мчит к фарфоровой вазе, а потом черепахой и — навзничь. Долой морскую болезнь! Раскачиваясь, не попадая в рукава, одеваюсь в свитер, в шарф, в лифт, ныряю в спортзал. Здесь теннисный стол и фантастические тренажеры, на которые брезгливо и враждебно поглядывает наш режиссер. Он сидит на теннисном столе, как на табуретке, нетерпеливо дымя «Астрой» и ожидая, когда операторы приготовятся к съемке. «Мы снимаем» — это означает, что я не принимаю в съемках никакого участия, мой удел — их подготовка, я — администратор.

На палубе сумасшедшая красота! На все стороны света — тяжелое, синее, слепящее море и на ниточках, свергающихся с небес, раскачиваются чайки: возьми ножницы — и срежь любую... Уже темнеет, и под брюхами у чаек плавают белые хлебные крошки звезд. В гортани стоят восторг и холод. Я прыгаю на снегу у перил. Жаркое чрево коридора засасывает меня назад, я врезаюсь в старшего помощника.

— Инте-ге-ресно, — спрашиваю я, — когд-д-да же начнутся льдды?

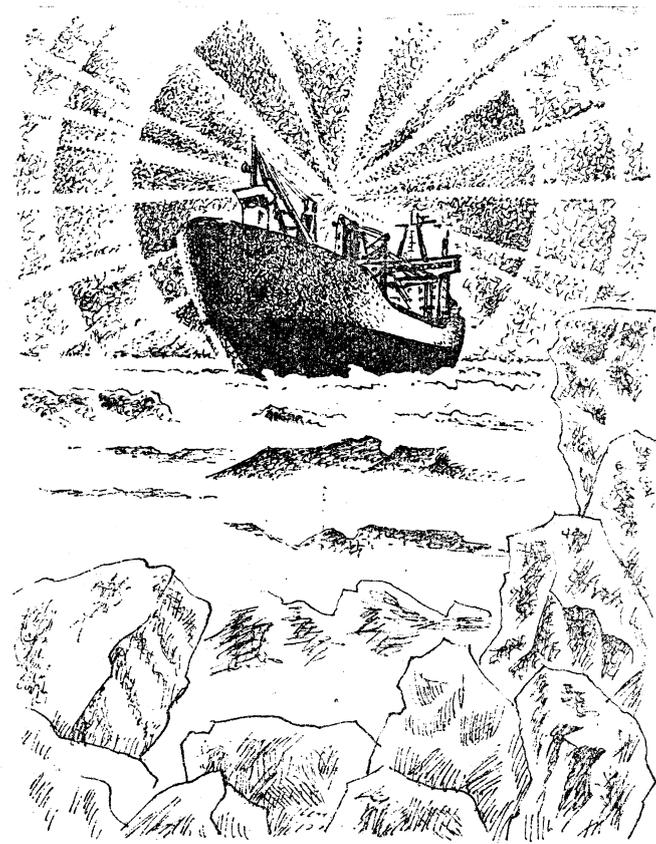
— Послезавтра, — говорит старший помощник. — Завтра ночью войдем в Карские ворота.

— А что такое Карские ворота?

— Что, ворот никогда не видела? Обыкновенные ворота, кованые, с замочком. Отпираем ключом и проходим — делов-то.

На «Архангельске» два радиста: один обыкновенный, а другой — начальник радиостанции, «прима-морзянка» Владимир Малиновский. У него маршальская фамилия, поэтому все зовут его простенько: Маршал. Высокий блондин с аристократическими манерами, он любит пить кофе, упокоив ноги на столе, — правда, надо отдать ему должное: башмаки безукоризненно сияют. Узкий, тонкий, продолговатый, будто творение Ван-Дейка, а не простого советского родителя. Если бы он родился в прошлом веке, он стал бы кавалергардом. «Хочу в Москву!» — говорит он с ностальгическим надрывом трех чеховских сестер.

Всякий раз, проходя мимо радиостанции, я смотрю, как Маршал работает. Голова зажата прищепкой наушников, пронзительно пищит морзянка, а в соседней комнате — стакато пишущей машинки, которая печатает сама по себе. Он слушает весь мир: в одном ухе — западное полушарие, в другом — восточное. А потом в ответ одной рукой выдает симфонию, соло для морзянки

Рисунки Е. Охотникова

из точек-тире, романтический свист... Я являюсь к нему в антракте, как поклонница таланта. У меня идея — взять автограф, отбить сухопутным друзьям радиограмму из Баренцева моря. Маршал сдвигает полушария на щеки.

— Можно, — сурово говорит он. — «Бегу впереди лежачих, разгоняю медведей». Устроит? Кофе хочешь?

Иногда он бывает у нас в гостях. Он влетает, как вихрь, оставляя позади вертящуюся волчком дверь; обнимает сразу обеих, и Зару и меня, руки длинные; накручивает на пальцы волосы, которых у Зары много, а у меня — сержантский полубокс. В один из вечеров вдруг спохватывается:

— Мамочки! Да ведь вы меня в форме еще не видели! К кофе надену форму.

Приходим на кофе и открываем рты. Маршал по горло захлестнут глубокой морской синевой пополам с золотом: на плечах три золотых нашивки, в петлях якоря, а на груди значки: «Участник зимовки». Кто бы подумал, что этот светский повеса сбежит от московской жизни так далеко! «Ах, Москва!..» Вертя в руках чашку, придурчиво разглядывая ободок, он вдруг хвастливо сообщает:

— Между прочим, месяц назад меня приняли в Союз журналистов.

Он рассказывает о своих зимовках — лицо мечтательное, озаренное воспоминаниями, волшебный фонарь из лучших времен:

— Такие романтические названия: остров Уединения, мыс Желания... Я теперь ни за что бы не решился все повторить, не смог бы...

А еще, с гордостью — о медведе, который решил им отобедать: «Ха-ха, где вы найдете лучшее блюдо, чем Малиновский под шубой — ах, какой гурман был миша!» И еще:

— Я сделал в этой жизни все: зимовал на полярных станциях, а потом стал моряком и увидел весь мир, Лондон, Париж, Рим, и везде мои следы сорок седьмого размера — и в Америке, и в мурманском драмтеатре, там было свежее пиво... и в Африке. Я люблю несбыточные мечты: то, что осуществилось, перестает быть мечтой. А теперь у меня осталась последняя мечта, самая любимая, может быть, потому, что несбыточная, — я хочу написать книгу...

На корабле пока нет радиобуя. Мы привязываем наш красный стручок над верхней палубой, возле мостика.

— Ты что делаешь? Ничего не делаешь? Будешь поливать буй водой, — говорит режиссер. — Чтобы к утру обледенел. Пусть зритель видит, что это — Север!

Ощупью подбираюсь в темноте к бую. На палубе лед и ветер. Заошу бутылку с водой, и под воющий хохот старика Норд-Оста ледяной душ обрушивается на меня. «С легким паром!» — вежливо говорят с мостика.

Утром мы устраиваем на корабле «аварию». Преспокойненько покачиваясь на волнах, «Архангельск» терпит «бедствие»: идет съемка. В кадре: старательно облепленный снегом радиобуй, рука в синем рукаве нажимает клавиши-координаты, срывает буй и швыряет в море. А внизу другой оператор на катере, грецкой скорлупке, — под крылышком старпома: «Я думал, старпом три часа будет бегать, вылавливать буй; я замерз, как пулик... А он нагнулся и — враз подцепил. Мастер!» Мастер по отлову радиобуев в Баренцевом море.

Через пять минут он на мостике. Киношные потехи кончились, начинается работа. К нам подходит дизель-электроход «Наварин», у него истощились запасы провианта — и сейчас мы спасем его от голода. Это только говорится, что «Архангельск» идет в балласте — он везет

овоци для экипажа «Наварина» и топливо для ледокола «Мурманск».

Дизель-электроход «Наварин» стоит почти рядом. Между нами раскачивается пенная синева. «Наварин» не может подойти к нам — легкий шторм; приходится отсылать салаты и винегреты вплавь, прямо на тарелке — на понтоне, и моряки терпеливо гоняют тарелку туда и обратно.

Ледокол «Мурманск» подходит вечером следующего дня. Рядом с «Архангельском» старина «Мурманск» выглядит несолидно. Наша «морковка» еще дитя, но это корабль будущего, как говорит наш режиссер. Правда, в маленьком «Мурманске» запрятано лишних две тысячи лошадиных сил, да летучий жук-вертолет сидит на корме. Целый вечер, всю ночь мы стоим бок о бок, кормим мурманских лошадок: прожорливые лошадки — четыреста с лишним тонн съели...

И вот отпираются Карские ворота. По всей воде стоят тонкие маленькие льдины, склеенные, как мозаика, и только за кормой — широкий столбовой путь, пенная синяя вода. Над морем, как воздушные шары, висят седые облака; а кругом — пустота, прекрасная, торжественная и жуткая.

Появляются режиссер, операторы Женя Смирнов и Володя Ламберг, замерзшие, в морских узлах заиндевевших шарфов. Ставят на палубе камеру.

— Красота, да?

— Пфф! — режиссер выпускает в меня полсигареты — презрительное облако в форме осла. Шесть лет назад он снимал картину «Навигация» и плавал на атомоходе «Сибирь». — Пфф, вот когда льдины величиной с дом пероврачиваются, вот это да!..

Скоро лед становится сплошным. Это была не работа, говорит старпом, это все семечки, тьфу... а вот теперь начнется работа: а цу, пускай, ребята, второй двигателя! Др-ррр — это вибрация... Весь корабль дрожит в лихорадке.

И вдруг — немыслимое, потрясающее везение!.. С правого борта — северное сияние! Небо черное, и над морем — серебристая россыпь... Вверх возносится красный столп света, а наискось — еще один, голубой. Смотрю — и испытываю смущение. Это мы, недоросли, отужинав, вышли во двор, — скучища какая! — высадили доску в чужом заборе и вдруг увидели чужой костер во все небо; да ведь мы слонялись по двору и скучали. — мы не заслужили этого костра...

Вы видели северное сияние? Да как же вы до этого жили?! Содержали свою личность в тепле... Травка, птички, зверьки там всякие, коровки... курочки Рупь-Семьдесят-Пять несут яйца по девяносто копеек... Нет, северное сияние надо показывать в награду только лучшим людям на нашей лучшей планете!

Каждый день в половине двенадцатого — сводка по радио:

— Мы находимся в сорока двух милях от острова Диксон, северная широта... столько-то градусов, восточная долгота — столько-то... Температура минус шестнадцать, вода минус один, ветер южный пять метров в секунду. На море лед серый, десять баллов. Приятного аппетита.

«Приятного аппетита» — потому что пора обедать. Здесь свои гастрономические законы: суп на обед и ужин, по воскресеньям на завтрак кофе и сыр, к обеду — цыпленок, на ужин — жареная рыба. На стене в кают-компании — портрет почтенного гражданина с благородной голубой сединой. Это Пааво Айтио, губернатор Турку, крестный отец «Архангельска»; а рядом — горлышко от бутылки шампанского в золотой фольге.

В первом часу дня темнеет. Лед становится зеленым и голубым — чужая планета... Зеленоватое небо расколото длинным розовым шрамом.

...Итак, о старшем помощнике.

Его зовут Александр Николаевич Матюнин.

Старший помощник — это смиренный чубчик на лбу и удивительные глаза: серые, наивные, бесстрашные — глаза последнего хулигана и целомудренного, до слез застенчивого отрока. Это — вечный гусарский мундир, он же синий пиджак с тремя золотыми нашивками на погонах, верхняя ромбиком, и заносчивая независимость на лице. Еще особая примета — лихой матросский якорь на левой руке. Для всех морских и сухопутных коллизий у него есть две любимые, универсальные фразы. «А оно нам надо?» — с ухмылкой говорит старпом. И — презрительно: «Это все семечки!»

Мы знакомимся в среду, в день вознесения на корабль. Поздно вечером сидим кто на чем в каюте у боцмана в братски делим на всех три тарелки утренней яичницы. Боцмана зовут Володя Пахольчук. Он произносит замечательные речи: слова простекине, отдающие улицей и морем, но отмытые морской водичкой от вечной пыли и копоти, сияют, как свеженькие. Полные уши удовольствия.

И вот тут-то открывается дверь и входит старший помощник. Он сразу бросается в беседу, как со скал в море. Утопшим в тумане женским очертаниям он говорит: «Мэм». Режиссеру — «Сэр». «Сэр, все будет о'кей, в этом мире ни на кого больше нельзя полагаться, только на моряков». А боцману: «Дракон». «У нас на флоте традиция: боцман — Дракон, стармех — Дед, а я — Чиф. Это по-английски, вам не понять... Есть такая страна Англия, вы не знаете, там все мужики — сэр, и только старший помощник — Чиф».

«Мы, моряки, нам, морякам...» Водоплавающее какое-то... Два дня высокомерно не замечаю его. На третий мы с Зарой лежим в лоцманской каюте, страдаем морской болезнью. Перед нами, верхом на стуле — режиссер, окутанный дымом. Я смотрю на него с глубокой тоской и думаю: кто заставляет такого интеллигентного человека, такого умницу курить эту мерзкую «Астру»?

Деликатный стук в дверь. Портрет старшего помощника в полный рост, неизменная синева с золотом, благородный цвет всех земных добродетелей.

— Как вы себя чувствуете, девочки? — он сама вежливость.

Режиссер чувствует себя превосходно. Он обожает новые знакомства и несказанно рад собеседнику, усаживает его на диван и закуривает новую «Астру».

— А что, старик, сколько стоит ваш «Архангельск»? — деловито спрашивает он.

— Тридцать шесть миллионов золотом, — с усмешкой говорит старший помощник. — Отличный пароход.

— Сам вижу, что отличный. А в этой певекской истории вы участвовали?

Октябрьский Певек, ледяная ловушка в Чукотском море, гигантская кораблеловка, газетные репортажи о том, как Арктика — а не напомнить ли вам, уважаемые, кто здесь хозяин?! — сграбастала ледяными когтями корабельные караваны. Но ах, мадам, вы забыли, мадам, что такое арктические моряки!..

— Мы вытащили из льдов одиннадцать кораблей, — скромно говорит старпом. — Заработали пробоину — остались с перебитым носом, — он тоже достает сигарету, благородную «родошину», не в пример режиссеру. — Мы залили в эту дыру десять тонн цемента, и все своими руками. Но цемент не спасет, это наша последняя «арктика», потом пойдем в Финляндию на ремонт. Сейчас-то, пока мы в балласте, пробоина над водой. Так что не бойтесь, доставим вас невредимыми.

А потом он говорит не о море... «Да здравствует земля, ее флора и фауна, да здравствуют все земные леса, только куда чертовым джунглям до наших архангельских лесов!.. Я же вырос под архангельской елкой,

отец у меня лесоруб. Едва я шваргаюсь к берегу, я сразу ухожу в лес, я провожу весь отпуск в лесу. Нужна мне ваша городская жизнь!.. Самое лучшее, что есть в мире,—это море, а самое лучшее, что есть на земле,—это лес!»

Ишь ты, думаю я, как получается: я люблю телевизор, водопровод, такси, свою пишущую машинку, а он, значит, любит лес и море, исключительно живое — море и лес... Я тоже люблю лес. Летний лес, в котором тысячи солнц, а вокруг и в небесах белокаменные березы и колоннады сосновых стволов с потрескавшейся, облупленной золотой штукатуркой... Нет и никогда ничего не будет прекраснее впервые открывшегося мне детского леса на станции под Свердловском: детский сад на даче, розовый и желтый львиный зев по пояс, грозные «собачки» — нажмешь сбоку пальцами, и они оглашают окрестности яростным лаем... Но я не знаю архангельский лес...

— Какие у нас карстовые озера в Пинежском районе! — говорит старпом. — Вода в них чистая, как слеза. А когда солнце стоит в воде, то озеро просвечено насквозь, всю рыбу видно!

— Много рыбы? — с вожделением спрашивает режиссер.

— Ого! Знаете, как клюет? По две на один крючок! Жалко, что вы не можете пойти со мной на рыбалку... Такая красота! У нас одно озеро есть — Янтарное, березовые леса вокруг осенью желтеют, отражаются в воде, и тогда кажется, что это не вода, а янтарь. И почти ни один человек не видел этой красоты, так жаль... А потом вдруг закручивается воронка, и вся вода вместе с рыбой уходит под землю... Ляжешь спать у озера, а проснешься — его как не бывало!

...Почему, скажите на милость, человек, выросший в лесу, вдруг стал моряком? Вот какая штука... Мне вспоминается стихотворение Бориса Пастернака «Сосны»:

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,
И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне...

На следующий вечер прихожу к старшему помощнику пить чай. Девятый час, только что кончилась его вахта, а в четыре часа утра он, можете не сомневаться, опять поднимется на мостик и поведет свой корабль.

— Наш «Архангельск» — потрясающая игрушка! — говорит он. — Я могу раскрутить его волчком на одном месте! А когда мы шли из Певека, мы обогнали атомоход. Они кричат: «Эй, «Архангельск», как вы смеете нас обгонять?!» — ну да, чуть-чуть не по рангу... Потом была вахта капитана, и капитан пропустил их вперед, но я-то их снова обставил!

— А вы хотите стать капитаном? — спрашиваю я. Старший помощник насмешливо улыбается, щурится:

— А оно нам надо?

— А если вы встретите в лесу разбойников? Их будет много, а вы один?

— В лесу бывают только хорошие люди, — убежденно говорит он. — Однажды встретился мне старик, у него с собой было мясо, а у меня рыба. Мы устроили пир в охотничьей избушке. Я ел мясо, а он уху... А в другой избушке у меня была любимая мышь, — вдруг вспоминает он. — Серая, с белым ошейником, вот почему я ее запомнил. Я всегда оставлял ей крошки, а она все равно прогрызала мой мешок с хлебом. Сяду обедать, а она тут как тут!

— Может быть, она вас тоже запомнила?

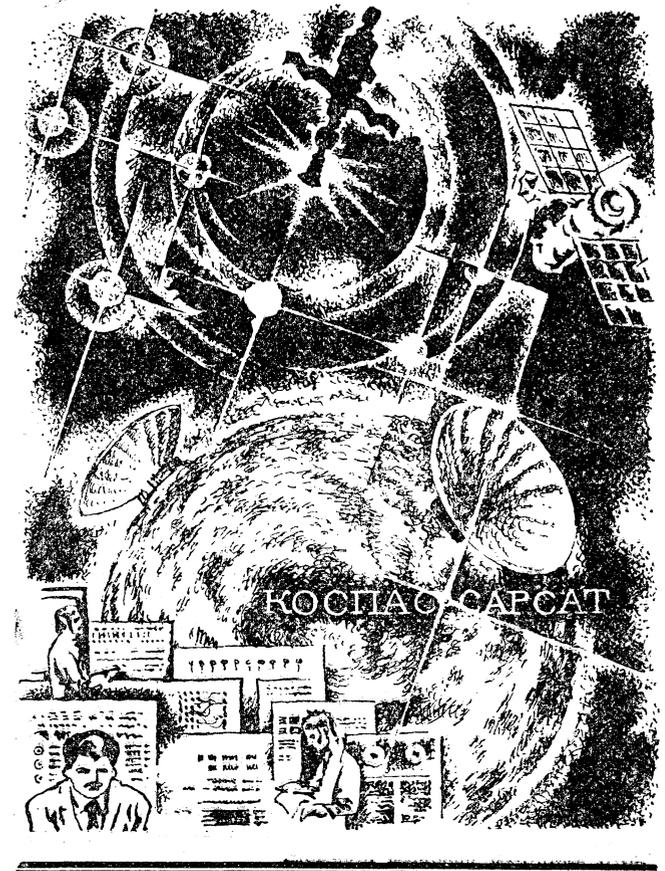
— Не думаю, — грустно говорит старший помощник. — Наверное, у мышей нет памяти...

Он пьет чай и разглядывает меня с любопытством, как будто я — НЛО. Нет, говорит он, мне не нравится ваша жизнь на земле, — это скачки, с восьми до семнадцати по служебному трапу, а в семнадцать с копейками — вперед и вниз, прямо на круп автобуса и в галоп, и на ходу — маслице, кефирчик, сосисочки, а на сладкое? А на сладкое дубленочка и телевизионное окно в Европу.

Он впервые без синего мундира и эполетов, а простецки — в рубашке и джинсах, наш приятель с соседней улицы, и такой же молодой, как мы; но он был в Арктике, он шесть лет работал на атомоходе — двенадцать месяцев вахты... А мы где были? А теперь у него сентиментальное настроение, он смотрит издали, из морских далей, смотрит взором морского волка и произносит:

— Пока мы плавали, жизнь прошла мимо. И дети без нас выросли, и наши любимые женщины состарились... Есть маленький лесной поселок в Архангельской области, там живут мои одноклассники — счастливые люди, у них есть дом, огород и лес, а больше для счастья ничего и не нужно. Когда я приезжаю к ним, то схожу с ума от зависти!

Ну-ну, это еще вопрос, кто кому завидует: они всю жизнь в деревне, а вы-то увидели весь мир. Представляете — какой праздник, какая радость: Саша приехал!.. Локти вонзились в стол, частокол локтей, щеки и уши,

глаза блестят: синева с золотом, море и солнце, а за морем сто тысяч Европ и одна Арктика...

— А оно нам надо?... — какая универсальная фраза все-таки.

— Ну, так перебирайтесь в этот поселок.

— Я без моря не могу. Я всю жизнь мечтал жить на земле, живой жизнью, но мое дело — море.

Как становятся старшими помощниками? «Я учился в океане». Конечно, кто спорит. А все-таки? «Ну, тогда: Архангельская мореходка и Макаровка». А это что за местность? Ответ — как залп: Ленинградское высшее инженерное морское училище имени адмирала Макарова.

Нынче в Арктике, а завтра в Атлантике, и сколько еще счастливой воды впереди!..

— У нас, моряков, рубикон — сорок два.

Потом мы сидим и смотрим видеоманитфон. Ковбойский боевик, сплошные пиф-паф-ой-ёй-ёй и панорамы прекрасных прерий. И вдруг — судовая связь:

— Представителей Свердловской киностудии просят подняться на мостик.

Бежим к лифту, возносимся на седьмой этаж, а потом по трапу и — на мостик.

— Что случилось?

Оборачивается капитан, хитрый, бедовый Почти Старик, в выдавшем виде капитанском пиджаке, руки в карманах, ироничная усмешка тысячелетнего мудреца:

— Вот, старпом хочет показать вам, какое бывает море.

Расплющиваем носы о стекло. Окно в ад, в самое пекло, в чужие военные времена... В длинных лучах, справа и слева упавших с мостика на нос корабля, в двух наклонных галереях бушует черный и серый бешеный смерч снега, кружение смертных пуль, клюющих стекло, трусливый отскок назад, две дымных, винтившихся в бездну воронки, все остальное — мгла...

Самодовольная улыбка старпома. Он стоит перед круглым горящим экраном — колдовское блюдо с оранжевой каемочкой, всевидящее око, от него по кругу мчится огненный радиус, грифель, рисующий береговую линию, льды, прямоугольничек где-то рядом — невидимый во тьме сухогруз «Дмитрий Донской», долгие переговоры по радиосвязи; наконец, из оранжевого зрачка, минуя «Донского», — тонкий лучик в край блюда. «Это наш курс», — со знанием дела объясняет режиссер.

— «Донской», «Архангельск» обходит вас с левого борта, — говорит старпом. Под школьным чубчиком — бледность и вдохновение. С таким лицом сочиняют стихи и водят корабли. Суховатый голос, непонятная команда: «На румб девяносто два», — и, кажется, внутри его звучит оркестр, может быть, так играют в День Победы трубы и барабаны...

Наутро прекрасная погода, в туманных высях летает золотая тарелка — солнце. Лед стал прочным — настоящий асфальт.

Сегодня у нас последняя возможность снять замечательные планы: прекрасный красно-белый «Архангельск» испарывает льды Енисейского залива. А снять это можно только снаружи, со льдины. Риск, но искусство требует жертв, и моряки согласны рискнуть ради Великого Кино. Операторы уже стоят в тулупах. Отдают команду: «Матрос Гуров, одевайся, пойдешь с ними. Спустить шторм-трап с правого борта».

Но боцман улыбается и качает головой: «Матрос Гуров — южный человек, а я северный, разрешите, я пойду». И он первый спускается вниз, прихватив с собой огромный багор «Здравствуй, Миша!». За ним спускаются два оператора с камерами.

Мы смотрим на них с мостика, в бинокль, как с горной вершины. Три крошечных муравья на танцплощадке... Мы даем задний ход, а затем — вперед, мимо двух объективов... Ну, как, сняли?

Киношники люди самоотверженные, они приплясывают от холода, они ни за что не уйдут без дубля, о чем и сообщают со льдины по радию: «Давайте снимем дубль!».

А между тем льды за кормой начинают съезжаться, сходиться, и обратной дороги уже нет. «Архангельск» разворачивается, круг почета в честь отважных операторов и отважного боцмана с багром «Привет медведям!» наперевес. Внимание, камеры: съемка!

И тут случается беда. От подлой льдины начинают откалываться куски, сначала мелкие, крошки для чаек, потом побольше. Мы делаем какой-то хитрый маневр и подходим ближе, подваливаем правым бортом, и... опять откололся белый ломоть, шторм-трап висит над водой... Мы с ужасом смотрим вниз: это уже не танцплощадка, а кофейное блюдо с обкусанными краями... Я вдруг замечаю, как много на мостике моряков, никогда здесь не было столько. Мне приходит в голову: нет здесь единственно нужного сейчас человека... Но, к счастью, об этом думаю не только я.

— Три тысячи чертей! — на самом деле сказали совсем другое. — Старшего помощника срочно просят на мостик!..

Он вскопчил, разбуженный криком о помощи, мгновенно запрыгнул в рубашку и джинсы и помчался на мостик. И представьте себе, едва он появился, все сразу успокоилось. А чего вы вообще испугались, если сам Спаситель служит на вашем корабле в скромной должности старшего помощника? Почти Старик — он прекрасный капитан, замечательный капитан, так вам скажут все, кто с ним плавал на прежних кораблях. Но «Архангельск» — это новый корабль, до сих пор таких не было.

Старпом бледен и спокоен, у него вообще нет нервов. Он с таким же лицом пьет чай. Немыслимо огромный, ростом с небоскреб «Архангельск» становится в его руках послушной собачкой, радостно виляющей бизань-мачтой. Впрочем, на «Архангельске» нет бизань-мачты, есть только фок и грот...

«Архангельск» подходит к льдине. Кажется, там, под шторм-трапом, опять ледяная крошка, и тогда боцман приставляет к шторм-трапу свой багор «Миша, давай дружить!» — соломинку для утопающих. Наш Володя, как канатоходец, поднимается по этой соломинке на шторм-трап, и тут же — тр-р-рах! — багор разлетается в щепки. Старший помощник берет радию:

— Иваныч, — говорит он боцману, — попробуйте перейти на целый лед.

Мы смотрим, как два черных, обсыпанных снегом, прыгающих кузнечика подходят к другому краю льдины и обреченно останавливаются перед широкой щелью.

— Стойте, — говорит старпом. — Сейчас зайдём с левого борта. Шторм-трап на левый борт!..

С левого борта — значит, с наветренной стороны, ловко придумано. Мы аккуратненько огибаем проклятое блюдо и заходим слева, и тогда — ура! — ветер прибивает льдину прямо к борту. Боцман подсаживает Женю на шторм-трап... И опять от льдины откололся кусок!.. Боцман успел отскокить, теперь уже он остался на льдине совсем один.

Но вы не знаете, что такое боцман... Он же моряк! Только и сложности было, что забросить на борт неуклюжих, сухопутных операторов, бравых киношников, привыкших снимать дубли, черт бы их всех побрал!

Боцман отходит назад, разбегается и... вот это прыжок! — взлетает вверх и пикирует прямехонько на шторм-трап.

Рядом со мной стоит начальник радиостанции, он же Маршал, бледный и злой: десять взбешенных учителей, целый педсовет.

— Ну, и шутки у вас, — цедит он сквозь зубы,

Чужих шуток он не любит...

Мне кажется, это будут лучшие кадры фильма: неясные огни сквозь снежное месиво, из тумана выплывает прекраснейший красно-белый корабль, гигантская заснеженная птичка с другой планеты, он идет прямо на камеру...

Вечером капитан ловко прищипливает «Архангельск» к освободившемуся причалу. На рейде, где мы стояли, осталась лужа. Малиновский озабоченно разглядывает ее в бинокль. Что случилось?

— Да ведь половина экипажа в Дудинке!.. Вернут-ся, а тут лужа, будут шарить по дну руками, искать «Архангельск». Подцепят насморк...

Завтра мы покинем «Архангельск» и отбудем из Дудинки на «Дмитрии Пожарском», ибо неотложные кинодела призывают в Мурманск, Ленинград, Москву... Наша «морковка» останется здесь, распахнет свои трюмы, и портовые краны понесут ей в клювах грузы. А мы на «Пожарском» пойдем в караване по Карской морской пустыне — пять грузовых кораблей, пять верблюдов, впереди — ледокол «Капитан Николаев», а в середине — «Мурманск», тот самый, который начинили топливом моряки «Архангельска».

— Все равно мы вас обгоним, — смеется старший помощник.

Я буду стоять у иллюминатора, впевнив взор в туманную даль, ожидая, когда же на горизонте появится красно-белый корабль. А однажды выгляну и увижу море — густую синюю уху, из которой голодные синие чайки воруют синюю рыбу, и пойму, что «Архангельск» уже не сможет нас догнать. Я открою иллюминатор,

и ветер зашвырнет в каюту тысячи брызг, тысячи синих осколков, а один попадет мне в глаз. И вся моя прежняя сухопутная жизнь в городе со всеми удобствами покажется несносной... Как захочется раздвинуть пыльные улицы-ущелья, увидеть синее живое море, послушать морские рассказы. Как захочется посидеть в каюте старпома, тесно-тесно, так, что, кажется, четыре золотых капитанских нашивки не на плече сидящего рядом Почти Старика, а на моем...

Почти Старик — он мудрец, он знает Тайну и помалкивает. А напротив, нога на ногу, белокурый кавалергард, «прима-морзлик», посмеивается Малиновский; ему тоже известна Тайна, и он тоже помалкивает: живите, как знаете... Боцман говорит прекрасную длинную речь — пышный букет чопорных садовых роз и развеселых уличных одуванчиков. Слева сидит Марат, пятый помощник, он родился в горах Тянь-Шаня, а потом стал моряком-полиглотом; он глотал язык каждой страны, в которой был, у него теперь во рту сто языков... Один говорит по-французски, другой — по-английски, третий чирикает на югославском, четвертый поет забытую мексиканскую песню:

Бес-саме... бес-саме му-чо...

А вот и хозяин каюты. Скажите-ка, многоуважаемый Александр Николаевич, почему вы выросли в лесу, а стали моряком? «Мне цыганка нагадала, — говорит старший помощник, — пришла в лес и сказала: быть тебе моряком». Он немного окает, как все архангельские поморы. «Иметь такого старпома — это счастье, — так считает Марат. — Такого старпома, как Саша...»

— Кто-то меня спрашивал, — говорит Саша, и лицо его серьезно, — хочу ли я стать капитаном? Конечно, хочу. И стану!

...Великанская птица «Архангельск» обратилась в домашний тетрадный кораблик. Он плавает между огромных, как Эйфелева башня, каспосовских радиобуев по крошечному экрану монтажного стола. За столом второй месяц, надев очки, сидит режиссер. Краткий перекур. Из жерла «Астры», как из фабричной трубы, валит дым и застилает лестницу и два этажа...

В жестяных банках для пленки плещутся моря — Черное, Каспийское, Баренцево, сверкают карские льды. У каждой банки — свой экипаж: brave капитаны, обветренные штурманы, впрочем, на флоте говорят — штурманá, арктические и южные моряки, голубые воротники с белыми каемочками...

Смотрю в окно. Так, ничего особенного, обыкновенный пейзаж. Грохочущие трамваи и длинноусые троллейбусы, степенно плывущие среди мелкой легковой сошки. Изрешеченные капелью театральные афиши на садовой ограде, а на горизонте — стены и крыши. Земля, суша... Сухопутный узел тесных городских улиц, по которым никогда не приплывет прекрасный красно-белый корабль. Он уплыл за тысячи миль, в иные времена, из которых сквозит почему-то грустью, а может быть, — заморской простудой.

Какой ужасный сквозняк!.. Надо закрыть в монтажной форточке.

ИЛЬМЕНЬ

Марк КОСТРОВ

Луна

Как-то в путешествии по Ильменю я оказался, должно быть, в самой середине озера: со всех сторон не стало видно берегов. Клев был неважный, я сидел и смотрел, как остывало, делаясь красным, солнце. И когда оно окунулось в воду, вода вокруг покраснела, заколебалась, словно раскаленный камень бросили в бочку, и лишь облака ловили свет и светились нежно и розово. И тотчас на другом краю озера вспухла огромная оранжевая луна, от нее примчалась ко мне дрожая дорожка. И пока я раздумывал, плыть мне по ней на луну или нет, луна вдруг оторвалась от горизонта и быстро, ну прямо на глазах, вознеслась в небо.

Утенок

В одной тихой бухточке выплыл из кустов утенок: потерял, видно, где-то родительницу — и ко мне. Пушистый, веселый, доверчивый. Дней трех-четырех от роду. Я его кормил мальками. Бил с размаху котелком по воде — по рыбешкам, сажал Кряку в котелок, кидал ему рыбешек; он кружился как заводной, ловко сглатывал мальков.

На ночь пришлось делать Кряке в лодке гнездо, а на следующий день он неотрывно ходил за мной и мешал махать спиннингом; если я его не кормил рыбешкой, требовательно пищал, а когда сажал его в ящик, вопли становились совсем отчаянными.

К вечеру, наигравшись с ним, я унес утенка далеко в кусты и на веслах выехал на озеро, чтобы уехать, но мотор капризничал, и, подняв голову, я увидел, как, раскачиваясь, спешит ко мне изо всех силенок желтый комочек.

Отпуск мой подходил к концу, сегодня мне нужно было возвращаться в город, да и с собой Кряку брать не хотелось — как бы не заиграли утенка мои сорванцы-детиншки.

А потому, махнув рукой на мотор и быстро разобрал весла, погнав я лодку прочь.

Минуты три, призывно крича, плыл рядом утенок. А потом стал отставать. Изредка он словно бы спохватывался, напрягал свои крошечные силенки, бил крылышками по воде, на капельку-другую приближаясь к лодке, и от этого еще больше отставал. А я безжалостно, как заведенный, работал веслами. Наконец Кряка понял — не догнать ему лодку. Он как-то съежился, поник, повернулся ко мне боком, бусинка его глаза укоризненно глянула на меня, и он потихоньку поплыл к берегу озера Ильмень, к полузатопленному ивию.

А я, сжав губы, все гнал и гнал лодку...

«Ой!»

Помню, как-то на автобусной остановке стоял со страшным бульдогом дядька. Народу было много, а вокруг него — пустота. Вдруг женщина вскрикнула: «Ой,

Васенька!». Карапуз, годика два, подбежал к бульдого. Мы и опомниться не успели, как он розовыми пальчиками ухватился за его грозный нос. И пока мама мчалась к сынишке, а хозяин оттаскивал звенящую медалью собаку, бульдог успел-таки лизнуть малышу руку. Я ехал на Ильмень.

Журавли

В середине сентября, когда солнце днем еще припекает, бродил я заречными лугами.

Вдали приглушенно шумел, грохотал, дымил город. А здесь желтели стога; дрозды, сбившись в стайки, клевали рябину. Речушки или совсем пересохли, или в них было чуть-чуть воды — иди, куда хочешь.

Вдруг в небе закурылькали журавли.

Когда они пролетали надо мной, тяжело махая крыльями, я услышал, кроме обычного курлыкканья, какие-то жалобные крики, попискивание.

Раньше я этого никогда не слышал — я подумал: верно, какие-то птицы пристроились к журавлиному клину. Я смотрел на летящего впереди, на главного журавля. Устало махая крыльями, он вел стаю на полуденное солнце, путавшееся в разорванных тучах. Но как-то странно вел, нерешительно. Его заносило то вправо, то влево, и стая, сбиваясь с хода, превращала строгий треугольник в раздерганную ломаную линию.

Откуда-то из-под стога два раза бухнуло.

Клин совсем расстроился, сбился в кучу, беспорядочно затолкался в воздухе.

Молодые охотничьи голоса кричали радостно: «О-о!.. О-о!..».

Просто так кричали, чтоб, значит, пугнуть журавлей, потому как до птиц было метров триста, да и нельзя стрелять в журавлей.

После замешательства строй журавлиный выправился, выровнялся...

И вдруг там, куда летели теперь журавли, что-то взревело, зарокотало — навстречу им взмыл самолет.

Журавлиные крики потонули в реве моторов, строй сбился окончательно, и журавли долго металась в воздухе. А когда наконец немножко отдышались, вожак повел их, планируя, назад, на тихие воды Ильмень-озера. И я подумал: сколько новых городов встает на далеком журавлином пути! С каждым годом птичьи перелеты делаются все труднее, длиннее. И попискивали не приставшие к стае посторонние птицы, а плакали от усталости журавлята. Потому-то и повел раньше времени мудрый старый журавль клин на отдых.

Побольше бы таких озер на их пути!

Виктор КУЗЬМИН

Турист — это звучит?..

Не нравится мне это слово — «турист». Сколько ни напрягаю я память, не могу вспомнить ни одного случая, чтобы кто-нибудь произнес его с оттенком уважения: «Вот, мол, человек — турист!»

Я говорю не о тех, кто путешествует в каютах теплоходов или в комфортабельных автобусах-экспрессах, а о тех, кто, напротив, убегая от комфорта и даже оставляя в стороне маломальски проторенные дороги, стремится к дальнему озеру, речке, лесной поляне.

Давно ли туристов снисходительно-ласково называли чудаками. Казалось, что это — чудачество тратить свой единственный в неделю выходной на бесцельное гулянье по лесу? Ну за грибами или за ягодами — это понятно. Охота, рыбалка — тоже. А зачем же без цели-то идти, без пользы? Еще чуднее, когда человек тратил свои короткие отпускные деньки на восхождение с тяжелым рюкзаком на какую-нибудь безымянную гору или на трудный, порой рискованный сплав по порожиистой реке.

Заметьте — такие путешествия требуют не только времени, но и немалых материальных затрат. Станный отдых, полагают иные люди и теперь. Толковый словарь русского языка определяет слово «туризм», в основном, как вид спорта. В современной жизни акценты расставлены иначе. Туризм это, в основном, вид отдыха. Даже звание мастера спорта по туризму отменили.

Чем более распространенным становится туризм как вид отдыха, тем больше раздражения слышится в голосах жителей деревень и поселков при упоминании о туристах, тем менее приятные подбираются им синонимы: верхогляды, бездельники, хулиганы.

Если вы бываете за городом, то сами, наверно, припомните разного рода жалобы на туристов. У одного они вытоптали и замусорили покосную поляну, у другого разбросали (а иногда и сожгли) стожок сена, у третьего подкопали молодую картошку или стащили зазевавшуюся курицу. Все упреки, в общем-то, справедливые. Может быть, и не часты такие случаи, но тури-

стов-то много. Сделал кто-то один, а доверие подорвано ко всем.

Туризм стал массовым явлением. Заговорили о нем не только жители сел и деревень, но и ученые, специалисты.

В их докладах и выступлениях все чаще и тревожнее звучат слова: «возрастает рекреационная нагрузка», «усиливается антропогенное воздействие на природные комплексы». Эти мудреные выражения расшифровываются просто — природа не успевает залечивать раны, нанесенные ей человеком. Не трактором и не вездеходом, а именно человеком, обутом в резиновые сапоги, кеды или туристские ботинки.

Казалось бы, зачем усложнять свою жизнь поисками тропинки в густом лесу, когда есть асфальтовые дорожки в парках? Зачем стремиться к дальнему лесному озеру, когда есть пляжи недалеко от города? Тем более что на страже лесных богатств и красоты стоит бесчисленное крылатое войско — комары, мошки, слепни.

И все же с каждым годом растет тяга людей к природе. Попытаемся обозначить хотя бы главные причины популярности туризма.

Во-первых, больше стало свободного времени. Мы уже упоминали о том, что раньше был один выходной, да и отпуска покороче, и больше был привязан человек к дому хозяйством. Огород, корова, они тоже требовали дополнительных затрат труда и времени.

Во-вторых, с каждым годом растет материальное благосостояние людей. Мы тоже говорили уже о том, что путешествия требуют, порой, немалых денег. Знаю, например, людей, которые, взяв 2—3 дня в счет отпуска, летают на майские праздники куда-нибудь на Тянь-Шань, чтобы сплавиться по горной реке, полюбоваться цветущими тюльпанами.

В-третьих, на мой взгляд, немаловажен и такой факт: изменение структуры труда. Все больше увеличивается доля квалифицированного труда, требующего незначительных физических усилий, а порой и совсем их не требующего — сидячего. Создается предпосылка для испытания своих физических возможностей, не предпосылка даже — потребность.

Все перечисленные факторы: увеличение свободного времени, рост материального благосостояния и доли квалифицированного труда — условия социального прогресса. Значит, всё нормально? Шаги туристов — шаги прогресса? Нет, пожалуй, не все так просто.

Заметьте, туризм, в основном, занятие городского населения. Позволю себе утверждать, что в городах еще ненормальные условия для жизни человека. Или лучше так — не совсем нормальные. Я не имею в виду тот общественный факт, что в городах воздух содержит в 15 раз больше пылевидных примесей, чем в сельских поселках, больше загазован, выше уровень шума, хотя это, конечно, тоже немаловажно. Я хочу сказать об отсутствии в городах продуманной системы озеленения, планировки жилых и служебных помещений. А это оказывает еще не совсем понятное, но явно негативное влияние на человеческую психику. Скажем, архитектура прямых линий чужда природе, а природа — колыбель человека. Вспомните замысловатый, причудливый орнамент восточных ковров, их радующие и согревающие душу узоры, нежную вязь вологодского кружева, резные ставни на окнах деревенских изб... Да, много можно вспомнить прекрасных творений человека. Природа тоже великий художник. Ее творения во все времена оказывали благотворное влияние на душу человека, на его здоровье. Современный, рациональный человек придумал для этого даже специальный термин — ландшафтотерапия. Вот люди и идут, идут на прием к самому доброму целителю — природе. Каждый идет своей тропинкой, к своим

любимым местам, а сходятся все, как правило, в одном месте: у красивой скалы на берегу ручья или озера, на живописной поляне. И с каждым годом все больше разветвляется сеть лесных тропинок, растут кучи бытового мусора, увеличивается количество кострищ, исчезают лесные цветы, ягоды. Как остановить этот процесс? Можно ли?

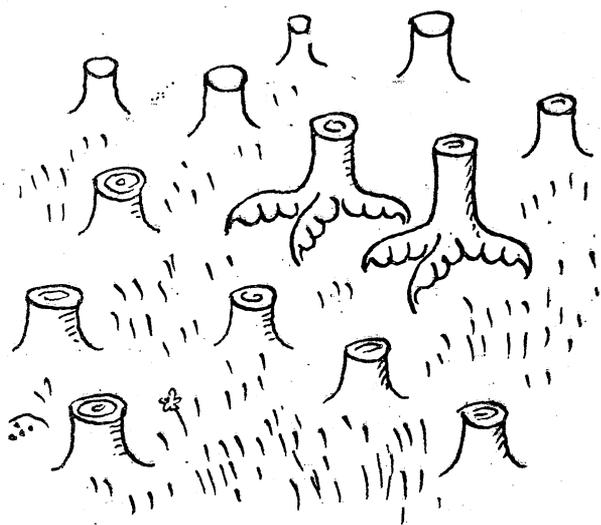
К сожалению, реальных, практических шагов в этом направлении делается пока очень мало. Чаще ограничиваемся одними призывами и лозунгами в защиту природы. А что они значат, эти лозунги, если около наиболее посещаемых туристами мест не оборудованы стоянки, кострища, указатели, смотровые тропы, нет тех же призывов к соблюдению правил? Да и самих правил тоже. Вот каждый посетитель и устраивается как посчитает для себя удобным. Так сказать, в меру сознательности.

Что происходит в результате, хорошо видно на примере уникального природного объекта, объявленного памятником природы, — Чертова городища. Оно находится недалеко от Свердловска и пользуется большой популярностью — причудливые скалы привлекают многих. Посетители, среди которых, несомненно, большинство настоящих любителей природы, вытоптали склоны этой горы до такой степени, что погиб весь подрост, стал сохнуть лес. Пострадали и скалы — сотни надписей оставили на них досужие туристы. С 1981 года решением Первоуральского городского Совета народных депутатов Чертово городище закрыто на пять лет для посещения. Но как закрыто? Забора вокруг горы не поставишь.

За это время я бывал там и каждый раз заставал туристов. Спрашивал, знают ли они об этой мере. Большинство — нет. Некоторые слышали, но не принимают ее всерьез. Оправдываются: мы же только поднялись посмотреть, лагерь у нас внизу. И они, я считаю, правы. Так ли уж необходимо лишать их возможности посмотреть на это чудо природы? Конечно, нет. Разумнее будет оборудовать указателями одну из троп, поставить щит с информацией о памятнике природы, написать правила.

Правила... Написал про них и сразу задумался. А будем ли мы их соблюдать? На городском перекрестке, оборудованном светофорами (!), в час пик милиционер и дружинники дежурят, плакат висит, на котором машина «скорой помощи» нарисована, а мы все равно умудряемся на красный свет перебежать!

Сохранение природы — обязательное условие продолжения жизни. Это аксиома. А природа давно уже включила нам если не красный, то

Рисунки М. Бурзалова

желтый предупредительный свет: «Стойте! Подумайте!»

Давайте подумаем... Не переносим ли мы на наше отношение к природе свою городскую психологию. В большом городе человек анонимен, неузнаваем. Не Иван Петрович ругался пьяный на улице, а какой-то мужик. И ему, этому мужику, не стыдно. Не Коля Сидоров в трамвае не уступил место Марье Ивановне, а какой-то здоровенный парень бабушке. Парню тоже не стыдно. Даже если ему сделали замечание, он огрызнулся и вышел через три остановки с гордым видом. Начальница ЖЭКа кричит на посетительницу и вдруг узнает в ней свою первую учительницу. Вот тут ей становится стыдно. Что, если бы нам почаще вспоминать о глазах первой учительницы, матери, любимой девушки. Может быть, стали бы мы немного спокойнее, порядочнее в отношениях с незнакомыми людьми. И с природой тоже.

Турист, как и горожанин, неузнаваем. Более того, на него не бросают осуждающих взглядов прохожие. Его не видит никто, кроме молчаливо вопрошающей природы. Так что же мы ей ответим?

Значение так называемых «природных факторов» в жизни человека с каждым годом все ощутимее. Не хочет человек селиться в городе или поселке, где нет чистой речки, задымлен воздух и не найти поблизости ни грибов, ни ягод, не встретить мест, где порадует глаз нетронутая природа. А кому же беречь ее, эту природу, как не нам самим?

Давайте вспомним, как назовут человека в лесу с ружьем без охотничьего билета? Браконьер! Никто не удивится, если человека без прав за рулем автомобиля назовут потенциальным преступником. А как назовут подгулявшую в заповедном урочище компанию, которая грозит уничтожением национальному достоянию, не имеющему стоимостного эквивалента? Чаше всего их назовут... туристами. По данным Сверд-

ловского областного управления лесного хозяйства более половины лесных пожаров происходят по вине грибников, ягодников, туристов.

Не настала ли пора разработать нормы, правила поведения на природе и сдавать экзамен, чтобы получить право на ее посещение. Это не шутка. По опыту работы в областном совете охраны природы могу сказать, что многие не знают основных законов об охране природы, не различают виды цветов и растений, сбор которых запрещен, варварскими способами собирают ягоды, грибы, неправильно устраивают кострища, не умеют обращаться с бытовым мусором. Конечно, никого нельзя лишить права посещать лес, речку, озеро. Но можно и нужно покончить с обезличенностью посетителей, с их экологическим невежеством, наладить систему контроля и штрафов. Штрафов, может быть, даже не денежных, а связанных с отработкой на благоустройстве природных территорий.

Чтобы разработать такие права, не нужно, как говорится, изобретать велосипед. По существу уже сейчас у нас в области около миллиона человек их имеет. Это членские билеты Всероссийского общества охраны природы, которое в ноябре 1984 года отметило свой 60-летний юбилей. В РСФСР более 36 миллионов членов общества охраны природы. Для сравнения скажем, самодеятельных туристов зарегистрировано только около 20 миллионов, почти в два раза меньше.

Но, честно говоря, сейчас членские билеты общества охраны природы — формальность, безликий кусочек бумаги цвета пропыленного асфальта. Ни фотографии, ни других данных, по которым можно установить владельца, там нет. Да никто никогда у вас этот билет и не спросит — документ совершенно не престижный. Поэтому и приходится агитировать: вступите в общество, дайте 30 копеек на охрану природы. А может быть, попытаться изменить это положение? Выдавать билеты только после сдачи правил, но требовать их у каждого. Конечно, для этого надо сделать билет настоящим документом.

Наши ученые сейчас много трудятся над разработкой систем безотходной технологии производства. Надо вести также экологическое воспитание на самом серьезном уровне!

В 1982 году в Свердловске открылся филиал института повышения квалификации работников туристско-экскурсионных учреждений. Кроме различных категорий штатных работников турбаз, экскурсионных бюро в институте повышает квалификацию и актив самодеятельного туризма, работники контрольно-спасательной службы. И что самое главное, повышают не только свои

профессиональные навыки, не только культурный уровень, но и знания по охране природы. Во всех учебных программах есть самостоятельная дисциплина — «Туризм и охрана окружающей среды».

Преподаватель этой дисциплины А. В. Добров поставил задачу: каждый туристский организатор должен быть общественным инспектором охраны природы. И надо сказать, количество инспекторов среди туристов сразу увеличилось. Особенно большую работу они ведут на территории будущего Национального парка в Нижнесергинском районе Свердловской области. Правда, назвали они его, как мне кажется, не совсем удачно — туродром. Так и представляется, что прибывающие туда туристы, как туры, утаптывают луга и поляны до плотности взлетно-посадочной полосы. А ведь как раз этого-то и нельзя делать. Более того, хочется, чтобы туристы, посетившие тот или иной уголок, не просто оставили его нетронутым, а оставили там след другого характера — добрый.

Отчитываясь о походе, руководитель должен заполнить раздел: «Общественно полезная деятельность на маршруте». Мало кто утруждает себя этим занятием, а если и напишет что-нибудь, то чаще всего только для того, чтобы соблюсти формальность. И действительно, зачем искать себе работу? Маршрут и без этого будет засчитан.

Думаю, не плохо было бы на каждом туристском маршруте делать один-два контрольных пункта, например на лесных кордонах, в питомниках, да просто в селах, наконец, где у туристов была бы возможность оставить добрую память о себе.

Может быть, кто-то, прочитав это предложение, скажет, что я, как известный герой А. Райкина, хочу к балерине динамо-машину привязать. Но, думаю, таких будет немного. Настоящие любители природы всегда чувствуют потребность отблагодарить ее за получаемую радость общения. Мне приходилось быть свидетелем таких стихийно возникающих добрых начинаний. Знаю я и примеры планомерного проведения природоохранной работы в походах.

Живет в поселке Билимбай Свердловской области заслуженный лесовод РСФСР А. М. Никитин. К нему в лесничество часто обращаются учителя школ с просьбой сводить ребят в поход. Несмотря на большую занятость, он старается не сказать им. Во время походов он знакомит ребят с жизнью леса, рассказывает, как трудно вырастить его, лес. Не остаются без дела и школьники. Они пропалывают саженцы, проводят противопожарные мероприятия, убирают мусор, закладывают солонцы. Да мало ли

можно сделать работы в лесу — всего и не перечислять. Есть с кого брать пример взрослым туристам!

Так как же оно все-таки звучит, это слово — турист? Если говорить не о тех, кто выходит на природу, набрав с собой «снаряжения», к туризму никакого отношения не имеющего, то надо сказать, что туристская братия — народ дружный, веселый, добрый.

Однажды я спросил кандидата в мастера спорта по туризму инженера Михаила Григорьева, чем, по его мнению, отличается туризм от других видов спорта. Он ответил: «Пусть не обижаются на меня представители других видов спорта, но мне кажется, что в туризме, как нигде, в первую очередь важны качества человеческие и только потом уже профессиональные, спортивные навыки».

Я не мог с ним не согласиться. Когда-то человек противопоставил себя природе, сейчас начинает понимать, что именно природа, как мать взрастившая его, нуждается в сыновней поддержке, уважении и любви.

Итак, турист — это прежде всего человек. Хороший человек...

ДОРОГАМИ СТАРЫХ КНИЖИГ КНИГ

Леонид БОЛЬШАКОВ

Покупали ее как образец высокого полиграфического искусства. Что за книга, когда и кем создана — об этом тогда не думалось. Ясно, что церковная. Да, «Библия». Но какое филигранное, совершенное мастерство!

За книгой не гонялись. Она пришла сюда сама. Ее принес учтивый старик, который пожелал уступить свое достояние музею.

Конечно, ему пужны были деньги, и требовались они сразу. Поэтому-то закупочную комиссию собирать не стали. Названная сумма оказалась более чем скромной. Обе стороны распрощались взаимно удовлетворенными.

Исследовал приобретение Сергей Александрович Попов — музейный работник с полувековым стажем, в своем деле непревзойденный ас.

Человек он неторопливый, поспешность в суждениях ему чужда. С «чувством, толком, расстановкой» знакомился он с новым экспонатом.

Не перекидывал пластины печатной бумаги, а каждым листом, каждой страницей, и притом без спешки, интересовался особо. Не пробегал глазами по рисункам, а на всяком взгляд останавливался.

По мере знакомства с книгой волнение нарастало.

Потом, когда горячее беспокойство отойдет, уступит место мыслям трезвым, он, Попов, в дневнике своем зафиксировал:

«Передо мною — толстый фолиант в старинном кожаном переплете. Две медные застёжки скрепляют нижнюю и верхнюю крышки переплета — деревянные дощечки, обтянутые тонкой кожей. Книга прекрасно сохранилась. Очевидно, ее берегли. Следы реставрации несут лишь несколько листов, но сделано все с большим искусством».

Бережно откидываю тяжелую крышку переплета. Титульная страница... В середине гравюры, представляющей арку с колоннами, четко вырисовываются ровные строки, оттиснутые красным: «Библия, сиречь Книга ветхаго и новаго завета, по языку славенску...» На обратной стороне этого листа фамильный герб князей Острожских и стихи из шести строф. Еще дальше — два предисловия. Одно, краткое — князя К. Ост-

рожского. На греческом и славянском языках. Второе — обширное, в нем указан составитель — «многогрешный Герасим Данилович».

Осторожно листаю плотные листы бумаги. Четкий шрифт. Верстка в две колонки. В каждой колонке — 50 строк. В начале и конце глав — заставки и концовки. Начальные буквы разделов и глав — настоящие художественные миниатюры. Всего в книге более 1200 страниц.

...Последний лист книги. И что же на его обороте? Книгопечатный знак Ивана Федорова! Рука держит за колечко медальон, в середине которого изогнутая полоска — буквы «I» и «Ф», то есть Иван Федоров. Под книжным знаком — краткое послесловие на греческом и старославянском. «Сущия же... книги... напечаташася мною многогрешным Иоаном Федоровым сыном з Москвы... в богохранимом граде Остроже в лето от создания мира 7089, от воплощения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа 1581 месяца августа 12 дня». Так вот чья это работа, вот когда она была выполнена!

«Острожская библия»... Лебединая песня Первопечатника... Так вот какой бесценной реликвией располагает отныне музей в Оренбурге! Не многие библиотеки и музеи в мире могут похвастаться таким уникалом...

Тем более важно выяснить историю данного экземпляра. Как прожил долгие столетия он? В чьих руках побывал? Кому сопутствовал?

Никаких пометок, которые давали бы возможность проследить долгую историю вот этого, конкретно этого экземпляра в книге не было. Ни владельческих знаков и надписей, ни помет на полях или чистых листах...

Попов не переставал сокрушаться по поводу того, что при покупке книги ее владельца не порасспросили «как следует». А где его искать сейчас, по прошествии времени?

Он пришел сам.

— Нашлась еще одна старинная книга — берите, — сказал долгожданный гость и подал том, бережно завернутый в бумагу.

Эта книга тоже была из старинных, но против той куда моложе — «всего» 1636 года.

Приняли, само собою разумеется, с благодарностью; нашли даже возможность подкрепить «спасибо» суммой более солидной, чем та, которая была первоначально уплачена. Однако, говоря по честному, больше обрадовались возможности поговорить об «Острожской библии» и из первых уст узнать, каким был путь экземпляра «по жизни».

Сначала, конечно, расспросили самого Кузьму Тимофеевича Аношина. Он сообщил, что родился в 1892 году в селе Воецком Корсунского уезда Симбирской губернии — село это теперь в Барышском районе Ульяновской области. И отец, и дед, и прадед крестьянствовали. Сам тоже с детства на земле работал. Учился в церковно-приходской школе. Потом подался на суконную фабрику Протопопова. В первую мировую войну взяли в солдаты, попал в плен. Вернулся домой в 1918-м. С девятнадцатого по двадцать первый служил в Красной Армии. Много лет в селе своем работал — в поле, в саду. Когда колхоз организовали, вступил в него. Трудовой стаж к моменту выхода на пенсию оказался весьма внушительным. В Оренбург перебрался сразу после окончания Великой Отечественной войны. Тут тоже работал на земле: по овощеводству, по садоводству.

— Книги любите?

— Сызмала...

— Какие?

— Исторические... По садам... По сельскому хозяйству...

— А церковные?

— Вот эту осилил. А так не увлекаюсь. Родители мои были верующими, сам я в детстве тоже перед богом трепетал. После революции от религии отошел — не по пути нам оказалось.

— Но книгу берегли?

— Так красота-то какая! Положишь перед собою — душа радуется!.. — И тут же пояснил: — Она ко мне попала не так чтобы давно — в 1935-м. Хотя теперь уж и это давно. Полжизни, почитай...

Попов стал деликатно, но настойчиво выяснять, как же такая книга «попасть» могла, и порадовался, когда убедился, что память у Кузьмы Тимофеевича добрая, надежная — не подводит.

Оказалось, что раньше «Библия» принадлежала Ивану Васильевичу Чурекову. В том же селе жил — Воецком. Старым уже подарок свой сделал.

— В молодые годы я на силу не жаловался, крепкий был мужик и помогал старику как только мог. Видел он, что до книг я охочий. Иногда и вслух ему читал. Тут он один раз и отдал мне книгу. Не мог я поверить, что таким сокровищем владею...

Труднее достались сведения про более давнюю судьбу книги.

— А у него, у Ивана Васильевича, как она оказалась?

— И сам над тем думал... Придумывать не стану, басни всякие вам ни к чему. Что помню, то и скажу. Рассказывал Иван Васильевич, что отец ли, дед ли его участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, в плену у турков побывал. Или слышал от Чурекова, или сам додумал, но было вроде так: возвращаясь из плена через Балканы и Украину, купил или так раздобыл давнишний земляк наш книгу, и стала владеть ею сельская семья на Симбирщине — владеть долгие годы. Пережила она многих. Что наша жизнь перед такой книгой?

Помолчал и спросил:

— Ей сколько?

— Четыреста лет!

— Ого-го! В музей ей и быть! Пусть и через тысячу лет посмотрят!..

Загадочно порою пути книг.

Еще сложнее изучение судеб тех экземпляров, которые и вовсе уникальны, потому что выполнены от руки.

Однажды отыскал Сергей Александрович — искатель во всех отношениях удачливый — «Хронограф». Попался он ему на музейном чердаке, невесть откуда, когда и как туда попавший.

Книга оказалась прелюбопытнейшей. Но аннотация ее и поныне не является полной — на многие вопросы ответов он так и не нашел.

Приведу эту аннотацию почти полностью:

«...Рукописный список «Хронографа» XVII века. Состоит из 949 листов; формат листа 19×28 сантиметров. Написан скорописью, разными почерками, на плотной желтоватой бумаге с водяными знаками. Текст разделен на 167 глав, в которых дана картина всемирной истории от «сотворения мира» до начала XVII века. Заканчивается повествование описанием избрания на царство Михаила Романова и заключения перемирия с Речью Посполитой в деревне Деулиной под Троицко-Сергиевским монастырем 1 декабря 1618 года.

Сведения о дате составления рукописи, а также о переписчиках отсутствуют. Судя по содержанию, оренбургская рукопись «Хронографа» является копией одного из списков третьей редакции, датируемой временем после 1620 года. Установить, каким образом рукописная книга оказалась в Оренбургском музее, не удалось...»

Да, не удалось. И, наверное, потому, что не все возможности использовал. Ну, хотя бы изучение водяных знаков... Время выпуска бумаги очень важно для установления если не абсолютно точных, то примерных временных ограничителей:

могло быть написано от сих и до сих лет. Заняться таинственной книгой, конечно, надо. Удалось же многое выяснить по музейному экземпляру «Степенной книги», поставившему перед исследователями столько вопросов, что, казалось, через этот частокол и не пробраться.

...Опять выписка из документа:

«В 1967 году в фонды музея поступил рукописный список «Степенной книги», выполненный в конце XIX века. Книга представляет огромный том из 984 листов. Текст написан старославянским шрифтом, одним почерком, тушью. Иллюстрирована большим количеством рисунков, в древнерусском стиле, выполненных тушью и частично раскрашенных акварелью. В отличие от ранних списков «Степенной книги», завершающихся описанием царствования Ивана Грозного, оренбургский вариант продолжает повествование до времени Михаила Романова».

Уже к этим выводам прийти было не просто. Не сделаешь же их, не просмотрев всю тысячу листов, не взглядываясь в особенности почерка, манеры рисования, не сопоставляя вновь обнаруженный список с другими, известными и описанными.

Список, как обнаружилось сразу, содержал в себе копии нескольких памятников древнерусской письменности. Первые его страницы дают краткое изложение «сотворения мира по библии, родословия царей персидских, израильских, египетских, римских, константинопольских». Затем идет заголовок: «Начало и описание русские земли и о пяти столичных городах». Этот раздел — о происхождении славян, слов Россия, Москва. Однако основу рукописи составляет «Степенная книга» — история Российского государства, созданная первоначально на основании летописных и других материалов в 60-х годах XVI века и имевшая своей целью, по словам академика М. Н. Тихомирова, показать, что история Руси неразрывно связана с историей царствующего дома и русской церкви в лице ее митрополитов. «Степенной» книга была названа потому, что история русских князей и царей от Владимира Святославовича до Ивана Васильевича Грозного разделялась на семнадцать степеней, или граней.

«Степенная книга» принадлежала к числу любимых книг читателей XVI, XVII и даже XVIII столетий. Все это время она переписывалась и дополнялась. Различных вариантов сохранилось немало. Напечатал ее впервые — со списка XVI века — академик Г. Ф. Миллер в 1775 году. Наша, оренбургская, находка имеет своей основой список второй половины XVII или даже XVIII века. Последняя запись здесь — о рождении в 1630 году царевны Анны...

Но ничуть не меньше, чем содержание руко-

писной книги, будоражил С. А. Попова вопрос: кто весь этот гигантский труд проделал? У кого хватило таланта и терпения, чтобы создать список исключительных художественных и каллиграфических достоинств?

Задачу исследователя облегчала приписка в конце фолианта: «Писана сия книга в городе Оренбурге Иваном Ивановичем Кочетовым в 1887 году».

Полезными были и сведения в послесловии: «Начат же ся писатися книга сия глаголемая Степенная с древлеписьменной книги Степенной месяца июня в 24 день в лето от Адама 7394. Совершившежеся в лето 7397 месяца сентября в 23 (день)».

Кто-кто, а Попов «перевел» это быстро: работа переписчика началась 24 июня 1886 года, а закончилась 23 сентября 1889 года.

Почти сорок месяцев! И какого самозабвенного, утомительного, увлеченного труда!

Кочетов Иван Иванович... Что за человек? Откуда родом? Где всему этому учился? Как сложилась его жизнь?

Может, ответы найдутся, если выяснить, как книга поступила в музей?

Список поступил сюда не сразу. Первоначально он был отдан в местную библиотеку имени Хусаина Ямашева и уже оттуда ее заполучил краеведческий.

В библиотеку рукописную книгу передал один из читателей, а именно Кочетов Александр Иванович. При вручении дара он сказал, что переписчиком являлся его отец, умерший в 1920-м.

Попов пустился в поиски А. И. Кочетова. Нашел.

1900 года рождения, пенсионер. Визитом польщен. Готов быть полезен. История семья? Пожалуйста.

Еще дед был крепостным. У графа Шереметьева, в Казанской губернии. Село слыло «промышленным», каждый владел специальностью. Дед занимался кожевенным делом. А потом от крепостной зависимости откупился. С двумя сыновьями и двумя дочерьми приехал в Оренбург. Обосновался. Работал кожевником. Мастером был отменным — славился.

Иван Иванович, отец рассказчика, в школу не ходил. Читать-писать выучился у дьячков. «По знакомству» дед устроил его к купцу Серякову. Работал в подвале, на приеме и выдаче тикового материала. Хвалили за трудолюбие, за честность. Но дальше приказчика не пошел — не было к этому склонности. Другое влекло — книги, художества... Умер в годах. В Оренбурге и похоронен.

Да, книги он любил всего больше. Данилевского, Писарева, Гончарова, Достоевского... «Ни-

ву» выписывал... Читал много. А как рисовал! Тут у него талант был особый. Помните, вел дневник, в котором каждый день записывал состояние погоды — так на каждой странице рисунки.

Он, Александр Иванович, много слышал о том, как в течение нескольких лет отец переписывал «Степенную книгу». Все рисунки делал сам. Писал-рисовал в холодное время года: в летнее мух было много, боялся, чтобы не засидели.

На чтении, переписывании да тонком рисовании отец и зрение свое потерял. В последние годы он совсем плохо видел.

Хоронить Ивана Ивановича ему не привелось: с 1919 по 1922 год был в Красной Армии. Сначала в Оренбурге служил, в обороне города от дутовцев участвовал. Потом перебросили в Среднюю Азию, на борьбу с басмачами. А отец в это время умер.

Отыскал Сергей Александрович и других родственников того самого Кочетова. Каждый добавил что-то от себя.

Попов написал об удивительной книге в газету. Статью напечатали. Читатели приходили — просили показать. Показывал, снова и снова любуюсь сам. И неожиданно-негаданно получил письмо из... Богородска Горьковской области.

Автор письма ездил в Оренбург в гости, увидел статью, прочел в ней про И. И. Кочетова, вспомнил, как с 1906 по 1914 год работал с ним вместе у купца Серякова.

«Иван Иванович был исключительно талантливым человеком. Он много читал книг по истории России, любил и знал ее, с увлечением всем рассказывал. Рассказывает да вдруг берет карандаш, рисовать начинает, и ты представляешь себе человека, про которого речь идет, с необыкновенной ясностью. Рисовал быстро и хорошо. «Степенную книгу» я у него видел — он любил ее показывать. Не раз пытались богатеи откупить его работу, мы даже уговаривали: продай, положение поправишь. Да только не мог настоящий художник свое искусство на деньги разменивать...»

Дело рук, труд жизни безвестного самоучки живет и людей радует. Прекрасное сейчас у него «место жительства» — музей. Для любого самородка лучшего и не придумаешь!

* * *

Когда я недавно приходил к Сергею Александровичу, он вел разговор о будущей экспедиции, в которую собираются его ученики.

— Экспедиция археологическая? — спросил я.

— Археографическая, — уточнил Попов.

Старая книга не всегда сама в руки идет. Ее искать надо. Искать и — спасать...

УРАЛЬСКИЙ САМОВАР

Во многих уральских музеях самовары представлены...

Откуда пошел самовар? Первую самоварную фабрику основал в 1778 году туляк Иван Лисицын. Это и документально подтверждено. Но появились и другие свидетельства.

Доктор исторических наук А. Г. Козлов (ныне покойный) показал мне выписку из архивного дела, в которой упоминается уральский самовар, сделанный в 1740 году. Значит, за три с лишним десятка лет до Ивана Лисицына уральцы начали мастерить медные самогреи! Читаю документы восемнадцатого века...

В 1731 году был утвержден Сибирский тракт, и все товары надлежало везти через Верхотурье. Тех, кто искал обходные дороги, чтобы не платить пошлины, ловили и наказывали. И вот в 1740 году в Екатеринбургской таможне завязалось дело. На Уткинской пристани, принадлежавшей Демидову, солдат Захар Гилев задержал «купецких людей». Они везли «на шести подводах меда шесть кадудшек, вес сорок шесть пудов тридцать один фунт, ореки да медный самовар с прибором...» И закрутилась бюрократическая карусель. С Екатеринбургской таможни послали людей для досмотра товара, и весь он был арестован. Вот с какими приключениями в Екатеринбург (Свердловск) попал один из первых самоваров...

А были то не «купецкие люди», а, как писали в объяснении, «Иргинского завода содержателей Осокиных жители Тимофей Пушняков со товарищи». И самовар они везли не на продажу, а приказчику Ивану Шевцову в Екатеринбург.

Смотрю копию протокола от 20 марта 1741 года. Он был составлен в Екатеринбургской таможне и передан в канцелярию «главного заводов правления». Приказчик доказывал, что самовар и все припасы везли ему (это уже не считалось торговлей, и пошлины платить не надо было), а «самовар делан при том на Иргинском заводе к тому же...» Значит, в 1740 году на Урале их уже делали.

Иргинский завод построили в 1728 году выходцы из Балахны Г. П. и П. И. Осокины. Скорее всего самовары здесь стали делать в тридцатые годы, то есть фабричному русскому самовару 250 лет. На полвека раньше туляков уральцы поставили это производство. Не какую-то нелепую самоделку вез Тимофей Пушняков в Екатеринбург, а «самовар медный на обе стороны луженый весом шестнадцать фунтов». То есть водогрей сделан как надо, солидный.

Как видим, самовар пошел по свету все-таки с Урала, а не из Тулы.

Ю. ЛИПАТНИКОВ

Фотокомпозиция на 4-й стр. обложки —
А. Лысякова

МИР
НА ЛАДОНИ

ТВОЙ СВЕРСТНИК В СТРАНАХ КАПИТАЛА

● Могут ли юные американцы читать лучшие произведения мировой литературы? Далеко не все и не всегда. Издательства США отказываются, например, переиздавать «Баллады о Робин Гуде» под тем предлогом, что они «проповедуют беззаконие, насилие и коммунизм». Различные религиозные организации страны добиваются изъятия из школьных библиотек книг, в которых упоминается теория эволюции Дарвина, а также «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена, «Гроздьев гнева» Джона Стейнбека и других «подрывных» произведений.

● Почти триста тысяч детей в ФРГ не имеют крова, живут в приютах для бездомных, — заявил президент западногерманского Союза по защите детей профессор В. Бэрш. Он обратил внимание общественности также на многочисленные случаи физической расправы родителей над собственными детьми. Зарегистрированы тысячи преступлений такого рода. Причина жестокости взрослых — тяжелое материальное положение семей.

● Производство игрушек, пропагандирующих войну и насилие, в США стало большим бизнесом. Появилась серия наборов для игры под названием «Война будущего». Другое развлечение — «Игра на выживание». В ходе этой игры участники переодеваются в

настоящую армейскую маскировочную форму и выслеживают друг друга, пытаясь перестрелять команду противника наполненными красной краской пулями из пистолетов калибра 68.

Предприниматели организовали прокат комплектов «Игры на выживание» в парках США и Канады и намерены двинуть их также в парки Западной Европы, Австралии.

«Высказывания участников игры просто пугают, — подчеркивают исследователи. — Они выходят из нее с ощущением своей власти над другими. Им не трудно схватиться за настоящее оружие, убивать...»

● Специалисты университета факультета воспитания в Онтарио (Канада) утверждают: очень многие игрушки и приложения к ним, в частности видеоигры, прославляющие подвиги американских солдат, провоцируют агрессивность.

● Телесные наказания в японских школах, как и в довоенное время, становятся обычным методом воспитания. Действующий в стране закон такие наказания запрещает, но... Все токийские студенты, которые были опрошены на этот счет, рассказали, что в школе они подвергались телесным наказаниям неоднократно.

● Итальянские газеты снова и снова рассказывают о случаях, когда родители, доведенные нуждой до от-

чаяния, продают своих детей состоятельным фермерам в услужение. «Рабочие в коротких штанишках», как называют проданных детей, вынуждены гнуть спину на своих хозяев по 12—14 часов в сутки.

В некоторых южных итальянских городах в летнее время устраиваются настоящие «ярмарки детей». Проданные, они нередко кончают жизнь самоубийством.

Во время обыска в одном из домов города Салеми полиция обнаружила пачки бланков с таким текстом: «Я, нижеподписавшаяся, родившая ребенка в ... году, доверяю его господину..., чтобы он позаботился об его устройстве и воспитании. Получила за это ... лир». Бизнес на торговле детьми организовала группа дельцов, которая действовала безнаказанно почти шесть лет. Они скупили детей у матерей-одиночек буквально за гроши.

● 16-летний Гуннар Шульд и его ровесница Инес, взявшись за руки, выбросились с 15-го этажа в Гамбурге. За день до этого в Фульде (тоже ФРГ) 16-летняя Эльке Хикль и ее 18-летняя подруга Анна Бредендик отравились выхлопными газами. «Я не хочу больше жить... Я хорошо представляю, каким будет мое будущее... Жизнь ничего не сулит нам, кроме разочарования», — написала, прощаясь с родными, Эльке. Подруги хотели найти работу, но всюду их ждал равнодушный отказ.

● Большое число английских школьников, прежде всего — дети из семей бедняков, вынуждены бросать школу, даже не овладев навыками чтения и письма. В результате в повседневной жизни им приходится сталкиваться со многими серьезными трудностями.

Сейчас в Англии два миллиона неграмотных взрослых. Лишь 15 процентов из них могут посещать специальные курсы, чтобы

овладеть грамотой. На открытие большого числа таких курсов у правительства нет денег (зато они есть на самое дорогостоящее вооружение). Организация по ликвидации неграмотности считает, что неграмотных в связи с этим в стране будет все больше.

● Сурат — один из самых заурядных индийских городов, но в то же время это крупный мировой центр по производству бриллиантов. Гранильщики алмазов — в основном юноши, многим из них нет и 14 лет. Законы страны запрещают использовать труд подростков, но юные мастера в Сурате «опекаются» хозяевами-работодателями и вынуждены корпеть над камнями по девять и более часов в день. В крохотных мастерских почти друг на друге сидят по 30—40 человек. За труды каждый из них получает гроши, но многие гранильщики все же рассчитывают когда-нибудь открыть свое бриллиантовое дело. Специалисты правительственного Института алмазов убеждены в том, что у юных ремесленников нет никакого будущего, никаких шансов. Потому и владельцы алмазной индустрии уверены, что смогут и дальше наживать огромные состояния.

● Вот что показала выборочная проверка знаний у учащихся шестых классов в средних школах крупнейших капиталистических стран: американские подростки хуже всех знают математику, естественные науки, географию; почти каждый пятый из проверенных в Далласе не смог отыскать на карте даже собственную страну — Соединенные Штаты...

● Самые маленькие школьники Бергена (Норвегия) после уроков подчас не могут найти свой дом, — многие коттеджи абсолютно одинаковы. Их родителям приказано вывесить свои фотографии.

Пешком через пустыню

В середине лета минувшего года в путь через пески Каракумов, когда там стояла 60-градусная жара, отправились пешком ходом семерка отважных экспериментаторов во главе с 37-летним Николаем Кондратенко. Шестеро — алмаатинцы, седьмой — Владимир Климов — из уральского города Каргалы (Челябинская область).

Н. Кондратенко уже несколько раз руководил походами в жгучие пески. В нашей стране интенсивно осваиваются не только северные, приполярные районы, но и самые жаркие пустынные территории, и такие походы должны дать ответ на многие вопросы, связанные с возможностями жизни человека в экстремальных условиях.

На этот раз от начальной точки маршрута — Ташауза до конечной — Бахардена было 520 километров. Как никогда много! Но семерка пешеходов преодолела их и финишировала через три недели, 7 августа.

Даже научной и контрольной группам (последняя состояла в основном из студентов), которые ехали параллельно маршруту семерки на крытых грузовиках, пришлось нелегко. И все же, отвечая на вопросы журналистов, встретивших пустынных пешеходов у финиша, Владимир Климов сказал:

— Смогли бы мы пройти еще столько же? Надо отдохнуть немного, а после можно снова в путь. Лучше, конечно, другим маршрутом, чтобы было интересно.

Группа шла близ дорог, от колодца к колодцу. Самый большой переход без отдыха был равен 56 километрам. Как отмечают ученые, порой в пустыне не выдерживали приборы, особенно — электронные, а семерка показала себя с самой лучшей стороны. Врачам не удалось зафиксировать предельных напряжений ни у одного из членов маршрутной группы. Тренировка обеспечила экспериментаторам достаточные физические и моральные резервы.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Часы на небоскребе

Как утверждают рекламные проспекты, отныне жителям японской столицы нет нужды иметь при себе наручные часы. Дело в том, что не так давно завершилось строительство одиннадцатого по счету токийского небоскреба. И хотя он насчитывает всего 30 этажей и считается самым маленьким в этом многомиллионном городе, его фасад украшают часы диаметром 28 метров. По мнению японцев, это самые большие уличные часы в мире.

К. БЕЛОВ

Школа сибирских ученых

Двадцать пять лет назад в тридцати километрах от Новосибирска открылся новый государственный университет, ставший настоящей школой ученых. Среди его первых студентов были молодые рабочие, приехавшие по комсомольским путевкам строить городок Сибирского отделения Академии наук СССР. Примечательно, что студенческую практику юноши и девушки проходили в лабораториях научного городка, созданного своими руками, а их преподавателями в аудиториях университета стали сотрудники Сибирского отделения АН СССР. Такая система продолжается и поныне.

Сейчас в научном городке Новосибирска работают уже более двух тысяч выпускников этого университета, то есть каждый пятый. Семьсот из них — кандидаты наук, а сто — доктора.

С. ПЕТРОВ

Кубинский танец — Ленину

В одной из частных коллекций старых пластинок кубинский композитор и музыковед И. Гонсалес обнаружил диск с названием «Ленин» на французском и испанском языках. Он передал пластинку в Национальный музей музыки, там ее переписали на магнитофонную ленту.

Как оказалось, дансон «Ленин» — первое кубинское музыкальное произведение, посвященное вождю Великого Октября. Оно было написано популярным композитором Элисео Гренетом в 1924 году. Элисео Гренет родился в Гаване. В 10 лет он дирижировал школьным оркестром, а уже в 13 лет работал пианистом. В тридцатых годах Гренет вынужден был, преследуемый властями за песни-протесты, покинуть родину. Он умер в 1950 году.

Через несколько месяцев после того, как Гренет написал и исполнил со своим оркестром дансон «Ленин», на Кубе была основана коммунистическая партия.

Д. ВЕДЕРНИКОВ

Россыпь акулиных зубов

Донецкие школьники обнаружили в степи близ поселка Алексеево-Дружковка россыпь хорошо сохранившихся акулиных зубов. Сорок миллионов лет назад на месте находки плескались морские волны.

В. ДАНИЛИН

Берегись, рыба!

Какие только хитроумные приспособления ни придумывают рыбаки, чтобы не вернуться домой без улова. Новое слово в технике рыбной ловли решили сказать американские специалисты. Для того чтобы избавить любителей этого занятия от необходимости до рези в глазах следить за малейшими движениями поплавка, они оборудовали удочку... сложной электронной системой. Основной ее частью служит эхолот, который начинает отсчет расстояния, как только в радиус его действия попадает потенциальная добыча. Вспыхивающие на табло цифры показывают, насколько близко рыба приблизилась к приманке. Если рыбак не смотрит на экран или задремал, то и тут он может не беспокоиться: звуковой сигнал оповестит его о моменте соприкосновения добычи с крючком. Трудно сказать, насколько увеличится удовольствие от электронной рыбалки, однако ясно одно: новая снасть будет далеко не всем по карману.

Я. МЯСНИКОВ

Новая велофара

Тринадцатилетний англичанин Гидеон Тиерл изобрел особую фару для велосипеда. Он ежедневно ездит в школу на велосипеде, и возвращается затемно. Поэтому заметил, что фара, получающая энергию от вращения педалей, иногда — при уменьшении скорости — светит слабо. Значит, велосипедист может легко стать жертвой аварии на вечернем шоссе. Гидеону пришла идея дополнить питание фары батареями. Используя детали старого велосипеда и закупив кое-что в магазине, мальчик после двух месяцев экспериментов запатентовал новую фару. Она снабжается током от динамки при вращении педалей, при остановке — от батарей. Причем, когда начинаешь вращать педали, батареи автоматически отключаются.

Ф. ГЕОРГИЕВ

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22-в

Телефоны отделов:

51-55-56 (писем, публицистики)
51-22-40 (секретариат)
51-09-71 (прозы и поэзии)
51-53-20 (науки и техники,
слепопытской жизни)
51-09-69 (краеведения)

В НОМЕРЕ:

2/ Л. Сорокин
Я РАСТРЕВОЖЕН
ЗВЕЗДНОЙ
ТИШИНОЮ
Стихи

4/ М. Одинцов
ПРЕОДОЛЕНИЕ. Начало

«...Генерал Иван Анисимович Сохатый невольно подумал о том, сколько тысяч восходов и заходов солнца пришлось видеть ему и его товарищам за долгие годы службы в Военно-Воздушных Силах. Сколько ночей, находясь в полетах, не спали они — крылатые стражи Земли своей и народного спокойствия...»
В записках военного летчика рассказывается обо всем этом.

30/ СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Короткие сообщения о поисковой работе школьников, посвященной известным советским полководцам, героям гражданской и Великой Отечественной войн.

32/ В. Костромин
ДВА ИМЕНИ
НА ОБЕЛИСКЕ

Отец и сын Ольховские вместе сражались с ненавистным врагом. Один был командиром, второй — юнгой на бронекатере. Они погибли в неравном бою. Их имена высечены на постаменте памятника в городе Пинске. Оба посмертно награждены орденами Отечественной войны.

33/ В. Крапивин
МАЛЬЧИК
И ЯЩЕРКА

Окончание новой фантастической повести известного уральского писателя.

63/ Ю. Кокошко
И ГДЕ-ТО ЗА СТВОЛАМИ
МОРЕ...

Система «Коспас-Сарсат» объединила страны для спасения человеческих жизней. Свердловские кинематографисты совершили большое морское арктическое путешествие, чтобы создать ленту о действии этой системы.

69/ М. Костров
ИЛЬМЕНЬ

70/ В. Кузьмин
ТУРИСТ —
ЭТО ЗВУЧИТ?

Чем более распространенным становится туризм как вид отдыха, тем больше раздражения слышится в голосах жителей деревень и поселков при упоминании о туристах... Автор статьи ставит ряд серьезных проблем.

74/ Л. Большаков
ДОРОГАМИ
СТАРЫХ КНИГ

«Острожская библия» — лебединая песня печатника Ивана Федорова. Вот какой бесценной реликвией располагает оренбургский музей.

78/ МИР НА ЛАДОНИ

Подборка короткой информации рассказывает о жизни подростков в странах капитала. В десять лет Элисео Гренет дирижировал школьным хором, а в 13 — уже рабстал пианистом. Ему принадлежит первое кубинское музыкальное произведение, посвященное В. И. Ленину. Оно было написано в 1924 году.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ

СТРАХОВАНИЕ СТРОЕНИЙ

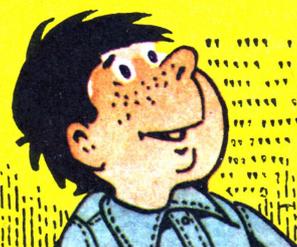
СМЕШАННОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

СТРАХОВАНИЕ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

СТРАХОВАНИЕ К БРАКОСОЧЕТАНИЮ

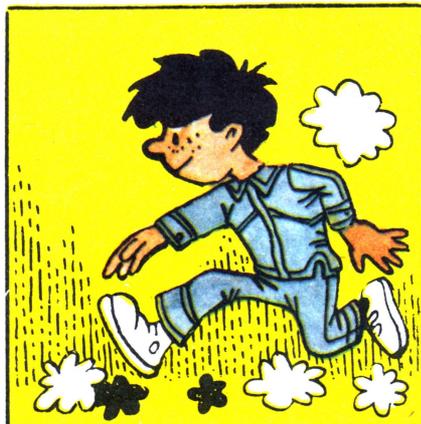
СТРАХОВАНИЕ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА

СТРАХОВАНИЕ СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА

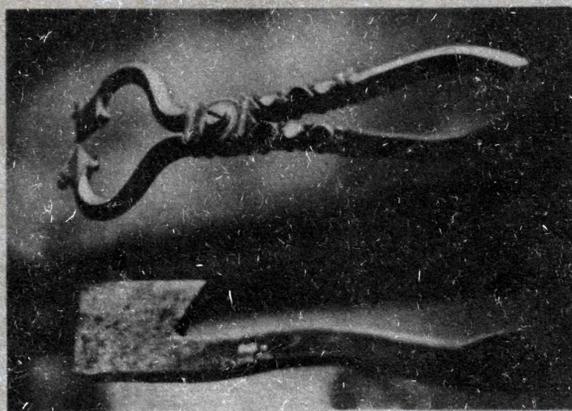
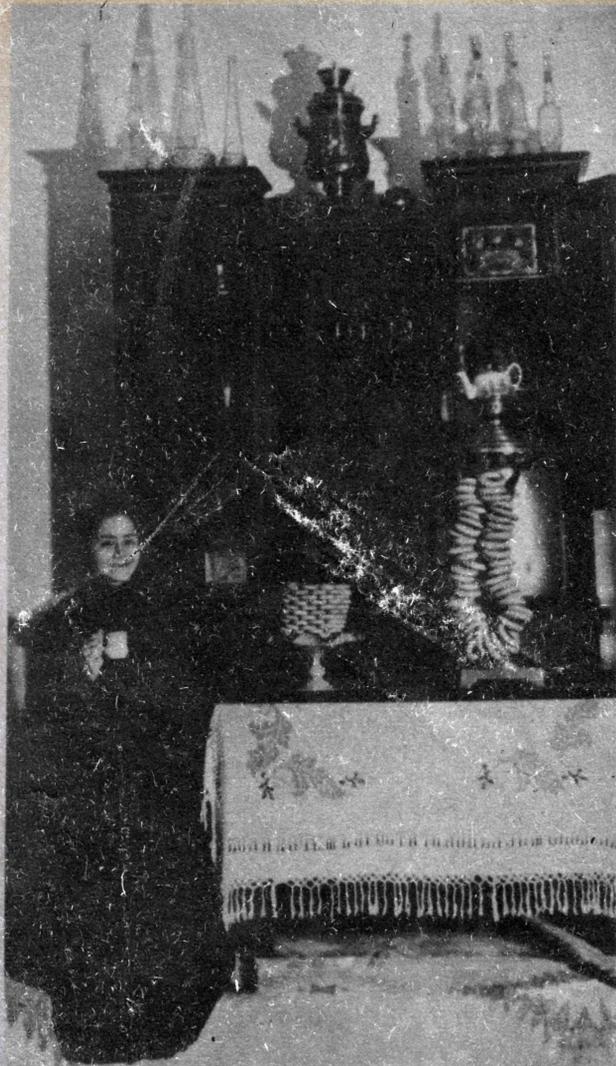

СТРАХОВАНИЕ ДЕТЕЙ

УПРАВЛЕНИЕ
ГОССТРАХА
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

Сахаров

УРАЛЬСКИЙ САМОВАР

Читайте об этом на стр. 78

40 коп.

Индекс 73413

Уральский следопыт, № 2, 1985, 2 — 322.